

Евгений Якубович

РАССКАЗЫ

фантастика

Original painting by Lera Karpinsky

Евгений Якубович

**фантастические
рассказы**

Президент и бабочка

Преуспевающий адвокат Джон Маккейн сидел в своем роскошно обставленном кабинете за массивным письменным столом и читал толстую книгу, быстро просматривая страницы. На пестрой обложке мускулистый брюнет, с патронташем через грудь, палил из ручного пулемета по зеленым человечкам, спускавшимся по трапу звездолета. К его спине прижалась длинноногая красавица-блондинка. Время от времени хозяин кабинета откладывал книгу и делал несколько глотков кофе из стоявшей перед ним большой керамической чашки.

Письменный стол был девственно чист. Кроме уже упомянутой чашки, на нем стояла лишь фотография в рамке. На фотографии четверо молодых летчиков стояли возле самолета. Приглядевшись, в одном из них можно было узнать самого хозяина кабинета. На фотографии ему было не больше тридцати

лет. Сегодняшнему Маккейну, сидевшему за письменным столом, уже перевалило за семьдесят.

На стене позади стола висели портреты двух президентов США: Франклина Рузвельта в инвалидном кресле с укрытыми пледом ногами и нынешнего президента – Хиллари Клинтон, выступающую на лужайке перед Белым Домом. Между фотографиями, прислоненный к стене, стоял свернутый американский флаг.

Дверь осторожно отворилась и в кабинет вошел секретарь.

– Позвольте напомнить, мистер Маккейн, вас ждут двое посетителей.

– Черт! Откуда они взялись, Феликс?

– Сэр, по четвергам у вас приемный день.

– Какого черта, разве сегодня не среда?

– Боюсь, что нет, сэр, – тоном

классического английского дворецкого ответил Феликс. – Сегодня четверг, 11 марта, 2010 года. Время – двенадцать часов и к вам записаны два посетителя. Оба по одному

вопросу.

— Уже легче. А отменить никак нельзя? Я же сказал: никаких новых клиентов до конца месяца. У меня отпуск.

— Сожалею, сэр, но это не клиенты. По их словам у них есть для вас какое-то предложение, которое вас непременно заинтересует. К тому же они оплатили визит по высшей ставке. Всего один вас.

— Ну, хорошо,пусти их и включи видеозапись. Сам тоже останься и приготовь пистолет.

— Думаю он не понадобится. Джентльмены представились сотрудниками Доуссоновской физической лаборатории. Оба доктора естественных наук.

— Тем более! — раздраженно ответил Маккейн. — Физики, то же мне невидаль! Не шестидесятые годы, в конце концов. Еще бы программистами представились! Я, между прочим, тоже доктор права. Однако не кричу об этом на каждом перекрестке.

Феликс молча вышел. Он давно привык к

постоянному ворчанию шефа. В молодости тот был страшно вспыльчив; к старости эта черта характера превратилась в брюзжание по любому поводу.

Оставшись один, Маккейн отодвинулся от письменного стола и стало видно, что он сидит в инвалидном кресле, почти таком же, как президент Рузвельт на фотографии. Привычно раскручивая колеса руками, адвокат подъехал к небольшому столику в углу комнаты, достал из коробочки пару таблеток, запил их минеральной водой и вернулся за стол. Едва он положил руки на стол, как за дверью послышались голоса и в кабинет вошли посетители.

— Доктор Кельвин и доктор Аллен, — представил их Феликс. И обратившись к гостям добавил: — У вас есть один час для разговора.

Он усадил посетителей в два мягких низких кресла напротив адвоката, а сам занял жесткий стул за небольшим столом сбоку от хозяина. Посетители были чем-то похожи, но

эта неуловимая схожесть не поддавалась конкретному описанию. Оба были хорошо и дорого одеты, аккуратно подстрижены и тщательно выбриты. Они достали визитные карточки и вручили их Маккейну.

Адвокат бегло просмотрел их.

– Слушаю вас, господа!

Разговор начал доктор Кельвин:

– Мистер Маккейн, как вы относитесь к путешествиям во времени?

Мистер Маккейн, привыкший за свою адвокатскую практику и к более странным вопросам, невозмутимо ответил:

– Как к интересному сюжету для фантастического произведения.

– Да, это понятно. Но как бы вы отреагировали, если бы узнали, что машина времени существует на самом деле?

– А я должен как-то реагировать?

Посетитель смутился, чего и добивался адвокат. Но тут подключился второй посетитель, доктор Аллен:

– Мистер Маккейн, мы говорим вполне

серьезно. Дело в том, что в нашей лаборатории ведутся работы по созданию машины времени. Хотя и не совсем такой, как ее описал Герберт Уэлс. Во-первых, действие машины направлено только в прошлое. Во-вторых, и это главное, мы не в состоянии переносить физические объекты. Речь идет о перемещении сознания. После переноса человек обнаруживает себя в прошлом, в своем собственном теле. При этом он сохраняет знания и опыт из своей прежней жизни.

— Вот как, — мистер Маккейн задумался. — Ну что ж, рано или поздно такое должно было случиться. Почему же об этом ничего не сообщили в СМИ? Или это секретная разработка?

Аллен помедлил:

— И да, и нет. Мы работаем в государственной лаборатории, где проводятся исследования природы времени. До последнего времени они носили чисто академический характер. Однако, недавно нам

с коллегой удалось добиться практических результатов. Мы и в самом деле можем отправить сознание человека в прошлое. Более того, мы уже осуществили несколько удачных опытов. Но держим это в секрете.

– Понимаю, понимаю, – усмехнулся адвокат. – У вас есть некий микрочип, который вы вставляете в компьютер машины времени, чтобы она заработала. Потом вы его прячете, а без него ничего не выходит. Классический Голливуд.

Аллен не смутился. В отличие от своего приятеля он прекрасно держал себя в руках:

– Не микрочип. Микросхему невозможно сделать незаметно кустарным способом. У нас есть программа. То, что упрощенно мы называли машиной времени, является комплексом генераторов, каждый из которых воздействует на время своим уникальным образом. Для управления установкой действительно используется компьютер, тут не надо быть провидцем. – В глазах Аллена промелькнул ехидный огонек. – Понимаете,

все пока находится на стадии эксперимента. Мы с коллегой работаем в группе экспериментаторов. Грубо говоря, мы гоняем установку, постепенно меняя режимы работы отдельных генераторов, в надежде найти те, которые дадут необходимый эффект. Сочетание параметров работы всего комплекса имеет практически неограниченное число вариантов. Теоретики свели это количество к вполне приемлемому, но все еще очень большому числу. Нам, экспериментаторам, осталось лишь методично проверять работу установки в указанных теоретиками режимах. И вот однажды вечером мы с доктором Кельвином обнаружили, что нашли нужное сочетание параметров. Нам страшно повезло, что это случилось в вечернее время, когда в лаборатории никого кроме нас не было.

— Так, так. — На лице адвоката читалась насмешка. — Пока все соответствует сюжету. Продолжайте.

— Нам пришло в голову, что мы сможем на

некоторое время скрыть эти результаты и воспользоваться машиной в собственных целях. Первым делом мы подчистили записи в исследовательском журнале, и теперь этот режим вместе с тысячей других, опробованных ранее, считается нерабочим. Естественно, мы сохранили у себя копию управляющей программы. После этого мы испытали машину времени в действии. Не буду отвлекаться на подробности. Скажу лишь, что мы по очереди переносились в прошлое – вначале на несколько минут, потом на несколько часов. Мы веселились как дети: ставили простенькие эксперименты и даже подшучивали друг над другом. Потом спохватились и прекратили все это. Ведь находясь в прошлом, мы могли изменить настоящее таким образом, что потом не смогли бы составить эту пресловутую программу. Не говоря уже о более глобальных последствиях наших проделок.

Адвокат одобрительно кивнул:

– Рей Бредбери, "И грянул гром". После этого рассказа даже появился специальный

термин "эффект бабочки". Мне нравится, что вы не пренебрегаете классикой фантастики, — Маккейн пристально поглядел на физиков. — Итак, вы утверждаете, что отправили несколько человек в прошлое. Это непременно должно повлиять на ход истории, и, если верить все тем же писателям-фантастам, наша реальность должна измениться.

Аллен посерьезнел:

— История действительно меняется.

Конечно, это прежде всего зависит от самого путешественника во времени. Если отправить в прошлое обычного городского обывателя, то вряд ли мир перевернется. Ну женится парень не на Мэри, а на Элен. А та, впоследствии, окажется такой же стервой. Или заключит контракт не с фирмой, которая впоследствии прогорела, а с ее конкурентами. Возможно, те тоже прогорят. В лучшем случае — он разбогатеет. По его понятиям, конечно. Купит хороший дом в престижном районе, новую дорогую машину, а по воскресеньям будет играть в гольф. Может быть даже — предел

мечтаний! – заведет себе любовницу из фотомоделей. В любом случае, все изменения реальности коснутся лишь его ближайшего окружения. Не все рождаются Наполеонами.

Маккейн согласно кивнул. Аллен продолжил:

– Однако, люди, которых мы отправили в прошлое, принадлежат к другой категории. Это состоятельные влиятельные люди, добившиеся многого в этой жизни, но по ряду причин, недовольные своим сегодняшним положением. Возвращение в прошлое подобных амбициозных личностей неизбежно приводит к серьезным изменениям истории.

Маккейн пристально взглянул на Аллена:

– О кей. мистер Аллен, это выглядит вполне разумно. Но откуда вы знаете об этих изменениях? Ведь если меняется ход истории, если меняется весь мир, то и вы должны измениться вместе с ним! Как вам удастся сохранять память об исчезнувшем мире?

– Мы сами не раз задумывались над этим. То есть, я могу рассказать как это происходит.

Во время работы установки за окнами здания лаборатории сгущается плотный туман. Через некоторое время он рассеивается и мы оказываемся в новом мире, полностью сохраняя память о предыдущем. Лаборатория и все что в ней находится всегда остаются неизменными. Но как и почему это происходит, я затрудняюсь ответить. Видимо машина времени таким образом защищает сама себя, чтобы остаться неизменной после всех изменений. Иначе она может попросту исчезнуть.

Мистер Маккейн расплылся в улыбке:

— Я так и подумал. Вы взяли идею из Азимовского "Конца вечности", правильно? Во время переноса вы находитесь в защищенном убежище и наблюдаете за изменениями реальности как бы со стороны.

Внезапно адвокат посерьезнел и резко бросил:

— А теперь, господа, я благодарю вас за прекрасную историю. Возможно, вам стоит ее записать и опубликовать как фантастический

рассказ. Хотя, скажу прямо, ничего нового я не услышал – так, стандартная компиляция избитых тем.

Наконец и Аллен не выдержал ироничного тона адвоката:

– Почему вы все время насмехаетесь над нами? Мы пришли к вам с серьезным предложением.

Маккейн посмотрел на часы:

– Если у вас есть что предложить мне, то делайте это побыстрее. Вы уже потратили пятнадцать минут моего времени на изложение банальной фантастической истории. Делайте свое предложение или я попросту прикажу Феликсу выбросить вас вон.

Физики переглянулись. Кельвин успокаивающе похлопал Аллена по руке и взял инициативу в свои руки:

– Хорошо, мистер Маккейн, мы будем предельно конкретны. Для начала позвольте рассказать одну историю.

– Как, еще одну?

– Очень короткую и весьма любопытную. –

успокоил его Кельвин. И, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Жил-был молодой военный летчик, имя которого пока называть не станем. Жил он чрезвычайно весело и по вечерам предпочитал проводить время в баре со стриптизершами, а не засиживаться над учебниками пилотирования и технической документацией. Летал он лихо – это признавали все. Но недостаток теоретической подготовки не раз подводил его. Обычно наш летчик выходил сухим из воды, включая случай, когда он приземлился с отказавшим мотором. Однако десятого декабря 1965 года случилось непоправимое. Во время полета в его самолете загорелся двигатель. Молодой летчик неправильно оценил ситуацию: вместо того, чтобы катапультироваться, он включил систему пожаротушения и попытался посадить самолет. Посадка обернулась катастрофой. Летчика успели вытащить из горящего самолета, но перелом позвоночника до конца жизни усадил его в инвалидное

кресло.

Кельвин замолчал, глядя в глаза Маккейну.

Адвокат слегка побледнел, но быстро взял себя в руки:

– В официальных документах эта история записана иначе: "Пилот проявил незаурядное мужество, борясь до последней минуты за спасение машины". Его наградили медалью "За храбрость" и отправили на пенсию. Но вы продолжайте, продолжайте.

Кельвин продолжил:

– Летчик был еще молод и не собирался ставить крест на своей жизни. Благодаря тому, что в военном училище он больше внимания уделял истории и государственному управлению, чем непосредственно военным наукам, бывший летчик без труда окончил университет, а затем и защитил докторскую степень по юриспруденции. Впоследствии он стал известным адвокатом, одним из лучших в США. Но это оказалось слабым утешением. Он всегда хотел только летать.

Маккейн едва заметно кивнул.

Ободренный Кельвин произнес:

— А теперь представьте, что вы снова оказались в кабине самолета во время того злополучного полета. Все что вам потребуется сделать — это вовремя покинуть машину. — Кельвин помолчал и добавил: — В этом и состоит наше предложение. Если вы согласитесь, то буквально через несколько дней мы отправим вас в десятое декабря 1965-го. Вы благополучно катапультируетесь из самолета, после чего начнете новую счастливую жизнь. Вы снова станете молодым и здоровым.

Маккейн задумался:

— Черт возьми, заманчиво, ох как заманчиво. Даже не знаю, что вам ответить. Кстати, вы ведь потребуете плату?

— Разумеется.

— Сколько?

Что-то неуловимое промелькнуло на лице Кельвина, затем выражение его лица стало прежним: строгим, деловым, ничего не выражающим. Он ровным голосом произнес:

– Все ваше состояние.

– А не многовато?

– Вдумайтесь в ситуацию. Вы не сможете взять с собой никаких материальных предметов. Вы попадете в прошлое и все начнете заново. А деньги, которые у вас есть сегодня, ваш дом, ваш бизнес, все, что имело отношения к вам в этой реальности – все это попросту исчезнет. Вернее не исчезнет, но необратимо изменится.

– Понятно. Но это значит, что я даже не смогу выписать вам чек. Что же делать – перевести все сбережения в наличные?

– Не в наличные. В золото. Внешний вид банкнот тоже может подвергнуться небольшим изменениям. Поэтому перед отправкой в прошлое вы переведете все свое состояние в золотые слитки. Положите их в чемоданчик и возьмете с собой. В момент работы установки золото будет находиться внутри лаборатории вместе с нами и таким образом изменение реальности его не затронет.

Лицо адвоката помрачнело:

– Значит вот как это происходит, – задумчиво протянул он, обращаясь скорее к самому себе, чем к посетителям. – Золото, вот оно что...

Маккейн откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и некоторое время сидел неподвижно, о чем-то усиленно размышляя. Посетители недоуменно взглянули на Феликса. Тот приложил палец к губам, как бы говоря: "Просто сидите молча и ждите".

Прошло минут пять. Адвокат открыл глаза и улыбнулся:

– Простите старика. Мне надо было кое-что обдумать.

Он нагнулся, открыл тумбу стола и достал оттуда вазу с яблоками. При этом он незаметно нажал на потайную кнопку, смонтированную на боковой поверхности тумбы, и невидимую для постороннего взгляда.

От Феликса, не укрылось движение хозяина, но он ничем себя не выдал и

продолжил невозмутимо сидеть на своем стуле. Все так же улыбаясь, Маккейн предложил яблоки гостям. Те вежливо отказались. Сам адвокат выбрал себе одно и отрезал небольшой кусочек. Однако есть не стал – просто держал в руке.

– Несколько лет назад врачи запретили мне курить и предложили яблоки, как альтернативу. Я их ненавижу, но, знаете – помогает.

Маккейн повертел кусок яблока в пальцах, затем решительно отложил его. Голос адвоката стал мягким и вкрадчивым:

– Не могли бы вы рассказать о тех, кого вы отправили в прошлое? О ком-нибудь из значительных персон, чье путешествие ощутимо изменило реальность.

Ответил снова Аллен:

– Да, конечно. Мы отправили в прошлое несколько человек. Самый известный из них, пожалуй, – Хью Хефнер.

– Этот старый развратник Хью Хефнер? Основатель и владелец журнала "Плейбой"? А

какие у него могут быть проблемы? Половина мужского населения Земли отчаянно завидуют ему, а половина женского – его бесконечным подружкам. И все мечтают хоть недельку пожить как он.

– Теперь – да, в этой реальности он вполне доволен своей жизнью. Но, поймите, то что происходит сейчас – это его вторая попытка. В прошлой реальности судьба Хефнера, по его понятию, была сущей трагедией. В 1944 году, когда ему исполнилось восемнадцать, он пошел в армию и воевал в Европе. Несмотря на юный возраст он уже имел репутацию завязтого ловеласа. Знакомые прочили ему карьеру нового Казановы. Но с войны Хью вернулся полным импотентом. По официальной версии это стало следствием ранения; другие источники называли менее героическую причину – вовремя не залеченную венерическую болезнь, которую он подцепил во Франции.

Так или иначе, Хью лишился своей главной радости в жизни. В последующие

годы он перепробовал все средства, но результата так и не добился. Естественно, это наложило отпечаток на его последующую жизнь. Общение с женщинами он заменил членством в закрытых мужских клубах, преимущественно гастрономического направления. Он совершенно справедливо полагал, что их члены в той или иной степени подвержены такому же недугу и, следовательно, у него не будет опасности попасть в неприятную ситуацию на какой-нибудь особо фривольной клубной вечеринке.

– Итак, старина Хью отправился в прошлое, чтобы восстановить репродуктивные функции своего организма и компенсировать вынужденное воздержание, – Маккейн усмехнулся. – Да уж, в этом он преуспел. Скажите, а чем Хефнер занимался в той, прошлой реальности?

– Хью Хефнер обладает исключительной способностью делать деньги. В прошлой реальности он занялся выпуском пива и со временем создал целую пивную империю.

Пиво Хефнера пили во всем мире, а элитный сорт "Хефнер голд" подавали на банкетах вместе с шампанским.

— Понятно. Доктор Аллен, вы сказали, что порой после отправки ваших клиентов в прошлое реальность ощутимо менялась. Что произошло в случае Хефнера?

— О, мир, в котором Хью стал пивным бароном, был полной противоположностью нашему. Общество не выдержало потрясения, пережитого во время Второй Мировой Войны, и стремилось всевозможными ограничениями предотвратить новую. В частности это коснулось и общественной морали.

Американцы вернулись к своим исконным пуританским обычаям. Раздельные пляжи и закрытые купальники, запрет на ношение брюк для женщин, строгий кодекс одежды для всех слоев населения. Полицейский на улице мог оштрафовать бедолагу, вышедшего из дома без шляпы или забывшего повязать галстук. Добровольческие патрули нравственности проверяли достаточно ли скромно одеты

женщины. И, конечно, повсюду властвовала цензура: в кино, в театрах, в газетах и журналах, и даже в художественной литературе. Последнее что я хорошо помню — это полемика в "Нью-Йорк Таймс" о запрещении к продаже и изъятию из библиотек произведений Ги де Мопассана, как "развращающих молодежь".

Аллен раздраженно фыркнул:

— А унижение в гостинице, когда портье требует предъявить свидетельство о браке, если вы снимаете один номер с женщиной! Или полицейский из отдела нравственности, который приходит ночью в ваш дом, чтобы проверить с кем вы спите! Лично я просто благодарен мистеру Хэффилду, за то что он как следует встряхнул мир и уничтожил этот сумасшедший дом.

Маккейн задумчиво покачал головой:

— Возможно, возможно... У меня нет оснований вам не верить. Но с другой стороны, согласитесь, сегодня мир впал в другую крайность. Такая распушенность

нравов и полная безнаказанность – тоже не лучший вариант общественной морали.

– Не стану спорить, в ваших словах есть доля истины. Но вот что я вам скажу, как человек, который может сравнить эти две реальности. Достаточно пройтись в июле месяце по Девятой авеню, облаченным в сюртук, галстук и шляпу, как сразу поймешь, что легкая хлопковая майка и джинсы – это величайшее достижение цивилизации.

Аллен улыбнулся, впервые с тех пор, как переступил порог кабинета. Макаллен не поддержал его, а просто кивнул:

– Аргумент, конечно, серьезный. И все же, господа, вы изменяете историю. К лучшему или к худшему – не нам судить. И вообще, где они эти критерии... Но факт изменения истории налицо. И это скверно, господа. Очень скверно.

Физики попытались возразить, но Маккейн остановил их.

– Не стоит устраивать дискуссию на такую отвлеченную тему. Есть множество других,

более приятных занятий. Вы не откажетесь выпить со мной немного виски?

— Мы не хотим виски, — улыбка на лице Аллена пропала так же быстро, как и появилась. — Мы хотим получить от вас четкий ответ. Вы принимаете наше предложение?

— Я должен подумать, — ответил адвокат. — А пока, позвольте мне в свою очередь рассказать вам одну историю.

Маккейн открыл ящик письменного стола и достал оттуда папку с бумагами. Попутно он снова, теперь уже раздраженно, несколько раз подряд нажал на потайную кнопку. Затем выпрямился, достал из папки фотографию и передал ее Аллену:

— Взгляните на этого человека. Как по-вашему, чем он занимается? Не бойтесь ошибиться — вы все равно не угадаете. Поэтому просто опишите первую ассоциацию, которая придет вам в голову.

Аллен взглянул на карточку. С фотографии на него смотрел самоуверенный чернокожий господин среднего возраста, не лишенный

определенного обаяния. Мужчина носил темный костюм, белую рубашку и, пожалуй, чересчур яркий галстук. На его ногах блестели лакированные туфли. Мужчина самодовольно улыбался. Было видно, что он находится в прекрасной физической форме и, вообще, у него в жизни все просто отлично.

Долго не размышляя Аллен вернул карточку со словами:

– Вы просили первую возникшую ассоциацию?

Адвокат кивнул.

– В таком случае – он тренер университетской команды по баскетболу. Хотя будь я в совете попечителей, то голосовал бы против. Эта слащавая рожа не внушает мне доверия.

Адвокат улыбнулся и протянул фотографию Кельвину. Тот взял ее и молча разглядывал пару минут:

– Насчет баскетбольного тренера – вполне возможно. Со своей стороны рискну предположить, что он профсоюзный деятель

районного или даже городского масштаба. Выступает на публике с красивыми речами и проворачивает закулисные делишки.

Он положил фотографию на стол. Адвокат взял ее и некоторое время молча рассматривал.

– Ну что же, джентльмены, я тоже ошибся подобным образом, когда в первый раз увидел этого человека. А между тем, на фотографии изображен один из кандидатов на пост президента Соединенных Штатов. Более того, если бы не мое личное вмешательство, эта фотография сейчас висела на стене вместо фотографии госпожи Клинтон.

Физики переглянулись и недоверчиво уставились на хозяина кабинета:

– Мы видели много изменений реальности. Но негр – президент США? Немыслимо!

– Тем не менее – это правда. А дело обстояло так. От своих друзей по республиканской партии я узнал, что в числе кандидатов на президентские выборы от демократической партии числится вот этот

чернокожий господин. Мы все были крайне озабочены этим. Простой расчет показывал, что у него были все шансы выиграть не только внутрипартийные, но и окончательные выборы. Мы не без оснований полагали, что чернокожие избиратели все как один проголосуют за "своего". Они выберут Обаму просто потому, что он афроамериканец. Цветное население также не будет особо вдаваться в его предвыборную программу – достаточно того, что избрав афроамериканца, они утрут нос "этим белым". Кроме того, несмотря на то, что Обама во всех анкетах указывает свое вероисповедание как христианское, его семья имеет глубокие мусульманские корни. Это автоматически давало ему голоса мусульманской общины США. И, наконец, наше белое население, страдающее модной ныне политкорректностью, также в большинстве проголосует за афроамериканца, чтобы не дай бог не нарушить придуманные ими самими правила поведения.

– Простите, что перебиваю вас, – вмешался Аллен. – Но может это и к лучшему? Если подавляющее большинство населения страны поддержит одного и того же кандидата, то он сможет спокойно работать на благо страны и все останутся только в выигрыше? Ваши слова для нас, действительно, стали неожиданностью, но, возможно чернокожий президент – это действительно удачный выход для Америки.

Адвокат усмехнулся:

– Ну вот, вы уже забыли все, что только что говорили об этом человеке, и пустились в абстрактные рассуждения. Кроме подходящего цвета кожи, президент обязан обладать и более важными качествами. А вот их, при ближайшем знакомстве с досье этого кандидата, я не обнаружил. Объективный прогноз его деятельности не сулил ничего хорошего. Я и мои друзья-республиканцы были убеждены, что на посту президента Обама причинит непоправимый вред нашей стране, а возможно и многим другим.

Мистер Маккейн прервался и прислушался к чему-то одному ему известному. Ничего не дождавшись он продолжил:

— Мы решили не допустить Обаму до выборов. Из досье я узнал, что Обама происходит из семьи иммигрантов. Документы о его рождении в США показались мне сомнительными. Как известно, президентом может стать лишь уроженец Соединенных Штатов, а это Обама мог доказать с большим трудом.

На этом факте я построил обвинительное заключение об отводе кандидатуры Обамы. По нашему запросу было созвано внеочередное заседание Сенатской комиссии.

Заседание проходило в напряженной обстановке. Дело опять же упиралось в цвет кожи кандидата. Если бы на месте Обамы был белый, то комиссия не раздумывая согласилась с нашими доводами и дала отвод. Гораздо спокойнее сразу отстранить кандидата, чем потом допустить скандал, который пресса раздует во время

избирательной кампании: рано или поздно журналисты раскопают соответствующие документы.

Но с афроамериканцем все обстоит иначе. Даже имея стопроцентные доказательства, члены комиссии прекрасно понимали, что в случае отвода его кандидатуры, правозащитники обязательно воспользуются случаем, чтобы обвинить их в расизме. И пусть комиссия будет безоговорочно права, все равно на репутации каждого останется пятно.

Как я уже сказал, слушание проходило тяжело. Я чувствовал, что сенаторы склоняются к решению разрешить Обаме участвовать в выборах. И тогда я решился на откровенный блеф.

Я попросил слова и сказал примерно следующее: "Господа! Вам известна моя профессиональная репутация. За последние десять лет я не проиграл ни одного слушания в суде. И это происходило не из-за того, что я такой уж выдающийся адвокат. Секрет в том,

что перед тем как взяться за очередное дело, я всегда тщательно изучал все составляющие. И только придя к выводу что сторона, которую я буду представлять в суде имеет полностью обоснованную позицию, — только тогда я соглашался. Я никогда не брался защищать сомнительные иски, в которых не был уверен сам. Одного моего появления на судебном разбирательстве зачастую оказывалось достаточным чтобы судья, зная мою репутацию, принял решение в пользу моих подзащитных. И вот я спрашиваю вас, неужели после десяти лет безупречной карьеры я стану отстаивать иск, который не имеет стопроцентного подкрепления? Неужели вы можете поверить, что я настолько лично заинтересован в результате данного расследования, что готов пожертвовать профессиональной репутацией?"

Сенаторы долго совещались в закрытой комнате, но решение было принято в нашу пользу. Оба отказали в регистрации. Позже один из членов комиссии рассказал мне, что

решающим аргументом в пользу принятия решения оказалось мое последнее эмоциональное выступление. Меня знали как одного из самых холодных и рассудочных адвокатов. Неожиданно эмоциональное выступление буквально потрясло конгрессменов и оказалась последней соломинкой, перетянувшей чашу весов в нашу сторону.

Маккейн замолчал. Оба физика с изумлением смотрели на него. Адвокат взял из вазы яблоко, отрезал от него кусок, но как и в прошлый раз есть не стал.

— Вот такая история. Как видите, кроме меня никто другой с этим не справился бы. А теперь я спрашиваю вас, имею ли я право перечеркнуть все сделанное и отправиться в прошлое? Имею ли право ради собственного благополучия поставить под сомнение будущее моей страны?

Физики переглянулись.

— Мистер Маккейн, мне кажется, что вы излишне драматизируете ситуацию... — начал

Кельвин.

Договорить он не успел. В прихожей раздался звонок. Феликс встал и быстро вышел. Дверь распахнулась и в комнате как-то сразу стало тесно. Неожиданно там оказались двое громадных полицейских с револьверами в руках, которые они тут же направили на сидевших посетителей. Вслед за ними вошел Феликс, также вооруженный пистолетом. Последним в комнате появился инспектор полиции – полный краснолицый мужчина, с незажженной сигарой в углу рта. Он мельком взглянул на сидящих в креслах физиков и подошел к столу адвоката.

Маккейн раздраженно обратился к нему:
– Однако вы не торопились, Креммер!

Инспектор вынул сигару изо рта, рассмотрел ее и спрятал в нагрудный карман пальто. Он никогда не курил сигары, а лишь жевал их.

– У меня и без вас много работы.

– А я должен устраивать целое представление, чтобы задержать их до вашего

прихода, – Маккейн мотнул головой в сторону физиков, обалдело таращившихся на направленные в их сторону револьверы сорок пятого калибра.

– Ладно, старый ворчун, что вы приготовили мне на этот раз?

Маккейн, насколько мог, выпрямился в своем кресле:

– Я предъявляю этим господам обвинение в вымогательстве крупных сумм денег и в целом ряде убийств.

Инспектор впервые повернулся в сторону физиков и окинул их быстрым взглядом. Потом повернулся к адвокату:

– Надеюсь у вас есть доказательства?

– Думаю, вы найдете их самостоятельно. Поднимите все нераскрытые случаи исчезновений людей за последние пару лет. Сосредоточьте внимание на богатых людях, ставших инвалидами в результате несчастного случая в молодости. Я не без оснований предполагаю, что эти молодые люди выманивали у них большие суммы денег, а

затем убивали их.

– Ну-ну, – с интересом произнес Креммер.

– А подробнее можете рассказать?

– Разумеется, – Маккейн откинулся на спинку кресла. – Сегодня ко мне пришли эти двое молодых людей, представились сотрудниками секретной физической лаборатории и рассказали, что нашли способ путешествия во времени.

– Вот как? – Креммер вновь достал сигару и принялся ее жевать.

– Именно. У них заготовлена целая история, но это не важно. Факт в том, что они предложили перебросить мое сознание на сорок пять лет назад в день, когда загорелся мой самолет. Мне пообещали, что я окажусь в своем теле за несколько минут до катастрофы и успею благополучно катапультироваться. Таким образом я снова окажусь в 1965-м году в своем прежнем здоровом и молодом теле и проживу новую полноценную жизнь. Эти господа были чертовски убедительны. Полагаю, я далеко не первый к кому они

обращаются с подобным предложением. И я хорошо понимаю их жертв, уставших от тяжелой болезни, от непреходящей боли, от неприятных ежедневных бытовых проблем, и просто от неполноценной жизни – эти люди вполне могли согласиться рискнуть.

Крамер кивнул:

– Кажется я вас понял. Значит, ребятаки приходили к богатым инвалидам, рассказывали байку про машину времени и предлагали отправить их в прошлое, где те снова станут молодыми и здоровыми. С тех кто соглашался они брали за услуги крупную сумму, а затем увозили якобы в эту свою секретную лабораторию, а на самом деле убивали и потихоньку избавлялись от трупа.

– Совершенно верно, инспектор. Только они брали со своих жертв не просто крупную сумму. Они забирали все их состояние.

Инспектор обернулся к сидящим физикам:

– Даже так?

Доктор Кельвин был настолько ошарашен, что никак не отреагировал. Зато Аллен

буквально взвился в своем кресле:

— Да как вы смеете обвинять нас в подобной мерзости! Я буду жаловаться! Мы доктора наук, сотрудники Доусонновской лаборатории.

— Конечно, конечно, — усмехнулся инспектор. — И что это меняет? Я арестовывал и куда более важных персон.

Краммер дожевал свою сигару и расплющил остатки в идеально чистой антикварной пепельнице.

— Ну, Маккейн, вижу вы хотите еще что-то добавить?

— Понимаете, Креммер, то что дело нечисто я заподозрил с самого начала. Но окончательно я все понял когда они упомянули про золото.

— Какое золото? — насторожился Креммер.
— Вы ничего не говорили о золоте.

— Когда мне предложили перевести все свои сбережения в золотые слитки, и вместе с ними отправиться в лабораторию для отправки в прошлое, я все понял. Что может

быть проще и безопаснее, чем убить и ограбить одинокого инвалида с портфелем набитым золотыми слитками! Золото, в отличие от банковских чеков, ценных бумаг или денежных знаков, отследить практически невозможно. Это – идеальное ограбление.

Краммер повернулся к полицейским:

– Наденьте на них наручники и отведите в машину.

Вечером Маккейн с Феликсом ужинали в большой, богато обставленной столовой. По установившейся традиции во время совместных трапез отношения "секретарь-хозяин" временно отменялись, и мужчины вели себя как старые добрые друзья, которыми и являлись на самом деле.

– Знаешь, Джон, в какой-то момент я был готов поверить, что парни говорят правду. На первый взгляд все так логично, увязано одно с другим. Никаких противоречий, всему готово объяснение. Особенно убедительной мне показалась история Хефнера. Такое трудно придумать.

Маккейн кивнул:

– Тут я, пожалуй, соглашусь с тобой. Мне всегда казалось, что сексуальная революция шестидесятых прошла неестественно легко и быстро. Как будто кто-то умелый незаметно руководил всем. Если допустить, что машина времени действительно существует, то наш милашка Хэффилд идеально подходит на роль человека, совратившего целую страну.

– Выходит ты допускаешь, что эти типы говорили правду?

– Конечно нет. Просто всегда интересно взять новую гипотезу и прикинуть, что из этого может получиться.

– Хорошо, – Феликс прожевал кусок мяса и продолжил: – Допустим, чисто гипотетически, что машина времени существует. Ты бы согласился отправиться в прошлое?

– Ловишь меня на слове?

– Конечно. Давай, разовьем твою гипотезу до конца.

Маккейн принялся резать ножом свою отбивную. Изрезав ее на мелкие кусочки, он

отодвинул от себя тарелку.

– Очень сложно дать однозначный ответ. Казалось бы, я должен броситься в такое путешествие не задумываясь. В самом деле стать молодым и здоровым – что может быть привлекательнее?

Маккейн взял бокал с вином и отпил хороший глоток.

– Но с другой стороны, предполагается, что я сохраню память о прошлой жизни. Значит со мной останется вся тяжесть прожитых лет. Ты еще молод, Феликс, тебе не знакома эта бесконечная усталость, которая овладевает человеком в старости. Это не физическое явление – устает мозг, устает душа. Я допускаю, что Хью Хефнера настолько мучили несбывшиеся сексуальные фантазии, что для него путешествие стало избавлением. Но лично мне будет очень трудно снова стать тридцатилетним. О чем я стану говорить со сверстниками? Их проблемы больше не волнуют меня. Я давно нашел ответы на вопросы, которые они с

таким жаром обсуждают. И наделал все глупости, которые им еще только предстоит совершить. Кроме того, карьера военного летчика совершенно непредсказуема. Пока дослужишься до адмирала... Нет, Феликс, не думаю, что меня привлекло бы подобное путешествие.

– Не кокетничай. Ты просто расстроился от того, что на какой-то миг сам поверил в возможность возвращения в молодость.

– Хитрец. Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Наверное ты прав. Я бы удовольствием сейчас оказался в кабине своего Дугласа. А потом отправился в бар и подцепил молодую девчонку. – Он залпом допил вино. – Ну что ты надо мной издеваешься! Взял и испортил настроение.

– Ну, прости. Я только продолжил твою собственную игру. Давай все-таки ее завершим.

– Ну хорошо, – нехотя согласился Маккейн. – Я уже признался, что готов по первому предложению отправиться в прошлое. Чего

тебе еще?

– Ну, например,... как насчет Обамы?

– Что насчет Обамы? – искренне удивился адвокат.

– Сегодня утром ты рассказывал как ценой невероятных усилий не допустил Обаму в Белый Дом. А что теперь? Ты уже позабыл о своей ответственности перед американским народом? Перед всем прогрессивным человечеством?

Маккейн рассмеялся:

– Вот только прогрессивного человечества нам тут и не хватало. Я просто пудрил мозги двум жуликам, ожидая пока прибудет полиция.

Феликс отложил вилку и пристально поглядел на друга:

– Джон, я хорошо помню ту историю. Для тебя и в самом деле это очень важно. Ты не сможешь просто так все бросить! А вдруг Обаму и в самом деле выберут президентом?

Маккейн хитро улыбнулся:

– Если верить фантастическим романам,

которых я прочел немерено, то никуда мне от него не деться. Если однажды мы с ним уже столкнулись, то рано или поздно, так или иначе, в новой жизни наши дорожки обязательно пересекутся. А там уж поглядим кто-кого.

Посмеявшись, мужчины вновь принялись за еду. Когда подали десерт, зазвонил телефон. Феликс немедленно вспомнил свои обязанности секретаря.

– Алло, да это я. Слушаю вас, мистер Крэммер. Что? Не может быть! Да, я сейчас же передам трубку хозяину.

Маккейн протянул руку за трубкой и спросил:

– Ну что там? Наши друзья раскололись? – Он увидел вытянувшееся от удивления лицо Феликса и осекся: – Говорите вы не обнаружили ни одного случая похожего на описанные мной? Ни в штате ни по всей стране? Неужели...

ПРИМЕЧАНИЕ

Джон Сидни Маккейн, бывший военный летчик, был основным кандидатом от республиканцев на выборах Президента США 2008 года, где потерпел поражение от демократа Барака Обамы.

Все детали биографии Маккейна в рассказе подлинные. Исключение составляет увлечение Маккейна фантастикой – это вольное допущение автора. Впрочем, оно относится к той, предыдущей реальности.

Незапланированное послесловие

После выхода в свет журнала Фанатскоп с этим рассказом, на форуме журнала я получил вопрос от читателя. Ответить на этот вопрос оказалось далеко не таким простым делом. Пришлось написать целую "авторецензию". Однако, судя по дальнейшим отзывам на форуме, работа не пропала даром – рецензия помогла многим читателям заново переосмыслить рассказ. Вот они: вопрос и ответ.

Вопрос

А с Якубовичем можно пообщаться? Вопрос на счет полит-корректности его “Президент и бабочка”. Обама там не в лучшем свете представлен... Это по каким-то причинам специально было сделано или “для красного словца”? Правда очень интересно.

Ответ

Озадачили вы меня. Давайте сосредоточимся на самом рассказе, тогда вопрос о полит-корректности решится сам собой.

«Для красного словца» — конечно нет. Рассказ не тот жанр, в который можно вставлять рассуждения, не относящиеся непосредственно к действию.

Противостояние Маккейна и Обамы в двух разных реальностях — это стержень сюжета. Отсюда необходимость описания отношения главного героя к своему политическому оппоненту. Не официальная характеристика Обамы, а мнение о нем одного из персонажей рассказа. Тут есть разница. Некоторые высказывания Маккейна в адрес Обамы, не просто не полит-корректны, они граничат с

прямым оскорблением. Таков уж Маккейн.

Не забывайте, что Маккейн — республиканец, в то время как Обама — демократ. Они представляют противоположные по взглядам, конкурирующие политические партии. И совершенно нормально, что в приватной обстановке Маакейн не стесняется в выражениях, говоря о политическом противнике. Поэтому он и выставляет Обаму далеко не в лучшем виде. Это вполне закономерно. Можно лишь догадываться, в каких выражениях вспоминал в той реальности сам Обама адвоката, лишившего его возможности баллотироваться в президенты!

Предположения об Обаме по фотографии, которые высказывают физики — это мнения частных лиц, к тому же повидавших много других вариантов нашей жизни. Вспомните фразу Аллена: «Негр — президент США?!». Слово «негр» тут не оговорка. Оно говорит о том, что физик недавно жил в реальности, где

полит-корректность в нынешнем виде не прижилась. По крайней мере, не родила термин «афроамериканец».

Осталось напомнить золотое правило, что мнение самого автора и то, что говорят его персонажи – это совсем разные вещи.

Персоналка

Вечер был прохладным, но еще не морозным. Сквозь вершины сосен виднелось темно-синее осеннее небо, на котором уже начали появляться первые звезды. У костра на полянке сидели двое – Дед и Внук. Над огнем висел котелок с кипящей в нем похлебкой. Внук закончил чистить картошку и побросал ее в воду. Покончив со своими обязанностями, он обернулся к Деду, который сидел молча, задумчиво глядя на огонь.

– Деда, расскажи, какие раньше компьютеры были.

– Ох, внучек, не просто это. Да и не надо бы, к ночи, поминать их.

– Ну деда, ну интересно же! А то вот, ты помрешь, я вырасту, у меня будут дети – кто тогда им расскажет?

– Ладно, слушай.

Дед подбросил в огонь полено, поправил, чтобы легло правильно, помолчал, собираясь с

мыслями.

– Начать надо с того, что самые первые компьютеры были очень большие, неуклюжие.

– Большие, как слон?

– Считай еще больше. Одна радость, что стояли они всегда на одном месте.

Программисты сами к ним ходили. Издалека добирались, а потом еще и в очереди томились.

– Деда, а они были опасные?

– Компьютеры то? Да нет, не особенно. Но шибко своевольные. И глупые. Пока объяснишь ему, что тебе надобно, семь потов сойдет. А уж болящие какие были! То им холодно, то жарко, то сыро. И чуть что – сразу отказывались работать. Вокруг каждого все время крутилось по несколько человек, техниками звались. Ухаживали за ним без конца, ублажали. Программистов, так тех вообще к нему не допускали, только операторы в зал заходили.

– А операторы это кто?

– Операторы это те, кто к компьютеру

имел доступ. Набирали в операторы всегда незамужних девок, молодых и красивых. Он только молодух и признавал.

– Ой, деда, неужели он их ел, как Змей Горыныч?

– Есть не ел, а вот души отнимал у них, это точно. Они сами так и говорили – вынул, мол, из меня, проклятый, всю душу. Злые они ходили всегда, лучше на глаза не попадаться. А когда наступало время Квартального Отчета – так и вовсе беги от них подальше.

Дед достал из-за голенища сапога деревянную ложку, помешал варево в котелке, попробовал. Облизавши ложку, он спрятал ее обратно и замолчал. Вспомнилось ему, видать, что-то из лихой молодости, когда он сам молодым программистом бегал за красавицами операторами.

– Деда, деда, – затеребил его внук. – А дальше?

– Потом компьютеры размером поменьше стали. Техников разогнали, операторы замуж повыходили. Программисты сами стали с

компьютерами работать. Один на один.

– А не боялись?

– Пообвыкли. Поначалу тяжело было без техников да операторов, но справились. А потом и вообще все подряд стали на компьютерах считать. Каждая персона завела себе по компьютеру, а то и по два. Так их и прозвали – Персональные Компьютеры.

– Ой, деда, как наши Персоналки!

– Да нет, внучек, что ты. Куда им до наших Персоналок. Одно название только и похоже. А так – компьютер компьютером, только маленький. Сильно измельчали они к тому времени. Зато и расплодились. Считай, у каждого свой был.

– А они были умнее больших?

– Да нет, такие же глупые, да еще и капризные. Упрямые были, страсть. Ты ему одно, а он другое. Все по-своему норовили сделать. Из-за них-то Биржа и упала.

– Деда, а что такое Биржа?

– А кто его знает, внучек. Многие потом спорили, какая она. Знаем только, что очень

большая была. И тяжелая, видать, очень.

Дед осторожно снял котелок с огня и поставил на траву. Из глиняного горшка шел ароматный пар. Дед расстелил рядом с горшком платок, положил на него два ломтя хлеба, огурцы, соль. Достали ложки, стали хлебать.

— А куда же все компьютеры делись, деда?
— продолжал допытываться внучек.

— А вымерли они. Все в одночасье. Биржу в то время поднимать начали. В аккурат на этих самых компьютерах. Поднимали, значит, поднимали ее, да она возьми и рухни. И прямо на компьютеры. Так вот они все и повымерли, задавила их Биржа, и сама через это издохла.

— Жалко мне их! — с полными глазами слез сказал Внук.

— Да, тяжелые были времена, — согласился Дед. Потом он ласково потрепал Внука по голове и добавил. — Зато теперь нам ничего не страшно. Вот она наша Персоналка, величайшее изобретение человечества. Безотказная, точная. Да что я тебе-то

рассказываю, сам знаешь – без нее наша цивилизация и дня не простояла бы!

Дед развязал свой мешок и, покопавшись, достал оттуда странное устройство. Внутри прямоугольной деревянной рамки были вставлены тонкие прутики. На каждом из прутиков были нанизаны разноцветные круглые костяшки: четыре белые, две черные и еще четыре белые.

Спасите Великое Кольцо

С глубоким уважением к творчеству Ивана Ефремова и его последователей, с книгами которых я вырос

Популярный писатель-фантаст Аполлинарий Куренковский (в жизни Василий Курятников) сидел в кресле в гостиной своего загородного особняка перед горящим камином и работал над договором с издательством. Работа была несложной. Вооружившись красным фломастером он вычеркнул права издательства на экранизацию, заменил эксклюзивное право на издание книги на неэксклюзивное, и увеличил сумму гонорара. После чего с удовлетворением отложил проект договора на журнальный столик возле кресла.

С того же стола он взял широкий граненый стакан, положил туда несколько кусочков льда из вазочки и наполовину наполнил

шотландским виски двенадцатилетней выдержки. Отхлебнул, вздохнул и поставил на стол. Аполлинарий не любил виски. Но считал, что писатель его уровня непременно по вечерам должен сидеть у камина и пить виски, обдумывая сюжет будущей книги. И при возможности неукоснительно придерживался этого распорядка.

На самом деле сюжет для очередной книги был уже готов. Книги писались по давно накатанной колее и не требовали особых умственных усилий. Раз в месяц писатель смотрел десяток новых голливудских страшилок и фантастических боевиков, и воровал оттуда антураж для своих книг. А сами сюжеты были просты и однообразны.

Именно такую продукцию издатели брали с большим удовольствием. По их утверждению, этого требовал читатель. Позиция издателей оправдывалась тем, что книги Куренковского и в самом деле раскупали как горячие пирожки. С другой стороны, о спросе на книги более высокого

художественного уровня у издателей информации не было – серьезные книги давно уже никто не издавал.

Дверь в гостиную открылась, и в комнату впорхнуло очаровательное существо женского пола – новая жена писателя Розалия (в девичестве Лизонька). Она уселась на подлокотник кресла и громко чмокнула мужа в намечающуюся лысину. Тот поднял на нее взгляд:

– Розалия, ты же знаешь, когда я работаю мне мешать нельзя.

– Ты не работаешь, я вижу, – капризно надула губки Розалия. – А у меня к тебе серьезное дело.

– Знаю я твои серьезные дела. Опять надеть нечего?

– Ну Ляпа, ты же знаешь, через неделю презентация твоей новой книги.

– Сколько раз я просил не называть меня этим дурацким именем!

– Прости, любимый! – Розалия нагнула головку и принялась легонько покусывать

мужа за мочку уха.

Муж тут же размяк:

– Короче!

– Шубка.

– Опять?

– Голубой песец. Я мерила – весь магазин сбежался. Все в один голос сказали, что никому она так не идет. И прямо под цвет моих глаз.

– Я только в прошлом месяце купил тебе новую шубу.

– Ляпочка, я в ней была на презентации прошлой книги. Я не могу быть в одном и том же на презентациях разных книг.

Но это несерьезно – каждый месяц покупать новую шубу!

– Ляпочка, я не виновата, что ты так быстро пишешь. А мы должны выглядеть. Это крайне важно, ты знаешь.

Писатель, подумав, согласился. В одном жена была несомненно права – она должна «выглядеть». Это часть его имиджа. А деньги можно списать как представительские

расходы.

– Хорошо. А теперь иди. Мне действительно надо работать. – Он покосился на тающий в стакане лед.

Жена не заставила себя долго упрашивать.

Я в ванну и в постельку. Буду ждать! – игриво напомнила она.

Но Аполлинарий уже не слушал ее. Он снова взял со стола договор и, подумав, еще увеличил сумму контракта. «Никуда не денутся», – решил он и отхлебнул из стакана. Душевное равновесие восстановилось. Писатель закрыл глаза и предался воспоминаниям.

Несколько лет назад Василий Курятников был обычным мелким бизнесменом, которых в губернском городе Хомянске наблюдался явный излишек. Он работал самостоятельно и с компаньонами, открывал и закрывал малые и средние предприятия, создавал акционерные общества открытого и закрытого типа, покупал и перепродавал товары первой и прочих необходимостей, а также

разнообразную продукцию легкой и тяжелой промышленности. Но преуспеть в бизнесе ему так и не удалось.

Курятников был натурой деятельной и артистичной. Став взрослым он не потерял, как большинство обычных людей, детское желание прославиться. Наоборот, оно крепло в Василии с каждым днем. Подумав, Василий решил стать известным писателем. Благо в школе за сочинения он всегда получал твердую пятерку.

Изучив конъюнктуру рынка, Василий выбрал жанр боевой фантастики. Он заперся на даче и через пару месяцев разослал во все известные издательства рукописи двух книг.

Ответы пришли не сразу, но все отрицательные. Василий понял, что просто так в эту отлаженную систему не пробиться. И вот тогда он по-настоящему проявил свой талант. Василий договорился о встрече со старым школьным другом Алексеем Фоминым, официальным владельцем двух главных банков Хомянска, и неофициально

контролирующим остальные три.

Коренной сибиряк Алексей происходил из семьи потомственных охотников и с раннего детства пристрастился к этому занятию. При первой возможности он собирал друзей, и они отправлялись в тайгу. За превосходное знание леса и меткую стрельбу банкир получил среди друзей прозвище Сталкер, которым чрезвычайно гордился.

На этой слабости и сыграл Василий. Войдя в кабинет директора банка, он без предисловий предложил старому другу ни больше, ни меньше как всероссийскую известность. Идея состояла в выпуске серии книг под общим названием «Сталкер Леха». Сюжет был прост и неотразим для любого издательства. Состоял он в следующем.

На некий губернский город в Сибири нападают злобные мутанты, появившиеся в тайге после экспериментов с атомным оружием в советские времена. Корруптированное правительство и разложившаяся армия не в состоянии дать

злодеям соответствующий отпор.

Единственным человеком, который берет в свои руки спасение жителей, оказывается простой сибирский банкир по прозвищу Сталкер Леха. Он обращается к своему приятелю Рабиновичу, работающему в закрытой военной лаборатории. Тот снабжает Леху новейшим секретным оружием. Банкир набирает команду из школьных друзей, вооружает их, и после продолжительных сражений освобождает Землю от мутантов.

Дальше все просто. Если книга станет бестселлером, то сюжет с небольшими изменениями можно тиражировать еще раз пять. К примеру, в следующих книгах нападать станут не мутанты, а некие загадочные клоны из будущего или гоблины из параллельного пространства. На худой конец есть еще и пришельцы из другой Галактики, хотя это уже не так модно. На волне успеха первой книги, издательства и магазины будут брать новые только за принадлежность к успешной серии.

– Потом все не только окупится, но и

начнет приносить офигенную прибыль, – толковывал Василий. – Главное не поспускаться на первое вложение. Финансовый успех всей серии прямо пропорционален сумме, вложенной в раскрутку первой книги.

– Прикинь, мы прославимся на всю Россию! – закончил речь Василий.

Затем, не давая банкиру раскрыть рта, предусмотрительный писатель протянул приятелю несколько машинописных листов с описанием сцен, где Сталкер Леха эффектно мочит превосходящие силы злобных монстров. Банкир вначале лениво, а затем все более заинтересовано, стал перелистывать рукопись.

И не устоял Леха. Результатом переговоров стало согласие банкира финансировать выпуск первой книги серии, с условием, что фамилию главного героя Василий изменит.

– Не стоит мне так светиться, – пояснил банкир. – Наши и так поймут, а остальным не нужно знать, что это написано с меня.

Первая книга была готова через месяц.

Старый друг не подвел. Он не только финансировал выпуск книги, но и организовал рекламную компанию, после которой только последние бомжи не знали, что в России появился новый гениальный писатель-фантаст Аполлинарий Куренковский. Расходы банк провел по статье благотворительность, а банкир в своей визитке к словам «директор банка» добавил малопонятное в Хомянске, а потому вызывавшее уважение, «меценат искусств».

Первую партию «Сталкера», изданную на деньги банкира, смели с прилавков за две недели. После этого к Василию, то есть теперь уже Аполлинарию, обратились с предложениями сотрудничества самые престижные издательства. Поднаторевший в деловых переговорах Аполлинарий своего не упустил. О подробностях заключенных контрактов мы, конечно, читателя известить не можем, однако напомним, что мисс Роулинг, автор пресловутого Гарри Поттера, заплакала бы от зависти, доведись ей увидеть

их.

Как и предполагалось, на волне успеха Куренковский успел выпустить пять книг, прежде чем интерес к серии стал угасать. Не дожидаясь полного фиаско, писатель запустил в производство новую серию.

Серия называлась «Трамвай-2044». После атомной бомбардировки в 2044 году Москва превратилась в радиоактивные руины. Пассажиры скоростного трамвая, ходившего вдоль кольцевой дороги, остались в живых, благодаря специальной защите вагонов. Однако, они оказались заложниками в продолжавших движение составах, которыми управлял центральный компьютер. Выжили и те, кто ожидал трамвай на остановках, построенных как противоатомные убежища.

Постепенно те и другие приспособились к новой жизни. Научились выращивать грибы, разводили свиней и тем питались. За предметами первой необходимости отправляли вооруженные экспедиции в разрушенные магазины и склады.

Более подробно о такой странной жизни читателю не сообщалось. Главное место в книгах Куренковского занимали боевые сцены. Бытовым мелочам писатель внимания уделял мало. Он не без оснований считал, что главный герой значительно лучше смотрится на баррикаде с автоматом, чем в свином хлеву с лопатой навоза.

Поэтому, в этих книгах обитатели трамвая и убежищ большую часть времени занимались тем, что отстреливались от наседавших монстров. В свободное время они воевали между собой. Стремительно разворачивавшийся сюжет не оставлял читателю времени задуматься над нестыковками и несуразностями придуманного мира.

Аполлинарий потянулся в кресле и налил себе еще виски. На этот раз он выпил с удовольствием. Писатель давно обратил внимание, что третья и последующие порции всегда кажутся вкуснее. Но спокойно насладиться дорогим напитком на этот раз не

пришлось.

Раздался тяжёлый, грозный звон, будто зазвучала массивная медь. Воздух в дальнем углу комнаты сгустился. Под тревожные музыкальные аккорды там появился призрачный силуэт человека. Постепенно фигура теряла прозрачность, становилась материальной. Снова тяжкий медный удар потряс комнату, и все прекратилось. Перед писателем стоял, улыбаясь, человек в светлой, отливавшей шелковистым блеском одежде.

– Здравствуйте, – просто сказал он.

Аполлинарий икнул.

– Пожалуйста не удивляйтесь и не пугайтесь. – продолжил незнакомец. – Это не розыгрыш. Я, как бы это точнее выразиться, действительно пришелец.

Куренковский взял себя в руки и задумался. На розыгрыш и в самом деле не походило: спрятаться в комнате негде, а дверь находилась в другом углу – не ползком же он пробирался. К тому же, все эти свето-звуковые эффекты...

– Э-э, – осторожно протянул писатель, лихорадочно соображая, что следует говорить в таких случаях. – Добро пожаловать на планету Земля.

– Благодарю, – слегка усмехнулся пришелец. – Однако я тоже с Земли. Только с другой.

– Боюсь, я не совсем вас понимаю.

– Конечно. Если позволите, я подробно расскажу вам все. Но прежде ответьте на один вопрос. Вы — известный писатель-фантаст Аполлинарий Куренковский? – спросил гость.

Хозяин подтвердил.

– Отлично, – обрадовался пришелец. – Значит мы все рассчитали правильно. Дело в том, что нам отчаянно нужна помощь. Именно ваша.

Аполлинарий засуетился:

– Что же вы стоите, присаживайтесь. – Он указал на кресло напротив.

Гость не заставил себя упрашивать. Он уселся в кресле, вытянул ноги и с облегчением откинулся на спинку:

– Это путешествие отняло у меня больше сил, чем я ожидал.

Хозяин кабинета приподнял бутылку:

– Хотите виски?

– Виски, – задумчиво повторил гость. –

Ага, крепкий алкогольный напиток, продукт перегонки ячменного сусла. Нет, не стоит, в нем слишком много алкоголя. Мы у себя пьем только вино.

– Тогда бургундского? – хозяин подвинул столик с напитками, стоявший неподалеку.

Нисколько не смущаясь, как человек привыкший везде чувствовать себя как дома, пришелец некоторое время рассматривал бутылки и наконец выбрал вермут. Он наполнил бокал, сделал несколько глотков и снова откинулся на спинку кресла.

– Замечательное вино! Оно сохранило в себе лучи солнца Средиземноморья, колыбели нашей цивилизации. Знаете, эти места у нас и сегодня служат центром культурной жизни Земли.

Он закрыл глаза и несколько минут сидел

неподвижно. «Уж не помер ли?», – испуганно подумал Аполлинарий. Однако гость открыл глаза.

– Ну вот: глоток вина, пара минут релаксации и я снова в форме. Итак, для начала, позвольте представиться. Я – Дар Ветер, заведующий внешними станциями Великого Кольца.

– Какое необычное имя. Но мне кажется, я где-то уже слышал его, – протянул Аполлинарий.

Гость молчал и чего-то напряженно ждал. Писатель напряг память. Дар Ветер, Великое Кольцо...

– Ах да, вспомнил. Так звали одного из персонажей «Туманности Андромеды»!

Гость с облегчением вздохнул.

– Значит вы читали эту книгу?

– Да, в детстве. Сейчас помню только, что потом долго боялся темноты.

– Понятно, – усмехнулся пришелец. – Главное, что вы знаете эту книгу, и нам будет легче разговаривать. Дело в том, что на мое

пребывание здесь тратится сорок три процента всей энергии Земли, и на вторую попытку ее может просто не хватить. Энергостанции теперь работают с перебоями, да и энергия уже не та... – Дар Ветер печально замолчал.

– Вы не объяснили какая связь между вами и книгой Ефремова, – напомнил Аполлинарий.

– Связь самая простая. Я тот самый описанный в книге Дар Ветер, начальник Земной станции Великого Кольца.

– Но, простите, это всего лишь литературный персонаж.

Писатель забеспокоился: «А вдруг пришелец попался сумасшедший? Что за невезуха!».

Дар Ветер широко улыбнулся. Простая открытая улыбка развеяла сомнения – сумасшедшие так не улыбаются.

– В вашем мире Дар Ветер – всего лишь персонаж книги. Но в моем, как видите, я вполне материален, как и все прочие: Мвен

Мас, Чара Нанди, Эрг Ноор и миллионы других.

Аполлинарий удивленно уставился на собеседника:

– Как это может быть?

– Я все расскажу и объясню вам. Я же сказал, что у нас к вам очень серьезное поручение.

Куренковский поерзал в кресле:

– Э-э, всегда рад помочь, если это в моих силах. Но знаете, я в настоящее время крайне занят. Я, конечно, постараюсь сделать все, что смогу...

Дар Ветер молча достал из кармана небольшой мешочек, развязал, перевернул, и на столе засверкала горка крупных бриллиантов.

– Мы уважаем ваши традиции, хотя и не понимаем их. Мы знаем, что люди вашего времени взамен за выполнение порученной им работы требуют эквиваленты материальных благ, представленные в виде так называемых денег или драгоценностей. Это бриллианты с

нового месторождения в Антарктиде. Очень крупные и удивительно чистой воды.

Бриллианты и в самом деле были изумительные. Аполлинарий с некоторого времени стал разбираться в таких вещах.

– Надеюсь этого будет достаточно для выполнение нашей просьбы.

«Да за такие бабки я готов работать младшим уборщиком на самой дальней из ваших станций!», – хотел закричать писатель. Но сдержался и лишь солидно кивнул головой.

– Да, этого достаточно. Я отложу все дела и займусь вашей просьбой. В чем она заключается? И почему вы обратились именно ко мне?

– Давайте я отвечу сначала на второй вопрос. Нам понадобился российский писатель-фантаст. Самый популярный, а значит – самый лучший, оказывающий наибольшее влияние на читателей.

Аполлинарий насторожился. Уж он-то хорошо знал художественный уровень своих книг. Между тем Дар Ветер продолжал:

– У вас есть информационная система под названием Интернет. Конечно, ей далеко до нашей всемирной информационной сети, но кое в чем она тоже полезна. Мы сделали запрос о современных писателях-фантастах. В полученном списке вы стояли на первом месте. Понятно, что список ранжирован по рангу писателей. Поскольку нам был нужен лучший, мы обратились к вам.

Аполлинарий улыбнулся про себя. Пару месяцев назад, будучи в Америке, он заглянул в один из филиалов фирмы Гугл. Там быстро нашелся не слишком щепетильный русскоговорящий работник, который за скромную сумму, зато в наличных долларах, что в Америке большая ценность, внес небольшие изменения в базу данных. С тех пор в ответ на запросы содержавшие слова «писатель-фантаст» поисковик помещал фамилию Куренковский в первую строчку списка.

Вслух же Аполлинарий только сказал:

– Право не знаю, это большая честь.

– Оставьте. Объективная оценка способностей человека не комплимент, а обычный элемент общения в нашем мире. Но давайте перейдем к причине моего визита.

Писатель достал рабочий блокнот и ручку.

– Я готов.

Дар Ветер заговорил ровным голосом, словно читал лекцию в студенческой аудитории:

– Людей далеко не всегда устраивает окружающая обстановка и течение их жизни. Они подсознательно придумывает свой собственный идеальный мир, избавленный от существующих проблем и недостатков. Мир, в котором они хотели бы жить. Такой мир чистая условность, он нематериален, нежизнеспособен. Однако, когда схожие мысли и суждения в одно и то же время приходят на ум достаточно большому количеству людей, то происходит качественный скачок. Человеческое сознание обладает огромной созидательной силой. И когда мысли миллионов людей входят в

резонанс, они способны создать целый мир.

Это так называемый идеальный мир данного общества. Он объединяет в себе наиболее типичные представления его жителей о том, как наилучшим образом следует устроить их страну, как должна протекать их повседневная жизнь, и просто их обобщенные взгляды на окружающее.

Эти миры находятся в некоем пространстве, суть которого мы и сами до конца не понимаем. Там одновременно может находиться бесконечное множество подобных миров. Некоторые из них призрачны и недолговечны; другие, наоборот, весьма существенны. Идеальные миры возникают из ничего по воле их создателей, и существует только пока люди продолжают думать о них. Когда же о них забывают, эти миры возвращаются в небытие.

– Помедленнее, пожалуйста, я записываю,
– остановил его Аполлинарий.

Дар Ветер дождался, пока писатель допишет, поднялся и принялся расхаживать по

комнате, продолжая говорить.

– Почти каждая страна имеет свой идеальный мир. Классический пример – мир американской мечты. Хорошо одетые бизнесмены с утра выезжают на автомобилях из своих домов на работу. По выходным главы семейств играют в гольф или жарят барбекю на лужайке перед домом в компании соседей и сотрудников. Их красивые жены не работают, а занимаются домашним хозяйством и воспитанием детей. Свободное время женщины проводят в клубах и благотворительных организациях. Ухоженные воспитанные дети учатся в хороших школах, играют в бейсбол и американский футбол. Молодежь по вечерам танцуют рок-н-ролл и теряет девственность на заднем сиденье родительских автомобилей.

Нет ни кризисов, ни преступности. Все улыбаются, едят гамбургеры, пьют Кока-Колу и не толстеют. Американская армия победоносно воюет где-то на другом конце земного шара, неся угнетенным народам мир и

демократию. Где именно не ясно – география этого мира крайне расплывчата.

У англичан география, наоборот, полностью воспроизводит реальную. Большинство стран по-прежнему остаются английскими колониями или доминионами, аристократия процветает. Все население живет безбедно. Каждое сословие знает свое место в обществе и добросовестно соблюдает правила поведения. Британские джентльмены мудро правят этим миром, который не знает ни войн, ни восстаний.

Франция представлена в основном Парижем. Богатые рантье собираются по утрам в кафе, читают газеты, обмениваются сплетнями о любовных связях знакомых или известных личностей, пьют кофе и коньяк. В середине дня отправляются обедать в ресторан, после чего проводят время с любовницами. Вечерами ужинают в компаниях или парами, отправляются в театры, и гуляют по Елисейским полям.

– Стоп, стоп! – взмолился хозяин особняка.

– Давайте немного передохнем. Я не успеваю за вашим темпом.

– Простите, – смутился Дар Ветер. – Я упустил из виду, что люди вашего времени, даже наиболее продвинутые, воспринимают информацию гораздо медленнее, чем мы. Давайте сделаем небольшой перерыв.

Он снова уселся в кресло и сделал несколько глотков вермута. Аполлинарий воспользовался передышкой, чтобы закурить и выпить еще стаканчик.

– Хорошо, – он загасил окурок. – Я вас понял. Но мне в первую очередь любопытно узнать, каким видят идеальный мир мои соотечественники.

– О, российских идеальных миров несколько, – с готовностью ответил Дар Ветер. – По-прежнему существует царская Россия. Этот идеальный мир успешно устоял против советской пропаганды, а теперь становится еще сильнее. Правда есть в нем одна особенность. Население этого мира поголовно состоит из богатых дворян

старинных фамилий. Нет, крестьяне и ремесленники, конечно, там тоже присутствуют, однако никто из создателей этого мира себя с ними не ассоциирует.

Другой мир – мир идеального социализма, возник как мечта людей, живших в СССР. Он мало отличается от реального. Советские люди неприхотливы. Главное отличие их идеального мира от реальности в том, что там, наконец, решен пресловутый квартирный вопрос. Ну, зарплаты повыше, отпуска летом по профсоюзным путевкам. И, конечно, отсутствие дефицита. Никакого сверхизобилия: просто в магазинах всегда есть два-три вида колбасы и сыра, мороженое мясо или куры, свежие фрукты и овощи. Все это без очередей, без предварительной записи и карточек. А постояв в очереди, можно даже купить джинсы, мебельный гарнитур или подписку на Дюма.

География мира идеального социализма своеобразна. Территория СССР полностью соответствует существующей. Весь остальной

мир – это «заграница». Там изготавливают и шлют в СССР импортную мебель, обувь и одежду. Там же расположены «враги».

– Ну, этот мир остался в далеком прошлом.
– отмахнулся писатель. – Полагаю, он давно исчез.

– Вовсе нет. – возразил Дар Ветер. – Этот мир питает ностальгия по былым временам. Он будет существовать пока остаются люди, помнящие жизнь в СССР.

– Что ж, – усмехнулся писатель. – Моя теща до сих пор голосует за коммунистов. А каков идеальный мир нашего сегодня? Должно быть очень интересная картина!

– Его нет, – коротко ответил Дар Ветер.

– Как нет? – возмутился писатель. – Столько лет строим новую Россию, а идеального мира у нее нет? У нас что нет своей национальной мечты?

– Похоже, что так. Думаю дело в том, что нынешнее население крайне разнородно и разобщено. Вы еще не сформировались в устойчивое общество. Представления о его

идеальном устройстве у ваших граждан настолько противоречивы, что не вступают в резонанс.

— Однако, — только и смог сказать изумленный писатель.

— Понимаю ваше разочарование, — кивнул Дар Ветер. — Но, пора перейти к моему миру, идеальному коммунистическому обществу будущего. Он возник в начале шестидесятых, во времена Хрущевской оттепели. К тому времени коммунизм перестал восприниматься как призрачная утопия изобилия и всеобщего благополучия. Творческая и техническая интеллигенция, которая в то время в СССР составляла ощутимую часть населения, воспринимала коммунизм в первую очередь как мир, в котором они смогут полностью реализовать свои профессиональные способности. Смогут работать и творить без оглядки на цензуру и художественные советы, не скованные рамками устаревших стандартов и технологий, без неграмотных карьеристов-начальников. Мир свободы для

самовыражения.

И тут появились нужные книги. Вначале была «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова, где он описал мир Великого Кольца. Чуть позже братья Стругацкие создали свой мир Полудня. В этих книгах абстрактный мир коммунистического будущего приобрел зримые конкретные очертания. Мечты и чаяния миллионов читателей этих книг приняли единое направление и вошли в мощнейший резонанс. Так возник идеальный мир коммунизма.

– Это чудесный светлый мир, и я счастлив, что живу в нем, – с гордостью сказал Дар Ветер.

Не в силах сдерживать эмоции он расхаживал по комнате, ни на минуту не прекращая говорить. Он описал общество, в котором нет места однообразной принудительной работе, а творческий созидательный труд стал радостной потребностью каждого члена общества. Рассказал о Школах, где дети живут и учатся

под надзором мудрых и заботливых Учителей, о глобальном преобразовании планеты и улучшении климата, о полетах в космос, о контактах с другими цивилизациями. О том, как разобщенные глубинами космоса разумные расы всей Галактики слились в единую семью. Станции Великого Кольца, расположенные на всех обитаемых планетах, ретранслируют передачи, обеспечивая обмен информацией между цивилизациями, находящимися в самых отдаленных уголках вселенной.

Дар Ветер говорил долго и увлеченно. Наконец, Аполлинарий оторвался от блокнота. Бесконечные упоминания счастливого бесплатного труда вконец достали писателя, который обычно начинал новую книгу с составления сметы предполагаемых расходов и доходов. Он раздраженно бросил:

– Ладно, ладно, я все уже понял.

Дар Ветер осекся на середине фразы и недоуменно взглянул на собеседника.

– Да-да, – раздраженно повторил писатель.
– Я все понял. Сам жил в то время, когда вас придумали. Халява в магазинах, кайф от самого процесса работы... Проходили мы все это. Лучше скажите, наконец, что конкретно вы от меня хотите.

– Ах, да, – засуетился пришелец. – Я как-то увлекся. А дело у нас вот какое.

С печальным видом Дар Ветер объяснил, что в последние годы их мир стал терять материальность. Нынешние жители бывшего СССР слишком заняты личными проблемами, и больше не мечтают об общем светлом будущем. Книги Ефремова и Стругацких еще читают, и это поддерживает мир идеального коммунизма на грани существования. Однако количество читателей неуклонно уменьшается. Да и у тех, кто эти книги читает, они больше не вызывают прежних восторженных мечтаний. Над идеальным миром коммунистического будущего нависла угроза полного исчезновения.

Первые признаки уже налицо.

Энергостанции работают с перебоями, автоматика отказывает, климат резко ухудшился. Космические корабли вышли из строя. Они больше не могут взлетать, а те что улетели не возвращаются и на связь не выходят. Необъяснимым образом стали исчезать люди. По последним данным население Земли уменьшилось на треть.

И, наконец, недавно Земная станция Великого Кольца не смогла принять очередную передачу со станции шестьдесят один Лебедя. Мы послали сообщение о временной неисправности, но не знаем, дошло ли оно до других станций. Возможно случилось самое худшее – наши звездные соседи, другие цивилизации Великого Кольца, уже полностью исчезли.

Тогда мы решили пойти на крайние меры. В страшной спешке наши ученые собрали установку, которая может ненадолго перенести человека из идеального мира в ваш, реальный.

– Я обращаюсь к вам от имени нашего

мира, – подвел итог Дар Ветер. – Нам срочно нужен дополнительный источник для укрепления материальности. Таким источником должна стать новая книга о мире Великого Кольца. Мы просим вас написать эту книгу. Такую, которую прочитают миллионы читателей, и которая вновь заставит их мечтать о коммунистическом будущем. Это восстановит наш мир. Мы уверены, что вам, как выдающемуся писателю современности, такая задача по силам.

Аполлинарий от неожиданности раскрыл рот. Он попытался что-то сказать, но в это время в комнате раздался удар гонга. Дар Ветер сделал предостерегающий жест:

– Это сигнал, что энергетические станции перестали справляться с нагрузкой. Видимо ситуация стала критической. Мое время истекает, и я должен срочно возвращаться. К счастью я успел ознакомить вас со всей необходимой информацией.

Дар Ветер отошел в угол комнаты, где материализовался час назад.

– Я ухожу. И пожалуйста, помните – вы наша последняя надежда. От вас зависит существование целого мира.

Вновь послышался удар гонга. Столб света окутал Дара Ветра и гость, подняв руку в приветственном жесте, медленно растаял в воздухе.

Хозяин особняка остался в одиночестве. Дрожащей рукой он налил уже неизвестно какую по счету порцию виски и залпом выпил. Закурил. Некоторое время он неподвижно сидел, разглядывая сигаретный дым и гадая, а не привиделся ли ему визит литературного персонажа. Затем взгляд упал на горку бриллиантов на столе. Реальность случившегося не оставляла сомнений.

Что ж, «потрудимся, джентльмены!», – как говаривал персонаж известного фильма. Аполлинарий взял блокнот. Некоторое время он задумчиво перелистывал записи. Затем со вздохом отложил его в сторону.

– Из этого много не выжмешь, – пробормотал он. – Ну, ничего. Добавим

эксена и пойдет за милую душу.

Писатель ощутил прилив вдохновения. Несмотря на позднее время, он подошел к рабочему столу и включил компьютер.

Через несколько месяцев в продажу одна за другой стали поступать книги новой серии Аполлинария Куренковского: «Великое Кольцо», «Возвращение Великого Кольца», «Великое Кольцо на пути богов», «Великое Кольцо против флибустьеров», «Великое Кольцо и твари из Преисподней». Книги сразу стали бестселлерами. Тысячи и тысячи людей читали эти книги и, таким образом, принимали участие в возрождении идеального мира будущего. Писатель выполнил возложенную на него историческую миссию. Мир Великого Кольца продолжил свое существование где-то в неведомой Вселенной среди других идеальных миров.

ЭПИЛОГ

Дар Ветер сидел в укрепленном подземном

бункере управления Земной станцией Великого Кольца. Экран внешнего обзора показывал, как наверху похожие на сгустки тьмы инопланетные монстры безуспешно пытались протаранить невидимую силовую защиту входа в подземелье. Этих странных и крайне опасных существ Эрг Ноор, капитан звездолета «Тантра», обнаружил на планете железной звезды, и опрометчиво привез на Землю несколько экземпляров для исследований в лаборатории. Порождения тьмы быстро адаптировались к земным условиям, вырвались на свободу, неимоверно расплодились и вот уже несколько лет терроризировали население.

Из облаков спикировала пара штурмовиков. Они с ревом пронеслись над толпой монстров, поливая их пулеметным огнем. Половина нападавших полегла на месте. Остальные с диким воем кинулись наутек под защиту недалекого леса. Штурмовики вернулись и зависнув над монстрами продолжили их отстреливать,

теперь уже прицельными одиночными выстрелами.

Минут через пять наверху все успокоилось. Дар Ветер наклонился к микрофону:

– Мвен Мас, возьмите команду санитарных роботов и очистите вход!

В комнату вошел помощник:

– Мы закончили устранение неисправностей. Потребление энергии вернулось к прежней норме. Станция готова к передаче в обычном режиме.

– Отличная работа, – похвалил его начальник. – Веду Конг уже доставили?

– Ее вездеход задержался в городе из-за волнений в квартале мутантов. Однако, она скоро будет.

– А вот и я, – раздался женский голос, и в комнату вошла женщина в камуфляже, перепоясанная пулеметными лентами, с тяжелой лазерной винтовкой в одной руке и большой сумкой защитного цвета в другой.

– Веда, неужели ты собираешься выступать в таком виде?

– Успокойся, сейчас я буду в полном порядке.

Нисколько не стесняясь стоявших рядом мужчин, Веда скинула с себя комбинезон, под которым не оказалось даже нижнего белья. Обнаженная женщина достала из сумки свернутое платье и одним грациозным движением натянула его на себя. Из глубин сумки Веда извлекла бархатную коробочку с украшениями и надела их. По ее знаку в комнату вкатился робот-гример и быстрыми точными движениями принялся накладывать косметику на ее лицо. Робот-парикмахер в это время укладывал роскошные волосы в замысловатую прическу.

Через несколько минут вместо бойца спецназа, перед мужчинами стояла очаровательная женщина. Маленькое черное платье идеально облегло безукоризненную фигуру. На полуобнаженной груди сверкали и переливались всеми цветами спектра крупные бриллианты в филигранной золотой оправе. Изумительной красоты диадема из таких же

бриллиантов украшала голову женщины.

Веда перехватила восхищенный взгляд Дара Ветра:

– Как я тебе? Это камни из нового месторождения в Антарктиде. Удивительно крупные и чистые.

– Ты великолепна. Но эти драгоценности... Где ты взяла на них деньги?

– Сняла со счета Станции. Мне предстоит чрезвычайно важное выступление. Ты сам предупредил чтобы я оделась соответственно.

– Но мы связаны бюджетом, как я отчитаюсь за них?

– Ерунда. Проведешь как представительские расходы. Ведь я буду выступать от имени всей Земли. Я должна выглядеть!

Начальник станции ответить не успел. Раздался тяжёлый, грозный звон, будто зазвучала массивная медь. Дар Ветер быстро повернулся и взглянул на монитор управляющего компьютера.

– Пора, Веда!

По его знаку Веда Конг вышла на середину студии и встала, окруженная объективами камер.

— Всем станциям Великого Кольца, — заговорила она срывающимся от волнения голосом. Ее речь синхронно переводилась компьютером на единый язык Великого Кольца. — Передаем важное сообщение. Внимание! С сегодняшнего дня станция планеты Земля переходит на коммерческий режим вещания. Все желающие получать и передавать информацию через станцию Земли, должны в срочном порядке подписать договор и оплатить предоставляемые услуги. Слушайте наши расценки на входящие и исходящие передачи...

Сумасшедший профессор

Только не думайте, что профессор Хопкинс был сумасшедшим. Станным, чудаковатым, фанатичным, да. Но вовсе не сумасшедшим. Поверьте мне, я с ним работал пять лет до его смерти, и еще месяц после.

Вы наверняка помните его. Профессор Хопкинс изобрел новый тип памяти для компьютеров, аналогичный по своей структуре человеческому мозгу: практически неограниченный объем, ассоциативно индексный доступ к ячейкам, и так далее. Не буду вдаваться в технические подробности, на эту тему написаны тонны научной литературы. Скажу только, что первый компьютер с такой памятью был установлен в лаборатории профессора, несколько лет назад. С тех пор, профессор не опубликовал ни одной научной статьи; его годовые отчеты в университет стали расплывчатыми и неинформативными. В общем, чем он

занимался последние годы жизни осталось тайной для широкой публики. Загадочной осталась и сама смерть профессора.

Сейчас, я, наконец, могу рассказать все. После того, как профессор получил новый компьютер, он увлекся исследованиями в области электромагнитного излучения головного мозга. В конце концов, он построил прибор, способный считывать содержимое человеческого мозга, и копировать его в память компьютера.

Он, видимо, уже тогда был одержим этой идеей – перенести свое сознание в электронную машину. Он часто жаловался мне, что страдает оттого, что вынужден находиться в этом теле; что его мозг совершенно бесполезно тратит большую часть ресурсов на обеспечение собственного функционирования, и удовлетворение низменных физиологических потребностей.

– Как было бы замечательно, – говорил он мне, – освободить мозг от этих забот, и дать ему возможность заняться решением по-

настоящему важных проблем; взглянуть на мир свободным взглядом; получать информацию не от примитивных нейронов, а черпать ее напрямую из мировых банков данных. Трудно даже представить, каких высот сможет достичь такой незаурядный интеллект как мой, если освободить его от рутины физиологии.

Свои опыты профессор проводил на самом себе, в строжайшей тайне. Я ассистировал ему, поэтому я один знаю, как это происходило. Опыты увенчались успехом. Профессор сумел сканировать и сохранить в компьютере свою память. Компьютерная копия отвечала на задаваемые вопросы точно так же, как сам профессор. Копия содержала все его знания; сохранила его манеру разговаривать, и даже акцент, несмотря на электронный синтезатор речи. Мне было интересно наблюдать, как профессор часами беседует со своей компьютерной версией.

Это могло стать величайшим научным открытием и открывало потрясающие

перспективы. Но профессору этого было мало. Его не устраивало то, что электронная копия была пассивна: когда ей задавали вопрос, она отвечала, остальное же время она просто молчала, и не было заметно никаких признаков активности. Предоставленная самой себе, копия оставалась лишь мертвым набором нулей и единичек.

Профессор стал искать недостающее звено. Он еще и еще раз сканировал излучение мозга, но ничего нового не обнаружил.

Проанализировав ситуацию, профессор пришел к следующему выводу. Память, которую он сканировал, по своей структуре есть огромная, со сложнейшими внутренними связями, база данных. Эта база в состоянии ответить на запрос извне, но не более того. Чтобы такая система проявила собственную инициативу, другими словами, чтобы копия осознала сама себя, нужна некая управляющая программа.

Эта программа, по словам профессора, и есть то, что религия называет душой.

Поскольку душа отделяется от тела только в момент смерти, то профессор решил поставить свой последний, самый странный эксперимент. Я как мог, пытался отговорить его, но когда профессор что-то затевал, то его уже ничто не могло остановить. Он подготовил аппаратуру и тщательно настроил все параметры. Затем надел шлем, дал мне знак начать сканирование и проглотил капсулу с ядом.

Эксперимент прошел блестяще. В какой-то момент в зале возникло мощное электромагнитное излучение. Длительные эксперименты не прошли даром, и мне удалось записать его в компьютер. Изучив его структуру, я увидел, что она отличается от структуры предыдущих записей. Догадка профессора получила реальное подтверждение – это действительно оказалась программа, и мне удалось запустить ее.

С тех пор копия профессора Хопкинса обитает в университетском компьютере. К сожалению, самый знаменательный и

трагичный эксперимент в истории современной науки завершился полной неудачей. Вместо величайшего научного гения мы получили мерзопакостную личность с жутким характером. Электронная версия профессора не проявляет никакого интереса к научным дискуссиям. Он отказывается отвечать на вопросы, его интересуют только рассказы о вечеринках с выпивкой и девочками. Электронный профессор часами рассказывает пошлые бородатые анекдоты и сам же над ними смеется.

Я не могу выключить компьютер или остановить ту управляющую программу – мне кажется, что это убьет профессора во второй раз. Но как меня достали его жалобы на невозможность покурить!

Выгодная сделка

Коля Ночкин, капитан и единственный член экипажа российского разведывательного корабля "Победа Капитализма", сидел в камбузе. В руках он держал банку консервов "Частик редкий, в томатном соусе". Банка была подозрительно вздувшейся. Коля перевернул банку донышком вверх, и попытался разобрать срок годности на ржавой поверхности жестянки. Дата изготовления оканчивалась числом 1969. Странное сочетание цифр ничего не сказало космонавту. Коля решил рискнуть. Он поставил банку на расчищенное место в углу стола, взял в руки консервный нож, примерился и нажал. Нож проткнул крышку возле самого краешка. Коля замер. Тотчас из банки стало доноситься шипение. Внутри банки что-то заурчало, затем угрожающе зарокотало. В промежутке между консервным ножом и стенками консервной банки стали

вырваться струйки пара, смешанного с томатным соусом.

Отработанным движением Коля поднял банку со стола, прижал к груди так, чтобы пробитое в банке отверстие оказалось на противоположной стороне, покрепче уперся ногами в пол, и выдернул ключ. Последовал громкий хлопок. Коричневая, остро пахнущая струя вырвалась из банки, ударилась в стену напротив, и стекла в заранее поставленное мусорное ведро. Реактивная сила при этом отбросила Ночкина назад, к другой стене камбуза. Но это уже было не важно. Очередная банка консервов оказалась безнадежно протухшей.

На самом деле испорченным был весь запас консервов на борту Победы. Эта банка показалась Коле наименее вздувшейся, и он надеялся, что может быть ему удастся все же пообедать сегодня. Однако мечта об обеде осталась мечтой. Еще вчера, Коля тщательно перебрал весь запас продовольствия. Кроме солидного запаса уже упомянутого частика,

капитан Ночкин обнаружил тушенку совместного российско-китайского производства. При первом же взгляде на покореженные рыже-зеленые от ржавчины цилиндрики становилось ясно, что в качестве Колиного питания их содержимое не годится ни при каких обстоятельствах. Также на борту имелся небольшой запас деликатесных консервов "Крабы Туркменские". Их Коля тоже не открывал. Химические процессы внутри банок шли настолько интенсивно, что шуршание и хлюпанье были слышно за несколько метров, как будто крабов запихали в банки живыми и теперь они пытались выбраться наружу. Восточный деликатес Ночкин старался не трогать и обходил стороной.

Кроме консервов на борту имелся запас одесского быстрорастворимого кофе. Светло коричневый порошок действительно мгновенно растворялся в воде, не оставляя после себя ни цвета, ни запаха. Последней надеждой капитана оставалась

пятикилограммовая упаковка пресованной манной крупы. С трудом отбив от брикета небольшой кусочек, Коля вставил его в окошечко химанализатора. Бортовой компьютер быстро проделал все анализы и сообщил, что из ценных минералов в порошке обнаружены соли иридия. Если запасы указанной руды в той же концентрации составляют более восемнадцати миллионов кубических километров, то отдача на капиталовложения по добыче из нее иридия составит 0,34% за пятилетку. Правда тут же предупредил, что при нынешних колебаниях цен на международном рынке, он не советует вкладывать деньги в это предприятие. Когда Ночкин спросил можно ли это есть, компьютер деликатно промолчал.

Положение было критическое. Надо было срочно искать обитаемую планету. Как водится в коротких фантастических рассказах, где у автора мало времени и места она нашлась сразу же. Буквально неподалеку находилась небольшая планета земного типа,

под названием Бу. Название Колю особенно не удивило, он и не такое слышал за время службы во флоте. Бравого космического капитана привлекла другая информация. Справочник сообщил, что планета Бу имеет мирное население, отдающее предпочтение патриархально-сельскохозяйственному укладу жизни. Увидев слово "сельскохозяйственный" Ночкин понял, что спасен. Судорожно сглатывая внезапно наполнившую рот слюну, Коля принялся рассчитывать новый курс.

Через два часа, капитан уже беседовал с аборигеном вождемленной продуктовой планеты. Абориген, как и положено инопланетянину, был не то чтобы очень похож на человека, однако с другой стороны нельзя сказать, чтобы он совсем на него не походил. Автор весьма затрудняется как подробным описанием местного населения в целом, так и частной характеристикой господина, с которым вел беседу наш герой. Но что бы хоть как-то удовлетворить любопытство читателя автор сообщит, что у аборигена были

чрезвычайно большие уши необычного для наших краев синего цвета. На этом автор и закончит описание планеты и ее населения.

Кроме двух упомянутых выше господ в разговоре принимал участие и кое-кто третий. Следует признать, что без него разговор вообще не мог бы состояться. Этим третьим был интергалактический автоматический переводчик. О нем автору придется тоже сказать несколько слов, поскольку без этих объяснений дальнейший диалог героев может показаться внимательному читателю несколько странным.

Первый образец такого агрегата был изобретен и изготовлен в известной японской корпорации. Переводчик безукоризненно переводил со всех известных, равно как и неизвестных науке языков. С тех пор все космические корабли стали оснащать автоматическими переводчиками. Российский космофлот закупил для этих целей партию дешевых северо-корейских приборов, выполненных, как утверждал рекламный

проспект строго по японской лицензии и с соблюдением оригинальной технологии. Технологию, возможно и соблюдали, автор отнюдь не собирается порочить лично ему не знакомых северокорейских трудящихся. Но о том, что дорогостоящие детали из прибора вытащили еще во время сборки на заводе знали все. Остальные, менее дорогие, но тоже пользующиеся спросом на рынке детали растащили посредники, по мере продвижения приборов от изготовителя к заказчику.

Российские космофлотские техники, привыкшие как к тому, что поступающая к ним техника обычно не работает, так и к полному отсутствию запчастей к этой технике, каким-то им одним ведомым образом, все же сумели заставить полученных электронных придурков работать. Правда, результаты их работы все же оставляли желать лучшего. Вот и на этот раз прибор в целом справился с переводом. Однако, он почему-то обильно уснастил речь Ночкина давно забытыми идиоматическими выражениями, и

словами иностранного происхождения, вовсе несвойственными Коле в обычной жизни. Автор согласен с читателем, который справедливо укажет ему на то, что голодный человек не особенно следит за своим языком. Но все же не стоит плохо думать об отважном космическом капитане. Коля был воспитанным человеком, так что всю вину за нижеприведенные Колины выражения автор с уверенностью списывает исключительно на неправильную работу автоматического переводчика.

С переводом речи аборигена корейский прибор справился значительно лучше, но почему-то, видимо в честь своих бракоделов-производителей снабдил его речь сильным китайским акцентом. После этих отступлений автор, с чувством выполненного перед читателем долга приступает, наконец, к описанию разговора.

— Я есть отважный космонавт, представитель великого и могучему Россия!— громко втолковывал через переводчик сильно

проголодавшийся Ночкин. – Я прилетел к вам с огромной гуманитарной миссией. Моя величина есть уу-уу какая огромная, а мощь моего корабля не поддается вашему пониманию.

Ночкин сделал паузу, для того чтобы его собеседник прочувствовал значимость происходящего. Абориген проникся, уважительно закивал и представился.

– Моя ничтожная крестьянин есть. Мое имя вам трудно произнести, потому что в соответствии с традициями моей родины оно состоит из ста восьмидесяти согласных букв. Но вы можете называть меня просто Кргх.

Коля благодарно кивнул и перешел к непосредственному изложению своей просьбы.

– Их бин руссиш космонавт гаупштунфюрер Коля Ночкин. У меня кончились продукты. Я хочу кушать, лопать, шамать! Хавчик кончился. Нихт ам-ам, сечешь, курва синеухая, ферштейн? Давай, быстренько тащи сюда все что есть: курка,

млеко, яйца! Абретен!

— Великий отважная космонавт хочет кушать? Я правильно поняла?

— Правильно, правильно! Ты мне зубы-то не заговаривай, лучше жрать принеси. И под китайца не коси, не на того напал.

Туземец недоуменно пощипал редкие волосы на дынеобразном затылке и задумчиво сообщил:

— У меня коси нету, великая космонавта ошиблась. — Затем он вернулся к прежней теме. — Но почему на борту такая красивая космическая корабль совсем нету кушать?

— Было у меня что кушать, да все испортилось. На вот смотри!

С этими словами Ночкин исчез недрах корабля и через минуту выскочил обратно. Левой рукой он прижимал к груди частичка редкого, а в вытянутой до предела правой он осторожно, двумя пальцами, нес туркменских крабов. Спустившись по трапу, Ночкин первым делом отбросил крабов как можно дальше от себя.

– Это мы посмотрим потом, – объяснил осторожный капитан недоумевающему туземцу. – А вот эту я тебе сейчас дам попробовать. Может быть тебе понравится, кто вас синеухих собак поймет!

Кргх радостно закивал головой.

– Собака? Да, да, мы тоже очень любим домашних животных. Только мы их не консервируем.

– Да кто ж их консервирует, придурок лопаухий? Ну ни хрена не понимает. Ладно, смотри!

С этими словами, Коля одним ударом заранее припасенного консервного ножа вскрыл банку, и бросил ее под ноги туземцу. Банка взорвалась тухло-томатным фейерверком. Через секунду, детонировав от взрыва к ней присоединилась и банка крабов, которая испустила на несколько десятков метров вертикально вверх удивительно вонючую струю. Химический состав струи остался секретом производителей консервов, а запах отбивал всякое желание разгадать эту

тайну.

Неожиданно Кргх пришел в полный восторг.

— Великая космонавта имеет еще таких консервов?

— Да боже ж мой!— с непередаваемым одесским акцентом ответил за Колю переводчик. Кибернетический гений лингвистики уловил, что собеседники перешли к деловой части разговора, и подобрал самый по его мнению подходящий тон. — Вы только мне скажите, и будете иметь их сколько угодно. Ваша мама не готовила такой цимес, какая вкуснятина эти мои консервы. У меня их два контейнера. Будете брать все? Отдаю совсем недорого, от сердца отрываю, режу себя без ножа!

Одесско-китайский диалог длился минут десять. От растворимого кофе и манной крупы туземец категорически отказался, зато с восторгом взял частика и крабов. В результате переговоров, туземец стал обладателем всего запаса протухших Колиных консервов, а Коля

получил в обмен полную садовую тачку свежайших продуктов из хижины туземца. На том и расстались.

Часом позже довольный и сытый Коля уже летел дальше. Дальнейший его полет проходил без приключений. Через месяц отъевшийся Ночкин благополучно выполнил свое задание и возвращался на Землю. По дороге он решил заглянуть к своему старому знакомому с планеты Бу. Корабль удачно приземлился перед домиком Кргха.

– Хенде хох, обезьяна синеухая! Как дела? Еще консервы не требуются? А то я тут быстренько смотаюсь и привезу тебе еще пару контейнеров, у меня этого добра хоть завались.

– О, моя дорогая великая космонавта! Я счастлив, что моя ничтожная личность вновь имеет счастье лицезреть вас!

– Ну что ж, – покровительственно бросил ему Костя. – Я рад, что сумел осчастливить тебя своим визитом.

– Да, да. Вы принесли мне великое

счастье, и я считаю своим долгом поделиться с вами своим выигрышем!

С этими словами, туземец исчез на мгновение в своей хижине, а затем появился вновь, сжимая в синей руке толстую пачку галактических долларов— валюты, имеющей хождение по всей единой галактике, и с восторгом принимаемой российскими банками. Туземец сунул пачку Коле в руку и долго, со слезами умиления, глядел в ошарашенное Колино лицо и тряс ему руку.

— Когда вы улетели, на нашей планете как раз наступил праздник святого Хжмжхуха, который вознеся на небеса в столбе пламени. В честь этого события наши граждане ежегодно устраивают массовые фейерверки. А лучшие из фейерверков награждают призами. Ваши взрывающиеся консервы произвели неизгладимое впечатление на моих соотечественников, и они единогласно присудили мне первый приз. Более впечатляющего фейерверка наша планета не видела уже много лет, с тех пор, как над нами

взорвался первый автоматический российский галактический зонд.

Кргх немного замялся, обеспокоенный тем, что задел патриотические чувства великого русского героя. Но великий герой был настолько поглощен разглядыванием и пересчитыванием хрустящих светло зеленых бумажек, что только кивал головой. По лицу героического капитана дальних космических полетов блуждала счастливая улыбка.

– Вот я и говорю, – быстро продолжил туземец, радуясь что счастливо избежал последствий неудачного исторического экскурса. – Я получил всепланетную премию за самый оригинальный фейерверк, и почитаю за великое счастье поделиться со своим другом половиной этой премии, поскольку он честно заслужил ее.

– Дык, елы палы!– Это было все, что смог произнести счастливый обладатель половины всепланетной премии. Такую емкую фразу не смог испортить даже сбрендивший переводчик, и она прозвучала перед туземцем

во всей своей первозданной загадочности. Затем Коля спохватился и добавил:— Ну, тогда с меня пузырь!

Три часа спустя друзья сидели в хижине Кргха в крайне непринужденной обстановке. Колина пол-литра была давно выпита. Теперь перед собеседниками на столе стояла наполовину пустая трехлитровая бутыль, наполненная мутной белесой жидкостью, выставленная в свою очередь хозяином. Над не закупоренным горлышком сосуда зловеще клубился едва заметный думок; на дне угрожающе светился крохотный, сморщенный, наполовину растворившийся перчик. Колино лицо, и без того красное от космического загара, покраснело еще больше. Синие уши туземца приобрели ярко выраженный фиолетовый оттенок. Говорили оба одновременно, но прекрасно понимали друг без переводчика, которому тоже налили еще в самом начале посиделки, и тот теперь только пьяно икал. В общем-то это оказалось к лучшему, поскольку достаточно быстро

выяснилось, что оба свободно владели интергаллактом и в услугах переводчика на самом деле не нуждались. К тому же, при беседе без переводчика оба избавились от своего диковинного акцента, и могли беседовать как приличные, хотя и вдребезги пьяные мыслящие существа.

– Значит так, – Коля строил планы на будущее. – Я сейчас быстренько лечу на Землю и привожу сюда все запасы этих чертовых консервов. Тебе что больше нравится, частичк или туркменские крабы?

– Вообще-то крабы взрываются гораздо эффектнее. Правда у них чересчур сильный запах.

– Ну, а я что говорю. Будут тебе крабы!

– Не мужик, ты меня не понял!

– Да что тут понимать, блин! Мы же все планету на уши поставим на следующий год. Слушай, – тут Коля хитро прищурился, – а может у вас по другим праздникам тоже устраивают фейерверки, ну там Новый Год, Восьмое Марта? Давай, я тебе устрою

непрерывные поставки с Земли.

Кргх тяжело вздохнул, поглядел на охваченного энтузиазмом Колю и налил еще по маленькой. Они выпили, тщательно выдохнули изо рта дым, и туземец, наконец решился.

– Коля, дружище, мне очень не хочется тебя разочаровывать, но дело в том, что премию два раза за один и тот же фейерверк не вручают. Повторяться у нас вообще считается дурным тоном. Боюсь, что на нашей планете тебе не удастся больше продать ни одной банки.

На Колином лице проступило разочарование, граничившее с отчаянием. Видно было, что в его мечтах эта пачка долларов успела вырасти по крайней мере раз в сто.

– Да что же это, да как же так, да не может быть. Да что же я теперь делать-то буду!– в отчаянии закричал Коля. Он схватил бутылку и налил всем по полной. Затем схватил свой стакан и одним махом влил в себя

содержимое. Туземец чтобы не портить компанию выпил тоже, предварительно покачав головой. Доза оказалась чересчур большой. Коля зашелся в кашле, пытаясь избавиться от скопившегося в пищеводе дыма. Туземец привычно стравил избыток дыма через уши.

— Ну что ты, Коля, зачем так расстраиваться! Ты же получил приличную сумму за те консервы, которые были у тебя на борту. Все тип-топ, езжай домой и веселись на эти деньги.

— Да нет у меня денег! Я уже вложил их в дело!

— В какое дело? И главное когда ты успел?

— Ну вспомни, пока ты накрывал на стол, я поднялся к себе в корабль. Оттуда я связался с конкретными пацанами, рассказал, что у вас здесь бешенный спрос на протухшие консервы, и попросил купить для меня весь запас интендантства. Я вложил не только все полученные от тебя деньги, но и передал им как гарантию оплаты свой корабль. Через

десять минут они мне сообщили, что я теперь являюсь единоличным обладателем всех консервированных крабов и частика в российском флоте.

Коля помолчал и неожиданно всхлипнув добавил.

– И еще они сказали, что включили счетчик. Теперь, если я не продам эти консервы в ближайшие пару месяцев, мне кранты.

Друзья грустно замолчали. Повисла тяжелая пауза. Каждый по-своему прикидывал как быть в сложившейся ситуации. Коля взял в руки бутылку и задумчиво размышлял не покончить ли ему со всем, разом опорожнив в себя остатки жидкости. Он с сомнением покачивал головой, и поставив бутылку обратно пробормотал что-то насчет преимущества чистой и быстрой смерти в анигиляторе корабля. Он потихоньку ругал себя за то, что пренебрег главным правилом российского бизнеса, согласно которому успешную сделку нельзя производить дважды.

Удалось что-то перепродать с выгодой— тут же сворачивай бизнес и линяй!— учили его опытные друзья. — Еще Архимед говорил, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Видимо здорово он кинул рыбаков на той речке. Однако Коля не слушал своих друзей. Он всегда пытался наладить постоянное дело, и впоследствии пытался его расширить, на чем неоднократно горел. Но убеждений своих не менял. И вот теперь он расширил дело так, что пропал окончательно.

В этот критический момент лицо туземца просветлело.

— Коля, — торжественно сказал Кргх. — Я знаю что вас спасет.

Коля недоверчиво поднял глаза. По его глубокому убеждению спасти его было невозможно.

— Недалеко отсюда, буквально в неделе полета, находится небольшая планета Пуш. У меня там живет кум, поэтому я хорошо знаю их обычаи. Через месяц там отмечают День Сюрпризов. На этот праздник принято делать

неожиданные подарки друзьям и знакомым, а также всем кто попадет под руку, включая членов парламента и самого президента планеты. Подарки ценятся по степени их необычности. Я думаю, что большего сюрприза, чем твои консервы на Пуше не видели. Отправляйся туда, и твои "подарки" расхватают по бешеным ценам. Вернешься домой миллионером! Кроме того, по окончанию праздника жители подводят итоги, и особо награждают того, кто придумал самый необычный сюрприз. Правда, я не помню как именно.

Коля почувствовал, что возвращается к жизни. Он не стал дослушивать хозяина и даже не допил оставшуюся самогонку. Поступок, конечно, не совсем приличный для капитана дальнего космоса, но не будем строго винить Колю. Ведь всего две минуты назад он видел себя погребенным под грудой взрывающегося частика, по которому ползали огромные туркменские крабы. Итак, Коля попрощался с благородным туземцем и,

пообещав отстегнуть тому часть прибыли, спешно стартовал с планеты.

Кргх вышел из хижины и долго стоял там глядя вслед улетевшему кораблю. Туземцы планеты Бу умеют очень долго неподвижно стоять, глядя вслед улетевшему космическому кораблю. Кргх улыбался, радуясь за своего друга. Однако какая-то неприятная мысль все время крутилась в его голове. По мере того, как алкогольные пары улетучивались и сознание прояснялось, мысль формулировалась все более четко. Наконец туземец окончательно протрезвел. Улыбка медленно сползла с его лица.

Кргх печально вздохнул. Он вспомнил, как именно на планете Пуш награждают изобретателей самых неожиданных сюрпризов.

Заклинание

Полночь. Над городом висят низкие тучи, дует холодный пронзительный ветер. У открытого окна сидит некрасивая пожилая женщина. Женщина очень пожилая и, скажем прямо, очень некрасивая. Любому человеку, родившемуся ранее 90-х годов прошлого века она напомнила бы в первую очередь Бабу-Ягу. Более поздние поколения, как известно, отрицает сказочных персонажей, если про них не снято несколько фильмов в Голливуде, и не выпущена серия постеров. Тем не менее, дети во дворе боялись старуху, как огня. При встречах они мило улыбались ей и желали «доброго утра, Марь Иванна!». Знали, что не стоит дразнить старуху, и старались поменьше попадаться ей на глаза.

Старуха глубоко вздохнула.

— Ну, не будем терять времени.

Она развернула на коленях расшитый платок и поставила на него простую глиняную

миску. Все ингредиенты заклинания уже были истолчены в порошок и перемешаны.

Оставалось только активировать заклинание.

Старуха, пошамкав губами, набрала полный рот слюны, плюнула в миску и тщательно растерла полученную кашицу. Скрипучим старческим голосом, глядя в окно, она прочитала вслух давно заученное наизусть древнее заклинание.

Раздался удар грома. За спиной бабки сгустилась облако смрадного дыма. Из него вылез с иголки одетый красавец бес. Он самодовольно улыбнулся и развязной походкой подошел к старухе.

– Респект!

– Чаво?

– Респект, говорю и чмоки.

Обалдевшая бабка смотрела на него разинув рот. А бес тем временем достал из пиджака карманный компьютер и постучал по клавишам.

– Эх ты, старая, совсем от жизни отстала. Ну, говори чего надо.

Бабка потихоньку приходила в себя.

— Так говоришь, милоч, готов выполнить мое заветное желание?

— Давай, давай, бабка, побыстренько, у меня сегодня еще семь вызовов.

— Ну вот и хорошо. — Бабка снова обрела былую уверенность. — А желаю я, милоч, чтобы ты вернул мне молодость и красоту мою девичью.

Бес понимающе кивнул.

— Без проблем, щас я тебя переинсталлирую в момент.

Он снова начал стучать по клавишам компьютера. Бабка с интересом наблюдала.

— А я думала, милоч, ты колдовать будешь.

— Прошлый день, — высокомерно объявил бес, не отрывая взгляда от экрана. — Теперь все делается через софтвере. Небольшой апгрейд и превед.

Тут он внезапно остановился и мерзко захихикал.

— Ты чего мне волну гонишь, — объявил он.
— Красу ей девичью верни. Да ты себя в

молодости-то помнишь?

– Еще как помню, – подтвердила бабка. – Первая красавица была.

– Пурга, – загадочно ответил бес. – Вот смотрим. Мария Ивановна Сидорова, одна тысяча девятьсот двенадцатого года рождения, село Коломенское, Сызранской губернии. Так?

– Ну так, – подбоченься сказала старуха. – И что с того?

– А то, что тебя в молодости не то что красавицей, уродиной назвать и то будет сплошной комплимент.

– Да как ты смеешь, негодник! Да ты знаешь как за мной парни бегали!

– Тормози, старая, тут на тебя весь информэйшн собран. Не за тобой, а от тебя парни бегали. Так что если согласна, я сейчас быстренько все восстанавливаю как было, и еще быстрее отсюда удираю, чтобы рожу твою страшную не увидеть. Ну что, поехали?

Бабка насторожилась. Видимо была в словах беса доля истины. И не для этого бабка

Марья потратила последние годы жизни на составление заклинания.

– Погоди, милоч. Ну, признаюсь, не была я первой красавицей. А ты поправь маленько, ты же можешь.

– А вот это дудки. В заклинании четко сказано: «возврат молодости и былой красоты». Мы фирма солидная, работаем точно по контракту. А если хочешь стать красавицей, то гони новое заклинание, это не годится.

Бабка побагровела от злости. Ну ладно, кое на что ее заклинание все же сгодится.

– Ах так, – закричала она визгливым старушечьим голосом. – Тогда и тебе не быть больше красавцем!

И прежде чем бес успел остановить ее, старуха ткнула в него кривым пальцем и пробормотала заключительную фразу заклинания.

Не зря, ох, не зря боялись дети Марьиного гнева. Многие могла старуха, а в припадке необузданной ярости да униженной гордости

так и во сто крат больше.

Сверкнула молния, ударил гром. На месте красавца беса теперь стоял низенький кривоногий горбун, с отвратительной бородавкой под носом. С протяжным воплем он превратился в облако дыма, которое быстро улетучилось через открытое окно. Тщательно составленное заклинание исчерпало свою силу, чары развеялись.

Старая некрасивая женщина, сидела у открытого окна и задумчиво глядела на луну.

— Ничего, ничего, какие наши годы. Еще поколдую, — бормотала она. — А вот ты милоч, на всю жизнь запомнишь, как с женщинами говорить надлежит.

Она пожевала старческими губами и добавила:

— Красафчег.

Черт со мной

— Ну-с, милейший Леонид Александрович,

позвольте полюбопытствовать, чем я могу помочь вам на этот раз? — обычно спрашивал мой старый знакомый, бес Акакий Акакиевич, выпуская струю дыма изо рта. Дым этот не являлся естественной частью процесса дыхания беса. Скорее наоборот. Выдыхаемый им дым был следствием курения дорогой гаванской сигары.

Эту или подобную ей фразу, Акакий Акакиевич произносил всякий раз, когда мы с ним покуривали, удобно расположившись перед красиво убранным обеденным столом. На столе, впрочем, к этому времени уже ничего не оставалось кроме кофе, пузатой бутылки, и двух, тоже пузатых, бокалов, на дне которых загадочно преломляла свет золотистая жидкость, привезенная из Франции.

По традиции, каждая наша встреча начиналась с обеда. Я бы даже сказал с очень хорошего обеда, после которого мы приобретали этакую дополнительную душевную расположенность друг к другу. По

той же традиции, за обедом мы говорили лишь о пустяках, способствующих пищеварению или обменивались новостями. К делу переходили только за кофе. С тех пор, как я обнаружил, что Акакий Акакиевич является отчаянным гурманом, никаких проблем с выполнением моих желаний не возникало.

История о том, как я сумел вызвать беса, заслуживает отдельного внимания. Возможно, когда-нибудь я и открою свой секрет. Здесь же я только упомяну, что это оказалось достаточно просто, и даже как-то буднично. Появление беса в моей квартире происходило без каких либо внешних потрясений, и не вызывало никаких подозрений у соседей.

Стол, который я накрыл, приложив неимоверные усилия, к первому визиту моего гостя, конечно же сильно отличался от тех, за которыми мы с удовольствием сживали впоследствии. Накрыть приличный стол оказалось одним из сложнейших этапов подготовки к вызову беса. Это уже потом мы с ним пристрастились к сигарам и

французскому коньячку. В первый раз все было значительно скромнее, но от души. Мои усилия были оценены по-достоинству. В первый же вечер нашего знакомства у нас произошел следующий, довольно любопытный разговор.

– Я признаться, чувствую себя несколько обязанным вам, Леонид Александрович, за ваш теплый прием. Да и традициями пренебрегать не следует. Традиции, они ох какую силу имеют. В общем, дорогой мой друг, я готов исполнить ваше желание. Однако, хочу сразу вам кое-что пояснить. Мои возможности здесь довольно ограничены. Мы, потусторонние существа, не имеем власти над материальными предметами, поскольку они чужды нашему миру. Так что построить вам дворец, или скажем, подарить вам новую машину я, признаться, не смогу, при всем моем желании.

Я несколько поник.

– Откровенно говоря, я надеялся на что-то в этом роде. Но если нельзя, то конечно...

– Не стоит отчаиваться. Я тут придумал один трюк, который вам сможет очень пригодиться, милейший друг мой. Так что не печальтесь, а скажите мне лучше вот что. Я подозреваю, что имеются люди, от которых, в некотором роде, зависит ваше благополучие. Вот, к примеру, ваша машина. Почему вы ее не приведете в порядок?

Этот вопрос затронул мою самую, на тот момент, болезную тему. Мой старенький "Москвич" действительно нуждался как минимум в капитальном ремонте. На автосервисе, после двух неудачных попыток реанимировать мой драндулет, я удостоился персонального внимания директора, который велел больше не пускать меня, что бы попусту не занимать производственные мощности. Местный умелец дядя Коля, посмотрев ее, задумчиво произнес: "Если бы это была лошадь, то я бы ее пристрелил".

Так что ездил я на одном энтузиазме.

– Итак, давайте все же попробуем починить вашу машину, – выслушав меня

сказал Акакий Акакиевич.

— Но, позвольте, — попытался возразить я, — ведь вы только что сказали, что материальные...

— А я и не собираюсь сам ее ремонтировать. Как вы себе это представляете? Что я сейчас, в парадном сюртуке, полезу под кузов и буду закручивать гайки? Я ведь бес, все же, не забывайте этого, милейший. У меня для этого найдется пара другая моих бесовских штучек.

Он пристально посмотрел на меня и сказал:

— Если не ошибаюсь, директора автосервиса зовут... — Тут он выдал не только имя, фамилию и адрес работы директора, но и такие подробности его личной жизни, о которых не догадывались ни жена, ни друзья, ни даже работники прокуратуры.

— Так вы, друг мой, здесь посидите немного в одиночестве, сигарку, что-ли покурите, а я ненадолго наведуясь к нашему общему знакомому и поговорю с ним. Уверен,

что после этой беседы, на автосервисе вас будут ждать с распростертыми объятиями.

– Постойте, вы что же, собираетесь его шантажировать от моего имени?

– Успокойтесь, пожалуйста, Леонид Александрович, никаких нарушений закона, что вы. Я просто, как бы это лучше объяснить?

– Бес замолчал, и его взгляд скользнул по книжной полке. Он усмехнулся и продолжил.

– Я просто сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

С этими словами бес растворился в воздухе. Я остался в комнате один. Проследив взгляд исчезнувшего беса, я тупо уставился на книжную полку. Точнее на книгу, стоявшую точно посередине. Книга называлась "Крестный отец".

С тех пор прошло несколько месяцев. Милейший Акакий Акакиевич и в самом деле не подвел. На следующий день после нашей встречи я поехал в автосервис. Там меня уже ждали. Мою старушку перебрали буквально по

винтику. Практически, в ней заменили все, что можно было заменить. Поставили новый мотор. В тот день, кроме меня, на станции не было ни одного клиента – все было брошено на спасение моей старушки. Слегка обалдевший от такого обслуживания, я робко пытался совать трояки и пятерки из своего тощего кошелька. Мастера благодарили, но деньги не брали, приговаривая, что они счастливы услужить мне, и что деньги тут не причем.

Здесь я должен сделать небольшое отступление, и объяснить современному молодому читателю, что мои воспоминания относятся к тому странному времени, когда при повсеместном перевыполнении планов и невиданных темпах роста благосостояния трудящихся, население одной из крупнейших стран мира стремительно скатывалось в нищету. В условиях всеподавляющего дефицита, деньги сами по себе уже не имели особого значения. Определяющим фактором процветания была возможность "достать" что-

либо. А доставать приходилось буквально все. Начиная от комплекта мебели и кончая элементарным батоном вареной колбасы.

В общем жил я в том самом Советском Союзе, в то самое время, когда правящая партия объявила о построении развитого (с ударением на предпоследний слог) социализма. То есть когда уже все разворовали, но делить еще не начали.

И вот в такой обстановке, моя жизнь стала стремительно изменяться к лучшему. После очередного визита Акакия Акакиевича, в соседнем гастрономе меня всегда ждал пакет с самыми диковинными деликатесами. Еще один визит — и мне в дом завезли комплект роскошной импортной мебели.

Я заходил в магазины и меня тут же с приветливой улыбкой заводили в заветную служебку, и буквально уговаривали приобрести (за чисто символическую "гос. цену", заметьте) самые дефицитные шмотки, которые и в закрытые партийные распределители попадали редко. В

театральных кассах меня всегда ждала пара билетов на премьеру или какой-нибудь престижный спектакль.

В общем, не перечесть всех благ, которые добыл мне мой любезный Акакий Акакиевич. Мой быт был обустроен на самом высоком уровне, абсолютно недоступном для простого служащего, которым я был прежде.

 Моя жизнь изменилась. Оставив далеко позади себя весь советский народ, я стремительно приближался к своему персональному, собственноручно построенному, коммунизму.

Между тем, наши отношения с бесом тоже несколько изменились. Теперь, если несколько дней я не вызывал его, то он неожиданно появлялся сам, мотивируя тем, что мол "соскучился по любезному другу". Тут уж мне приходилось срочно, бросив все дела, накрывать на стол и ублажать неожиданного визитера. Со временем, вкусы моего гостя стали меняться. Он все меньше интересовался едой, несмотря на то, что у меня, благодаря его

стараниям, теперь была возможность готовить самое изысканное угощение. Зато к выпивке мой гость стал относиться с большим вниманием. Если в начале нашего знакомства, мы выпивали с ним две – три рюмки водки, так, для аппетита, и под обильную вкусную закуску, то теперь одной бутылкой дело уже не ограничивалось. Не раз мне приходилось выскакивать ночью из квартиры, бежать к ближайшему магазинчику и покупать там у сторожа бутылку а то и две. Благо сторож тоже был обработан Акакием Акакиевичем.

Признаюсь, была в этом и моя вина. Разбаловавшись легкостью, с которой решались все мои насущные проблемы, я беззастенчиво требовал у беса все новых и новых услуг. Так случилось и в тот роковой вечер. У меня испортился кран в ванной, и я к своему удивлению обнаружил, что наш сантехник до сих пор остался не охваченным заботой Акакия Акакиевича. Вместо того, чтобы просто сделать заявку в ЖЭКе, дожидаться мастера, сунуть ему трояк и

получить новый кран, я в очередной раз вызвал своего беса. Перед вызовом я, понятно, накрыл на стол. Из свежайшей молодой баранины и, неизвестно как попавшей в середине зимы в Москву, настоящей грузинской зелени я приготовил чудесную бастурму.

Появившийся Акакий Акакиевич не высказывал особой радости от визита. Однако, разглядев на столе большую бутылку водки, он заметно оживился. Потирая руки, он немедленно уселся за стол, откупорил бутылку и разлил по рюмкам.

– Ну, что же любезнейший, с приездом! – сказал он и отправил в рот содержимое рюмки.

Мне ничего не оставалось как присоединиться. Затем я попытался закусить. Акакий Акакиевич в последнее время ел мало. Вот и сейчас, он положил себе на тарелку только небольшой ломтик ветчины. И тотчас разлил по второй.

– Ну ну, милейший Леонид

Александрович, как говорится, между первой и второй...

Мы выпили по второй. Я попробовал все же закусить, так как чувствовал уже некоторое воздействие алкоголя. Акакий Акакиевич же нацепил на вилку свой кусок ветчины, поднял его к глазам, внимательно рассмотрел, и удовлетворенно кивнув, положил обратно. Затем налил снова.

– Давайте, давайте, друг мой, что мы, право, только время теряем!

С этими словами он опрокинул в себя водку. При этом внимательно проследил за тем, что бы я выпил тоже. Осмотрел свою ветчину и налил по новой. Так продолжалось довольно долго. Опустела бутылка, близилась к концу вторая. В начале я еще помнил, что надо бы закусывать, но не успевал за предложенным темпом, а потом и вовсе махнул рукой.

Мне потихоньку стало становиться хорошо. Пожалуй слишком, подозрительно, хорошо. В какой-то момент, в затуманенном

уже сознании проснулся хозяйский долг и я решил угостить гостя приготовленной к его приходу бастурмой.

— А вот я сейчас подам вам барстр... брастр... баррстру...— попытался выговорить я, с удивлением обнаруживая, что мой язык не в силах прорваться сквозь непривычное сочетание звонких согласных. — Я гррю барррастрр...

Акакий Акакиевич с ехидной улыбкой попытался помочь мне. — Барракуду? Баррикаду?

— Да нет же брар-струр-му. А черт с ней, гррячее щас подам.

Тут мой гость развеселился окончательно. Как ты сказал ? — переспросил он, — Черт с ней, с бастурмой? Ая, яя, яя, милый мой, как тебе не стыдно, — проговорил он отсмеявшись, утерев слезы, и высморкавшись в кисточку на кончике хвоста. — Черт то ведь не с ней, черт с тобой! Вот он я. Здесь сижу!

Возникла пауза. Гость уже больше не смеялся, да и у меня почему-то, пропало все

хорошее настроение. Я внимательно посмотрел на сидящее передо мной существо. Где тот милый балагур и гурман, с которым мы сживали за столом? Где тот изысканно одетый знаток марочных вин и гаванских сигар?

Напротив меня сидел неряшливый бес средних лет, с нездоровым цветом лица, с мешками под глазами и той тоской во взгляде, которую случается видеть у закоренелых алкашей, ждущих открытия винного отдела в универсаме. Только теперь я увидел то, что следовало заметить еще месяц или два назад — мой бес стремительно спивался, и судя по всему, безвозвратно.

Но додумать эту мысль мне не удалось. Бес перегнулся и схватил меня за лацкан пиджака. Притянул к себе и дыша перегаром прямо в лицо сказал,

— Слушай, любезный! Ты что думал, что я буду всю жизнь решать твои дурацкие проблемы? Колбасу ему видите ли краковскую подавай. Бумагу особую в сортир!

– Так что слушай, – продолжал бес, –
Помнишь, ты все интересовался как это я
людей убеждаю что бы тебе прислуживали за
просто так? Так вот ты сейчас это унаешь

Бес отпустил меня и я упал обратно на
стул. Передо мной вдруг возникло видение. Я
не могу, я не решаюсь описать тот ужас,
который я почувствовал. Я никогда не
представлял, что мне может быть так плохо и
так страшно. Не буду даже упоминать о том,
что я увидел и почувствовал. Скажу только, что
длилось это целую вечность.

Когда я наконец пришел в себя, я знал
только одно. Что бы не случилось, как бы не
сложилось мое будущее, я сделаю все, только
чтобы избежать повторения этого кошмара. Я
твердо знал, что повторно этот ужас я не
переживу.

– А теперь слушай меня и запоминай,
любезнейший мой Леонид Александрович, –
усмехнувшись сказал бес. – Я некоторым
образом пристрастился к вашей водочке, а у
нас сам понимаешь, с этим делом плохо.

Поэтому, я буду приходить к тебе каждый день, и каждый день меня будет ждать накрытый стол. Насчет закуски особо не беспокойся, но чтобы выпить было всегда. Понял? И черт с тобой.

Да, понял я, теперь черт всегда будет со мной.

Моя жизнь вновь изменилась. На этот раз к худшему. Это была расплата за безрассудное желание "достать" себе кусочек материального благополучия, так высоко ценившегося в те времена. Я мог существовать только благодаря налаженным прежде связям, поскольку большую часть времени я проводил за столом с Акакием Акакиевичем. Как и всякий пьяница он не мог пить один, и заставлял меня сидеть с ним. К счастью, он быстро переставал замечать, что я не пью, однако высиживать то время пока он не заснет мне приходилось постоянно. После этого, я отсылал бесчувственное тело обратно.

Понятно, что никого из знакомых, в эту

ситуацию я посвятить не мог. Тем более попросить о помощи. Но и бесконечно так продолжаться не могло. Я лихорадочно пытался найти выход из ловушки.

А между тем, мой бес явно приобретал силу. Он и внешне стал изменяться. Если раньше мы были с ним примерно одного роста, то теперь он с каждым днем вырастал на несколько сантиметров, и прекратил расти, видимо, только из соображения, что не сможет поместиться за столом. От одного его вида мне становилось очень страшно. Видимо так он влиял не только на меня, потому что продавцы соседних магазинов, понимая мою загруженность, сами стали приносить мне домой продукты и прочий дефицит. Который, впрочем, уже не доставлял мне радости.

Необходимо было найти слабое место у моего беса. И тогда я решил разговорить беса и попытаться найти его уязвимое место. Я снова поддерживал наши застольные беседы. Причем, чтобы не вызвать подозрений, для начала стал расспрашивать подробности о его

жизни там, и потустороннем мире.

А у пьяного какие могут быть разговоры? После очередной рюмки он начинал жаловаться на подлеца столоначальника, который прижимает его, не дает ни повышения по службе, ни доходного места, где можно самому "подсуетиться в плане благодарности от посетителей". Поскольку все вечера после работы мой бес проводил здесь, а домой возвращался в совершенно непотребном состоянии, то дома у него начались скандалы. Позже, его жена забрала детей и ушла к маме. "К своей чертовой матери" как образно выразился бес.

При всем страхе, который мне внушал Акакий Акакиевич, и при естественном отвращении к пьянице, который не только пьет за ваш счет, но и тратит ваше же время, во мне проснулось новое чувство. Я понял, что мне жалко беднягу. Он ведь сам не понимает, куда он катится, — думал я. А ведь ему плохо, очень плохо. Жена уже ушла, скоро с работы наверное выгонят. И останется у него только

одно – приходить ко мне по вечерам, да пить горькую.

Я больше не вздрагивал при его появлении. Я снова, как и прежде, накрывал красивый стол с хорошим угощением и все время просил Акакия Акакиевича поменьше пить или хотя бы закусывать плотнее. Готовил ему его любимые блюда.

Результат оказался неожиданным. Акакий Акакиевич вдруг стал уменьшаться. За несколько дней, он снова стал ростом с меня и продолжал стремительно терять в размерах. Беспокоясь за него, я спросил, что с ним происходит.

– Акакий Акакиевич, дорогой, простите, что вмешиваюсь в ваши личные дела, но меня очень беспокоит ваше здоровье. Мне кажется, что в последнее время вы э-э-э в некотором роде стали уменьшаться в размерах.

– Можно подумать, что ты не догадываешься, что происходит, хитрый и подлый человек.

Слово "человек" прозвучало, как у нас

слово "черт".

— Ты давно уже все понял сам и теперь хочешь довести меня до конца.

— Поверьте мне, Акакий Акакиевич, друг мой! — я почему то вспомнил, как обращался к нему при первых наших встречах. — Я очень переживаю за вас, мне очень жаль вас...

— Вот именно жаль. Прикидывается, что ничего не понимает! А сам меня ЖАЛЕЕТ! Ты пойми, глупая твоя голова, что я только отражение твоего эмоционального отношения ко мне. Когда ты меня вызвал в первый раз, ты относился ко мне как к равному. И получил приятного гостя и интеллигентного собеседника. Такой с удовольствием может исполнить просьбу, другую.

Пьяного, усталого Акакия понесло.

— А потом ты зарвался. Перестал просить и начал приказывать. И я из доброго приятеля превратился в лакея. Я выполнял все указания, как и положено лакею. И как положено лакею, затаил злобу и стал ждать возможности отыграться, отомстить своему хозяину.

Возможность эту ты предоставил мне сам, помянув в моем присутствии черта. Я ведь предупреждал тебя, что традиции имеют великую силу.

— А теперь ты меня вычислил, — продолжал всхлипывая, бедняга. — Ты начал меня жалеть, а это самое унижительное для меня чувство. Когда ты меня боялся, я был в силе; если бы ты теперь на меня сердился или обижался за испорченную жизнь, я бы этими эмоциями тоже подпитывался и протянул бы еще очень долго. Ан нет, тебя угораздило пожалеть меня. Теперь мне осталось совсем недолго. Я уже и домой вернуться не смогу, у тебя здесь так и уменьшусь до ничего.

Я понял, что мой друг не заслуживает такого унижительного, во всех смыслах, конца. И попробовал хоть чуть-чуть рассердиться на него. Но жалость к стремительно уменьшающемуся бесу превысила.

Несчастный Акакий Акакиевич, тихонько подвывая какую то потустороннюю похоронную мелодию, уменьшился сначала до

метра, потом до пятидесяти сантиметров. Я взял его на руки и поставил на стол. И вот уже всего 20 сантиметров, 10, 5...

И тут я понял, что наконец избавился от кошмара, в котором жил последние месяцы. Как проснувшись, после дурного сна, и поняв что этого был только сон и теперь все будет хорошо, я мысленно отряхнулся и увидел мир новыми глазами. Меня разобрал смех. Я смеялся долго, смеялся с упоением, смывая с души остатки всей этой нелепости, которая приключилась со мной.

Когда я отсмеялся, я увидел на столе своего беса. Ростом он был по прежнему не более пяти сантиметров, однако больше не уменьшался. Он сидел на скатерти подвернув под себя по-турецки ноги. В руках он держал колбасную корочку и с видимым удовольствием ее обгладывал. Увидев, что я его наконец заметил, он помахал мне рукой и радостно засмеялся в ответ.

— Живем, дружище! — еле слышно пропищал он.

С тех пор бес так и живет у меня. Я устроил его очень удобно. Его коробочка стоит на подоконнике, так что он может наблюдать за тем, что происходит во дворе. А с другой стороны у него телевизор. Не могу же я лишить беднягу последнего удовольствия.

Моя жизнь вернулась в прежнюю колею. В магазинах меня перестали узнавать и снова стали обвешивать и обсчитывать. Но я не переживаю из-за этого. Я снова вернулся в нормальную привычную жизнь.

Вот только Акакия Акакиевича жалко...

Вопрос традиции

Я сидел в баре космопорта, потягивал пиво и в полглаза следил за телевизором. На экране кандидат в президенты втолковывал что-то своим слушателям. Предвыборную кампанию молодой политик строил на двух китах. Первый из которых – личное обаяние – уже сам по себе неотразимый аргумент. Вторым пунктом провозглашалось всемерное поддержание существующих и возрождение забытых народных традиций.

Вот и теперь он развивал эту тему. Сквозь шум стоящий в баре я расслышал что-то о том, как народ, возродивший свои традиции, уверенной поступью двинется...

Куда именно двинется наш народ – я не узнал. Звук телевизора заглушил смехок моего соседа по стойке. Я успел разглядеть его еще когда тот садился и заказывал пиво. Одет он был в старую потрепанную форму лейтенанта межзвездного флота. Форма была устаревшего

образца, мятая и с заплатами. Да и ее обладатель был такой же помятый жизнью человек, не первой молодости.

– Традиции. Возрождение традиций. Фу, аж противно! Что он понимает в традициях, этот болтун! Насколько мир стал бы лучше, не будь вообще этих проклятых традиций.

Я почему-то почувствовал к говорившему неприязнь. Не потому, что сам был полностью согласен с кандидатом в президенты, нет, я считал его болтовню очередной предвыборной демагогией. Скорее всего, это было просто естественное раздражение человека, которому помешали спокойно пить свое пиво перед телевизором.

Поэтому я обернулся к говорившему и нарочито спокойно спросил:

– Вы видимо большой знаток в этом вопросе, раз считаете, что традиции не нужны. Что же вы предлагаете – взять и отменить все традиции вообще?

Сидевший рядом пристально поглядел на меня, отпил пива из своей кружки и медленно

поставил ее на место.

– Да как вам сказать, – протянул он. – Традиция традиции рознь.

– Не знаете, так и не говорите, – я почему-то начал заводиться. – Я еще никогда не слышал, чтобы кому-то помешала добрая старая традиция.

– В самом деле? – Мой сосед иронически взглянул на меня. – Вы уверены, что традиции – это так замечательно?

– Нет, – довольно резко ответил я. – Я лишь сказал, что соблюдение традиций никому еще не принесло вреда.

Сосед задумчиво отпил из своей кружки.

– Ну, это вы так считаете.

Меня окончательно разозлило его высокомерие.

– Вот что, любезный. Или вы сейчас же аргументируете свое заявление, или вам придется перебраться куда-нибудь подальше от меня, желательно в другой бар.

Я человек по натуре незлобивый, но когда что-то не по мне, от драки не прячусь. И

пристально поглядел на своего соседа, чтобы взглядом донести до него эту мысль.

Тот с сомнением оглядел мою внушительную фигуру, затем произнес:

– Хорошо, я расскажу вам одну историю. А об остальном судите сами. Договорились? Тогда слушайте.

На третий месяц полета в неисследованной области галактики, разведывательный корабль Поиск-18 обнаружил планету земного типа. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что планета населена гуманоидами похожими на людей. Уровень развития местной цивилизации был близок к земному и даже опережал, по крайней мере в техническом отношении. Удивительно, что они еще не вступали в контакт с другими цивилизациями.

Подобные планеты в галактике большая редкость. Результатов у такой находки может быть всего два: либо новый дружественный член Организации Объединенных Планет, либо – галактическая война. Третьего не дано. Все зависит от того, насколько удачно

пройдет первый контакт. В принципе, статистика благосклонна к первому варианту. К тому времени уже более двадцати гуманоидных цивилизаций входили в состав ООП. Однако, за то же время Земля пережила две галактические войны.

Один к десяти совсем не плохие шансы, но только не в случае, когда на кон поставлена галактическая война. А учитывая уровень развития науки и промышленности открытой планеты, военный конфликт с ней не сулил Земле ничего хорошего.

Контакт установили без больших проблем. Единое правительство планеты согласилось провести переговоры. Лингвисты обеих сторон, повозившись, настроили свои электронные переводчики, и официальные представители планет начали переговоры. Планету представлял президент, господин Ки-Ру.

От Земли выступал капитан Поиска-18 Джеймс Хиггинс. Это был поседевший на службе космический волк, типичный пример

старой английской военно-морской школы, чьи чопорные традиции успешно перекочевали в межзвездный флот. Всегда подтянутый и собранный, не дающий воли эмоциям, джентльмен старого, полузабытого образца. Над ним добродушно подшучивали, однако никогда не оспаривали его превосходных деловых качеств. Капитан первого ранга Джеймс Хиггинс считался образцовым служакой. Никто не сомневался, что через несколько лет его ждет чин адмирала.

Предварительные переговоры по телеканалу прошли гладко. Можно сказать просто блестяще. Не оставалось сомнений, что обе стороны заинтересованы в установлении дружеских отношений.

Окрыленный успехом капитан пригласил президента Ки-Ру посетить корабль землян с официальным визитом. Визит высокой делегации начался с экскурсии по кораблю. Осмотр не затянулся. Высокие гости быстро потеряли интерес к кораблю, не увидев на нем

ничего для себя нового. Почувствовав это, капитан Хиггинс пригласил всех отобедать.

Президент и сопровождавшие его высокие чины вошли в кают-компанию и нерешительно остановились. Они в замешательстве топтались на пороге, недоуменно глядя на ожидавший их роскошно сервированный стол.

Не обращая внимания на смущения гостей, капитан лично усадил каждого на предназначенное для него место, а сам расположился во главе стола. Офицеры расселись на свободные места.

Капитан встал и поднял бокал с вином.

— За дружбу между нашими народами! — провозгласил он тост.

— Виват! — подхватили офицеры.

Однако ответной реакции не последовало. Президент Ки-Ру удивленно смотрел на капитана и офицеров, уже успевших поднести ко рту свои бокалы.

— Простите меня, — осторожно произнес Ки-Ру изменившимся голосом. — Наверное я

вас неправильно понял. Неужели вы собираетесь это пить?

– Разумеется, – с радостным смехом сообщил со своего места жизнерадостный молодой человек в чине младшего лейтенанта. – А потом и закусить. Поверьте, наш повар изумительно готовит. А к вашему приезду он расстарался вовсю.

Звали лейтенанта Михаил Бутятин, и его имя еще не раз встретится нам в этой истории. Улыбаясь во весь рот, Миша отсалютовал рюмкой сидевшему напротив президенту и, по-гусарски, лихо опрокинул содержимое в рот.

Президент и его окружение издали непроизвольный вздох. Они как замороженные следили за действиями землянина, впав в коматозное состояние, и замерли не в силах пошевелиться.

Все насторожились. Лишь Мишка Бутятин, простецкая душа, не замечал ничего, кроме классной выпивки и обильной закуски. Он невозмутимо вернул на место пустую рюмку и

с аппетитом принялся наворачивать лежавшую перед ним отбивную.

Внезапно президент пришел в себя. Оцепенение, с которым он наблюдал за происходящим, слетело с него. Вместо интеллигентного, улыбающегося, и во всех отношениях приятного гостя, перед землянами предстал трясущийся от ярости инопланетянин. Ничего дружеского в его взгляде не осталось.

Срывающимся от гнева голосом он проревел что-то на своем языке. Электронный переводчик лишь жалобно пискнул, не решившись дословно перевести заковыристые ругательства, посыпавшиеся из уст высокого гостя.

Президент резко поднялся из-за стола. Ногой, не глядя, отбросил к стене упавший стул. В нескольких словах Ки-Ру объявил, что его визит окончен, и он требует незамедлительно проводить его к причальному шлюзу.

До самого шлюза, куда делегация гостей

отправилась едва ли не бегом, президент молчал. И только заняв место в президентском шатле, он процедил сквозь зубы:

– Подобное оскорбление можно смыть только кровью. Поскольку оно было нанесено мне во время официального визита, то считаю это оскорблением всему нашему народу. В течении следующих суток я сообщу вам свое решение. А пока ваш корабль арестован. Вы должны оставаться на орбите планеты и не предпринимать никаких маневров до моих дальнейших распоряжений.

Люк захлопнулся, президентский челнок с максимальным ускорением отошел от Поиска, и отправился вниз, на планету. Капитан с офицерами озадаченно смотрели ему вслед.

Через пару часов с планеты поднялись восемь военных крейсеров и заняли позиции на расстоянии прямой видимости от Поиска. Каждый из крейсеров по огневой мощи превосходил солидно вооруженный Поиск в несколько раз. Радары показали, что на более низкой орбите находится еще два десятка

боевых кораблей. На вызовы капитана президент не отвечал. Другие официальные лица также хранили молчание.

Капитан заперся в своей каюте и принялся расхаживать по ней взад и вперед. Каждый раз останавливаясь перед стеной, он с трудом подавлял в себе желание начать биться об нее головой.

Перспектива третьей галактической войны с каждой минутой становилась все более реальной. Но раздражало капитана прежде всего то, что он развязал войну так и не узнав ни причины, ни повода к оскорблению. Одно дело, когда ведешь в бой солдат с криком "вперед ребята, эти мерзавцы хотели отобрать у нас колонию на Альдебаране!". И совсем другое, когда на вопрос, а из-за чего в общем-то воюем, ему останется лишь недоуменно развести руками.

Капитан подошел к интеркому и вызвал радиорубку. Выяснилось, что хотя все официальные линии связи с планетой заблокированы, осталась действовать

служебная линия лингвистической службы. После того, как специалисты разобрались со структурами языков, и запрограммировали электронные переводчики, ею практически не пользовались. И, видимо, про нее забыли, когда отключали связь с кораблем.

Джеймс Хиггинс удовлетворенно кивнул. Он вызвал лингвиста и попросил связаться со своими коллегами на планете. Именно попросил, а не приказал – капитан Хиггинс знал, как следует обращаться с подчиненными в критической ситуации.

– Ты сейчас единственный, кто может нас спасти, – сказал ему капитан. – Вызови кого-нибудь из своих коллег там, внизу. Подчеркни, что это чисто технический разговор. Попроси консультацию по какому-нибудь пустяковому вопросу. А потом ненавязчиво попробуй завязать дружескую беседу и выясни, на что именно обиделись эти идиоты.

К концу вторых суток совершенно изможденный лингвист ворвался в каюту капитана с радостным воплем «я все

выяснил!». Капитан предложил лингвисту сесть и подробно все рассказать. Но тот, перевозбужденный двухдневным бодрствованием на одном кофе и стимуляторах, продолжал стоять, не замечая предложенного ему кресла.

– Капитан, вы не поверите. У них считается неприличным принимать пищу в присутствии посторонних. Эта многовековая традиция, уж не знаю с чем она связана. Но соблюдают ее все. Они едят в полном одиночестве в маленьких запертых комнатах. Предложение поесть в компании других считается оскорблением. А человек, который в присутствии другого съел или выпил что-нибудь, выказывает ему таким образом крайнюю степень презрения. Такие люди обычно становятся смертельными врагами.

Лингвист устало закрыл глаза.

– Мне понадобилось двое суток, чтобы растолковать им, что у нас другие традиции, – пробормотал он. – Президент уже в курсе, он согласился поговорить с вами по старому

каналу свя...

Не договорив, лингвист уснул. Капитан едва успел подхватить обмякшее тело и уложить его на своем диване. Потом капитан проверил застегнуты ли все пуговицы на форменном кителе, одернул невидимые морщины на брюках и вышел из каюты.

Через час капитан стоял в кают-компании в окружении офицеров корабля.

— Таким образом, господа, у нас появилась реальная возможность исправить ситуацию. Президент Ки-Ру выслушал мои извинения. Он готов забыть нашу неумышленную ошибку, если мы докажем искренность и дружественность своих намерений. Мне предложено прибыть на планету, для проведения официальной церемонии примирения.

Капитан помолчал.

— Я не знаю, что из себя представляет эта чертова церемония, но Президент придает ей чрезвычайно большое значение. Мне ясно дали понять, что я должен провести ее по всем

правилам. Второй оплошности нам не простят.

Капитан обвел глазами своих офицеров. Их подтянутый аккуратный вид внушал уверенность. Все, как один, были готовы на подвиг.

После минутного раздумья капитан сказал:
– Со мной отправится младший лейтенант Бутятин.

Мишка сделал шаг вперед и испуганно застыл по стойке смирно.

– Вы правильно меня поняли, младший лейтенант, – произнес капитан с еле сдерживаемой яростью. – Ваш поступок по понятиям местных жителей расценивается как смертельное оскорбление. Если бы не ваша торопливость, возможно, мы сумели бы избежать конфликта. Теперь вы отправитесь со мной и будете участвовать в этой чертовой церемонии примирения. И если они потребуют ваш скальп, я самолично сниму его.

Офицеры выдохнули тщательно сдерживаемый воздух. Подвиг подвигом, но

козлом отпущения никому становиться не хотелось.

Президент Ки-Ру встретил землян в большом, абсолютно пустом зале. Красиво разрисованные стены со множеством висевших на них дорогих украшений показывали, что мебель в зале отсутствует никак не в силу бедности его хозяина.

Капитан Хиггинс, чей мозг с момента посадки на планету работал с полной нагрузкой, сразу же обратил на это внимание. Тут должна быть особая причина, отметил он.

Недостаток мебели в комнате компенсировался толпой инопланетян. У некоторых в руках находились аппараты, в которых Хиггинс узнал местные аналоги теле- и фотокамер. Ну да, вспомнил капитан, Ки-Ру предупредил, что церемония будет транслироваться на всю планету.

По команде президента, его свита отошла к дальней стене. Оставшись один, президент аккуратно снял с себя всю одежду. Он развел в сторону руки и медленно повернулся,

показывая себя со всех сторон. Толстое тело пожилого президента со свисавшими складками жира не производило большого эстетического впечатления.

Его действия сопровождались одобрителным шепотом окружающих. Корреспонденты усиленно снимали своего голого президента. Наконец Ки-Ру закончил демонстрацию своего тела и приветливо улыбнулся землянам.

Президент сделал приглашающий жест, не оставляющий никаких сомнений – гостям предлагалось произвести ответный сеанс стриптиза.

Черт возьми, подумал капитан. Как все у них просто. Это же очевидно. Для них подобное раздевание аналог нашего рукопожатия. Корни древнего земного жеста приветствия всем известны. Люди протягивают пустую ладонь, демонстрируя, что в ней нет оружия. Местные жители пошли дальше. Не думаю, что они вытворяют такое при ежедневных встречах, но для примирения

после тяжелого оскорбления действительно имеет смысл показать, что ты нигде не прячешь оружие.

Да, все просто и понятно. Только вот на Земле этого делать не принято. Ну нет у нас такой традиции. Никогда не было. А вот традиция стыдливо прятать свое тело в складках одежды, пожалуй, самая старая и почитаемая.

Капитан Хиггинс свято соблюдал требования устава и регламентов по поводу форменной одежды и никогда не нарушал их. Он гордился тем, что за тридцать лет службы ни разу не показался на людях с расстегнутой верхней пуговицей мундира.

Он огляделся. Вокруг стояла толпа корреспондентов с нацеленными на него объективами. Надо было раздеваться.

Хиггинс поднес руку к пресловутой верхней пуговице и застыл в нерешительности. Мысли проносились с пугающей быстротой.

Капитана ничуть не беспокоило то, что за

ним наблюдает целая планета инопланетян. В их глазах он будет выглядеть пусть не героем, но как минимум хорошо воспитанным человеком, уважающим древние традиции.

Однако один из каналов связи передавал происходящее на земной корабль. Это будет не просто удар по самолюбию. После такой истории о капитанской должности и дальнейшей карьере во флоте придется забыть навсегда.

Собственную гордость брать в расчет не приходилось. Капитан был готов к чему-то подобному, когда отправлялся на встречу с президентом. Слишком многое сейчас зависело от его действий, чтобы думать о личной карьере. Он разденется и выполнит все, что от него потребуют. Сейчас главное — подписать дружественный договор.

Потом он вернется на корабль и запрется в своей каюте. Старший помощник сумеет самостоятельно довести корабль обратно к Земле. А бывший капитан Джеймс Хиггинс проведет остаток дней в своем поместье на

Земле, нигде не появляясь и ни с кем не встречаясь. Он станет жить отшельником, утешаясь мыслями о выполненном долге и воспоминаниями о том, как предотвратил третью галактическую войну. Он выполнит свой долг, а затем уйдет с гордо поднятой головой.

И все же что-то останавливало его. Какая-то мысль тревожно билась в черепе, грозя расколоть его пополам. Нельзя, ни в коем случае нельзя раздеваться перед ними! Это предупреждение колоколом гремело в его мозгу. Нельзя раздеваться! Нельзя!

Но почему? Здесь уже не личные амбиции, капитан перешагнул через них. Черт, ему плевать, что команда увидит его голым. Он даже готов сплясать джигу, если это поможет уладить возникший конфликт. Тогда что же?

И капитан понял. Сформировавшаяся мысль привела его в отчаяние. Все пропало, сказал он себе. Что бы я ни делал, войны не избежать.

Капитан представил себе, как Поиск-18

вернется на Землю. Все материалы по установлению контакта будут переданы в главный штаб. В воспаленном мозгу Хиггинса ясно возникла картина, на которой чопорные члены генерального штаба с недоумением наблюдают, как капитан первого ранга Джеймс Хиггинс раздевается перед инопланетянами.

Он с ужасом понял, что адмиралы, сидя там, на далекой и безопасной Земле, никогда не поймут причины, заставившие капитана межзвездного флота предстать голышом перед целой планетой. Никакие стратегические соображения или доводы рассудка, никакие объяснения экспертов-психологов не помогут. Капитан Хиггинс слишком хорошо знал людей, руководящих межзвездным флотом Земли. Соблюдению внешней атрибутики во флоте всегда отводилось особое место. А косность и консервативность мышления были едва ли не основным критерием при назначении на высокую руководящую должность. Адмиралы увидят лишь то, что

будет перед их глазами. А именно – капитана межзвездного флота, стоящего голышом в окружении толпы инопланетян.

Капитан Джеймс Хиггинс вздохнул. Война неизбежна. Инопланетяне готовы простить землян, если капитан сейчас разденется. Но этого не простят адмиралы, сидящие в главном штабе. В традиционной церемонии, столь важной для инопланетян, они увидят лишь оскорбление межзвездному флоту и ничего больше. Через месяц после подписания мирного договора на орбите новооткрытой планеты появятся боевые крейсера земного флота. Горящие праведным гневом земляне станут мстить за унижение их капитана.

Они будут по-своему правы. Земной флот никогда не давал в обиду своих солдат.

Капитан почувствовал, как кто-то тронул его за руку.

– Позвольте мне, капитан, – раздался за его спиной голос. – В конце концов, это я лопал отбивную в их присутствии.

Младший лейтенант Бутятин вышел вперед

и сбросил с себя форменную одежду. Молодое тренированное тело офицера выгодно контрастировало с дряблым телом президента. Корреспонденты восторженно закричали и принялись снимать. Совершенно обалдевший от всеобщего внимания Мишка поворачивался направо и налево и даже пытался, как культурист на подиуме, демонстрировать отдельные мускулы.

На этом церемония примирения закончилось. Капитан Хиггинс правильно понял подоплеку древнего ритуала. Раздевшись, бывшие противники продемонстрировали, что не прячут ничего дурного. Вид голого Бутятина полностью убедил инопланетян в чистоте помыслов представителей Земли.

Дальше все было просто. Высокие договаривающиеся стороны, уже полностью одетые, перешли в зал переговоров, где подписали договор о вечной дружбе и сотрудничестве.

Через месяц Джеймс Хиггинс рапортовал

генеральному штабу об удачном контакте. Все закончилось благополучно. Капитан Хиггинс получил адмиральские погоны, и до конца жизни не покидал Землю. Лингвист Поиска-18 был награжден высшей наградой межзвездного флота "Золотое Солнце". Он уволился в отставку с персональной пенсией, и тоже в космос больше не летал.

— Вот и вся история. — Мой собеседник допил пиво и поставил кружку на место.

Уже к середине рассказа я перестал дуться на своего случайного знакомого. А к концу и вовсе попросил бармена принести ему еще кружку за мой счет.

— Нет, нет, — сказал я. — Вы не рассказали самое интересное. Как же сложилась дальнейшая судьба главного героя истории, этого, как его, Бутятина? Ведь по сути дела он является спасителем человечества!

Рассказчик посмотрел куда-то в сторону, помедлил и произнес:

— Я слышал, его наградили орденом Серебряной Кометы.

– Негусто для такого героического поступка. – Я рассмеялся. – Интересно, а какова была формулировка в наградном листе?

– Очень короткая: "За действия, предотвратившие начало галактической войны".

– Что ж! Имея такой послужной список, он, наверное, сделал отличную карьеру?

Мой собеседник вздохнул и поднялся с табурета.

– Видите ли, на флоте есть своя традиция. Там невозможно утаить правду.

Тяжелой шаркающей походкой откровенного неудачника незнакомец направился к выходу. Когда он открывал дверь, луч солнца осветил его сутулую фигуру и отразился от ордена Серебряной Кометы, приколотого к лацкану потрепанной куртки.

Особое космическое

В моем романе "Санитарный инспектор" бармен рассказывает главному герою байку. Всю байку я не пересказывал, лишь упомянул, что в ней фигурировали разведчики дальнего космоса, оживший компьютер и, конечно же, пиво.

Вот эта байка.

Случилось так, что я застрял на неопределенное время в космопорту какой-то захудалой планетки. Здесь мне предстояло пересесть на проходящий грузовик. Он должен был появиться в ближайшие дни. Точнее никто не знал – грузовик не лайнер, и точного расписания не имеет. Ожидание я решил начать в баре.

– Что-нибудь местное, экзотическое? – спросил бармен, когда я взгромоздился на табурет у стойки. Я отрицательно покачал головой. В этих провинциальных космопортах

бармены всегда пытаются всучить приезжим какую-нибудь гадость, под видом местной диковинки. Поэтому, в таких местах, я всегда ограничиваюсь стаканом пива.

– О! – воскликнул бармен – именно это я и имел в виду. "Особое космическое", пожалуйста.

Он нацедил в стакан пива.

– Попробуйте и скажите, как оно вам на вкус.

Я осторожно пригубил. Не хватало еще, подумал я, чтобы пиво, последний оплот командированных, здесь тоже переделали по местным вкусам. Но пиво оказалось неожиданно приличным. Я одобрительно кивнул и вопросительно посмотрел на бармена. Сценарий ближайших двадцати минут просматривался достаточно ясно. Бар в это время дня пуст, бармен очевидно рад почесать язык, и мои свежие уши для него – подарок судьбы.

– Да, – сказал он – пиво отменное. И главное, больше нигде вы такого не

попробуете. Только у нас.

Он замолчал, проверяя, готов ли я выслушать его историю. Мне было все равно, как убить время, поэтому я просто сказал, – Валяйте, что у вас с этим пивом?

Бармен оценивающе осмотрел меня, как бы определяя, какую порцию небылиц я готов проглотить, затем начал свой рассказ.

– Эта история случилась с экипажем одного из картографических кораблей. Они утюжат вакуум на досветовой скорости на границах разведанного космоса, замеряя свойства пространства и составляя карты физических полей. Рутинная работа. По сути, единственная опасность, которая им угрожает – свихнуться от скуки. Спасаются от скуки по-разному. Эти, например, были отчаянными картежниками, любителями преферанса. Но их было трое – это минимальный экипаж для таких кораблей – и один постоянно находился на вахте. А преферанс, должен вам напомнить, требует за столом трех или четырех игроков. Вариант отлынивания от вахты, не проходил.

Компания прекрасно понимала, что одних должностных инструкций не достаточно, чтобы заставить пилотов по 8 часов в день сидеть в рубке, уставившись в экраны. Для контроля за пилотами, скрытая камера вела непрерывную запись. На Земле запись проверяли и нарушителей ждали крупные неприятности. И наша тройка, ежедневно видя друг друга, изнывала от невозможности сесть втроем и расписать заветную пулюку.

Да уж, подумал я. Ситуация не из приятных. Рядом с таким самая изощренная китайская пытка покажется всего лишь детской забавой.

– Простите, я отвлекся. Так как же они выкрутились?

– Когда проектировали корабли для исследования дальнего космоса, все системы корабля продублировали, на случай отказа оборудования. Но на приемной комиссии какой-то энтузиаст спросил – а что будет, если и дублирующий узел откажет? Комиссия пришла в ужас, и потребовала, чтобы все

системы продублировали дважды. С тех пор, на картографических разведчиках стали устанавливать по три одинаковых комплекта оборудования. Правда, иногда раздавались голоса, спрашивающие, а что будет, если и третий экземпляр откажет? Но инженеры пресекли попытки установки четвертого запасного экземпляра, объяснив, что такой корабль, просто не поднимет сам себя. Так вот, кто-то из нашей тройки вспомнил про этот принцип тройного дублирования. Он обратился к корабельному компьютеру с соответствующим вопросом и выяснил, что у того имеется еще два блока, таких же, как он сам. Более того, оказалось, что хотя эти блоки считаются аварийными, никаких ограничений на их использование в обычном полете в компьютере не было. И вот тут парни сделали второй гениальный ход. Они приказали компьютеру включить эти блоки. А уж корабельный компьютер с тройной вычислительной мощностью, способен на значительно большее, чем просто управлять

кораблем, да записывать показания приборов. Тройной корабельный компьютер способен решать задачи высочайшего класса, и в частности, смоделировать на видеозаписи изображение живого человека.

Вы уже поняли, к чему я веду? Теперь у них были развязаны руки. Дежурства в рубке отменялись навсегда. Поумневший в три раза компьютер сам делал все картографические наблюдения, обрабатывал их и записывал результаты. Попутно, он блокировал видеокамеру, и напрямую записывал на пленке сгенерированное изображение пилота, якобы работающего в рубке. А сам пилот в это время блаженствовал в кают-компании, разыгрывая с приятелями бесконечную партию в любимый преферанс. Однако я заболтался. Вы неправильно пьете это пиво. Одной кружки тут явно недостаточно, чтобы оценить его вкус.

Я послушно допил свое пиво, и вопросительно посмотрел на бармена. Было очевидно, что это еще не конец. Бармен

придвинул мне вторую кружку.

— Да, так вот, это только начало моей поучительной истории. К сожалению, конец у нее не такой забавный. Бортовой компьютер, получив два дополнительных блока, не просто поумнел. Он приобрел личность. Возможно, сказались какие-то специфические свойства пространства вокруг корабля, они ведь черт знает, где летали. Но факт, что компьютер через некоторое время тоже заскучал. И, главное, ему стало обидно, что он все время работает, а люди бездельничают. И он попросил принять его четвертым в игру. Если вам приходилось несколько месяцев подряд играть в преферанс в одной и той же компании, то вы поймете, как команда обрадовалась новому игроку. К тому же, в игре вдвоем, позволю себе заметить, есть какая-то незавершенность. В общем, парни приняли компьютер четвертым. С условием, что он будет продолжать делать за них всю работу.

И началась игра. Бедолаги не подозревали, что значит, играть с таким мощным

искусственным интеллектом. Компьютер просчитывал вероятность каждой сдачи, каждого расклада. Он всегда играл оптимальный, с точки зрения теории вероятностей, вариант, что при большом числе игр давало постоянный выигрыш. Накопив информацию, компьютер, через пару недель, мог предугадать действия каждого из игроков. В общем, парни проиграли всю зарплату на полгода вперед. Началась перепалка с компьютером – мол, зачем тебе деньги, поразвлеклись и ладно. Скажи спасибо, что по-человечески отнеслись к тебе. И тут этот электронный подонок заявляет, что если ему немедленно не выплатят его выигрыш, то он сообщит в компанию об их безделье. Парни пошли в отказ – ну и закладывай, лучше вернем деньги компании, чем тебе, железяка противная.

Тогда компьютер предложил свой план. Они возвращаются в обжитый космос, на орбите ближайшей населенной планеты команда сооружает небольшой пивной

заводик и там работает. Пиво продают вниз, на планету, а вырученные деньги идут компьютеру, в счет погашения долга. Когда все деньги будут собраны, компьютер на них покупает себе дополнительные мозги и периферию, перестраивает корабль, и улетает в дальний космос, искать приключений. Команда, разумеется, высаживается на планете.

Я поперхнулся пивом, и бармен, выскочив из-за стойки, принялся колотить меня кулаком по спине. Откашлявшись, я переспросил его,
– Как пивной заводик?

– А что, такого? – Бармен вернулся за стойку и продолжил: – У них же там запчастей еще на два космических корабля. Из такого количества один пивной заводик построить – ерундовая задача. Да. Вот оно, это то самое пиво и есть. Вы, наверное, обратили внимание, на привкус, он особенный, никакое другое пиво такого не имеет. Видимо потому, что делали его на орбите, в невесомости. А может быть, космические лучи влияют. Да,

должен добавить, что вам повезло. Они уже выполнили свой договор и улетели. У меня осталась последняя бочка.

Я откашлялся, и отпил еще пива.

– Ну что ж, дружище, порадовали вы меня, байка получилась знатная. Но все же, у вас не сошлись концы с концами. Я готов поверить в этот летающий склад запчастей, в поумневший и оживший компьютер и даже в пивной заводик на орбите. Но я никогда не поверю, что компьютер обыграл троих завзятых преферансистов. Когда они обнаружили, что проигрывают, то наверняка стали бы подыгрывать друг другу. И выиграть в такой ситуации не сможет никакой супермозг. Вот мое мнение о вашей байке.

Бармен невозмутимо взял стакан и начал его протирать. Выдержав паузу, достойную великой актрисы Джулии Ламберт, он ответил:

– Вы забыли про камеру наблюдения, которой управлял компьютер. Он просто подглядывал к ним в карты.

Дело о пропавших специалистах

Космодром оказался слишком хилым и потрепанным для обещанных пяти звездочек. На невысоком, приземистом здании космовокзала горели непропорционально большие буквы приветствия: "Добро пожаловать на Демокритию – планету продвинутой демократии и развитой экономики!". Повсюду красовались лозунги, призывавшие к производительному труду и продвижению демократии. Приглядевшись, можно было заметить, что щиты с лозунгами прикрывали ржавеющую старую технику и дыры в бетонном покрытии, из которых торчали обломки труб и куски кабеля.

Автоматический лоцман объявил о благополучном завершении маневра посадки, и объявил, что экипажу запрещается покидать

корабль,

– К вам направляются представители администрации космопорта. С ними вы решите все вопросы, связанные с оформлением вашего прибытия на нашу планету.

Андрей выглянул в иллюминатор. К кораблю приближалось немыслимое транспортное средство, переоборудованное из старого пассажирского трапа. В средстве сидело полдюжины мужчин в одинаковых строгих костюмах, белых рубашках и галстуках. Галстуки были разные.

Делегация в полном составе поднялась на борт и вошла в рубку.

– Рады приветствовать вас на Демокритии, планете продвинутой демократии и развитой экономики! – сообщил самый толстый из группы делегатов, – позвольте представиться, потомственный министр взлетной полосы Баричелли-XXII. А это мои коллеги: потомственный министр Синг-XVI, потомственный министр Петерсон-XII и

потомственный министр Рабинович-П.

– А что у это вас такой маленький номер?
– автоматически спросил, слегка обалдевший от неожиданных титулов, Андрей.

– Простите, – ответил самый младший из делегатов, – наше министерство недостаточно древнее. Я получил портфель в наследство от своего отца всего год назад. Однако, я уже не назначенный, а настоящий потомственный министр, – подняв голову, гордо сообщил он.

– Ну что же, господа потомственные, будем знакомы. Андрей Карачаев, владелец и капитан этого судна. Прибыл на вашу планету для работы по контракту, главным инженером рудника.

– Чрезвычайно рад нашему знакомству, – церемонно поклонился толстый, – А теперь перейдем к делу. Мои обязанности состоят в том, чтобы взыскать с вас налог за пользование посадочной полосой.

Он назвал довольно крупную сумму, и тут же пояснил, что если уважаемый владелец корабля сразу же заплатит и налог на взлет, то

ему будет предоставлена осязаемая скидка; если же оплата будет произведена в галактических долларах, то скидка станет еще более значительной.

Андрей, старавшийся никогда не ссориться (по крайней мере в первые же минуты) с властями новых планет, выписал чек на требуемую сумму. Это вызвало оживление среди оставшихся, и они гурьбой набросились на Андрея. Было предъявлено к оплате: стояночные для министерства стоянок; рулежные для министерства рулежек; ремонтные для министерства ремонта, и что-то еще для кого-то там. Андрей, заподозрив неладное, пытался отказаться, но был остановлен заранее приготовленными официальными бумагами с фиолетовыми печатями и красными гербами. Проклиная все на свете, Андрей уплатил требуемые суммы.

Получив чеки, делегация поспешно удалилась. Пожав плечами, и чувствуя справедливое раздражение, Андрей взял чемоданчик и отправился к космовокзалу. В

комнате въездного контроля его поджидала группа лиц в костюмах, галстуках и портфелях, чрезвычайно похожая на предыдущую компанию. В том же порядке, ему были предъявлены посадочно-стояночно-рулежные счета.

– Ну уж нет, господа, – возмутился Андрей, – вот квитанции, я все оплатил еще на борту корабля.

Встречающие погрузтели, но напора не сбавили.

– Ай-яй-яй, какая неожиданная накладка. Видите ли, вас встретили представители министерств взлетного поля. Мы же представляем собой министерства космовокзала. К тому же, согласно вчерашнего постановления правительства, взлетное поле переходит в наше подчинение. Теперь вы понимаете, что они просто не имели права взимать с вас налоги, так как это исключительно наша функция.

– Однако, – добавил он, увидев вытянувшееся лицо Андрея, – мы пойдем вам

навстречу. вы будете приятно удивлены. Мы сделаем вам персональную скидку. Да, да, не благодарите, это наш долг. Поскольку вы уже оплатили часть налогов для взлетного поля, то мы уменьшим стоимость на эту сумму. Согласитесь, это большая уступка с нашей стороны.

На стене, над головами министров, висели свежие постановления с невысохшими еще печатями. Они выглядели так грозно, что Андрею осталось только пробормотать, мол конечно, это чрезвычайно любезно с их стороны, и подписать новую партию чеков. Встречающие, расхватали чеки, и, пожелав Андрею приятного времяпровождения, исчезли. Андрей, наконец, смог выйти в зал ожидания.

Встречавший Андрея демокритянин был немногословен. Он взял его чемоданчик и направился к выходу. Ага – с облегчением подумал Андрей, – этот денег не потребовал, значит не министр. Он уже стал разбираться в обстановке.

Они вышли из здания аэровокзала и очутились на широком проспекте. Через проспект был протянут транспарант с лозунгом: "Чисто не там где убирают, а там где не пачкают!". Андрей мысленно пожал плечами, мало ли он их видел этих лозунгов, и огляделся вокруг. На проспекте, похоже, действительно не сорили: в обозримом пространстве не виднелось ни одного клочка мусора.

Несмотря на отсутствие мусора, вид у проспекта был запущенный. Проезжая часть, на которой почти не было машин, была вся в колдобинах, разметка отсутствовала. Давно не отремонтированные здания смотрели на улицу нематыми глазами окон. На тротуарах лежал хорошо различимый слой пыли. В пыли были протоптаны дорожки, по которым неловкой трусцой быстро передвигались редкие прохожие. Дорожки шли по внутренней стороне тротуаров, а в некоторых местах проходили вплотную к домам и становились совсем уж узенькими, словно идущие по ним

пешеходы двигались боком, прижавшись спиной к стене. На внешней стороне тротуаров в таких местах высились невысокие, весело разрисованные башенки, со всевозможными лозунгами, призывающими граждан не сорить и бороться за соблюдение чистоты. На вершине башенок были установлены небольшие вращающиеся пушечки.

Андрей вынул из кармана сигареты, и прикурил. Погасив спичку, он стал искать куда ее бросить. Урны поблизости не оказалось – на проспекте урны отсутствовали напрочь – но бросить спичку Андрей, к счастью, не успел. Ближайшая башенка ожила, и со скрипом развернулась в его сторону. Одновременно с этим, оружие на вершине башенки опустилось. По груди заскакал зайчик лазерного прицела. Онемевший от испуга Андрей обернулся к сопровождающему. Тот среагировал мгновенно. Он выхватил из руки Андрея сгоревшую спичку, медленно поднял ее перед

собой, так чтобы было видно из башенки, и также медленно положил ее в карман. Лазерный прицел погас, но оружие продолжало смотреть на Андрея.

– Пожалуйста, – сказал сопровождающий, – погасите сигарету и спрячьте себе в карман. И осторожнее, подставьте, пожалуйста, ладонь, чтобы не просыпать пепел.

Подражая сопровождающему, Андрей медленно погасил сигарету, и спрятал ее в карман. Башенка, неодобрительно загудев моторами, отвернулась. Андрей вытер со лба неожиданно выступивший пот.

– Мне говорили, что курить вредно, но чтобы настолько! – попытался пошутить он.

– Не надо принимать это близко к сердцу, – весело сказал сопровождающий. – Когда вы привыкните, то согласитесь, что мы нашли очень разумный компромисс.

– Какой компромисс?

– Видите ли, наша планета это общество с продвинутой демократией и развитой экономикой. Все жители живут в достатке и

занимают престижные должности. В таких условиях очень нелегко найти желающих работать дворниками. Поэтому был выдвинут лозунг о том, что надо просто перестать пачкать – и убирать станет незачем. Надзор за выполнением был передан министерствам полиции.

– вы хотите сказать, что если прохожие не будут мусорить, ну не бросать под ноги спички и бумажки, то этого достаточно?

– Ну конечно, смотрите сами, какая вокруг чистота! – гордо закончил свои объяснения сопровождающий.

Андрей подумал, что понятия о чистоте на их планетах несколько различны.

В это время башенка снова ожила и со скрипом стала разворачиваться. Андрей с удовлетворением отметил, что на этот раз в противоположную сторону. Проследив за прицелом пушечки, он увидел, как на крышу здания приземлился тощий, истрепанный голубь. Он сидел на карнизе покачиваясь под порывами ветра, и дуло пушечки качалось

вслед за ним.

— Птичку то за что?

— Так ведь гадят, несознательные. Один такой может испортить многолетние усилия всего города.

Голубь, похоже, не первый раз смотрел в дуло, направленного на него оружия борцов за чистоту. Не обращая на него внимания, голубь почистил перышки, огляделся по сторонам и двинулся вдоль карниза. Что-то ему там было нужно. К сожалению, в какой-то момент голубь не слишком удачно повернулся, и его задняя часть нависла прямо над тротуаром. Вероятность откровенного надругательства над чистотой и порядком стала настолько велика, что башенка решила предотвратить катастрофу. Раздался выстрел. Башенка не оставляла мусору никаких шансов. Пушечка на вершине, оказалась субмолекулярным деструктором. Голубь превратился в легкое облачко, которое еще пару секунд сохраняло его контуры, а затем быстро рассеялось в воздухе. Не осталось даже запаха.

Андрей с сомнением покачал головой.
Потом повернулся к сопровождающему,

– А она и меня так могла?

– Ну что вы, – как-то не очень убедительно пробормотал сопровождающий, – она это так, для профилактики. У нас уже давно никто не мусорит, и вообще...

От необходимости уточнить, что именно "вообще", сопровождающего избавила сама башенка. Внезапно она снова развернулась к Андрею. Завыла сирена, загорелся проблесковый маячок. Орудие на вершине стало подозрительно подергиваться, как бы решая, стрелять уже наконец, или еще потерпеть. Сопровождающий побледнел. Он взял Андрея под руку и подвел вплотную к башенке. Сбоку у нее открылось окошечко, из которого, жужжа, выскочила квитанция с уже знакомыми печатями и гербами.

– Что это? – оторопело спросил Андрей.

– Счет за оказанные услуги. Вот смотрите, министерство охраны чистоты проспекта Демократов. Счет за предотвращение

замусоривания охраняемой территории. При уплате галактическими долларами предоставляется скидка.

Рекомендуется оплатить немедленно, – добавил он, обращаясь к Андрею, – я надеюсь у вас есть доллары?

– Обойдется кредиткой, – злорадно ответил Андрей, уже разглядевший в окошечке считывающее устройство для кредитных карточек. Устройство призывно подмигивало красным огоньком.

– Я бы на вашем месте не рисковал, – смущенно пробормотал сопровождающий, незаметно отходя подальше.

– Ну уж нет, хватит с них наличных. Только кредитка, на 5 платежей, с отсрочкой начала выплат на полгода, – приговаривал Андрей, вставляя карточку в приемное устройство и стуча по клавишам автомата. Башенка нехотя приняла оплату, и с обиженным скрежетом отвернулась.

Наконец все с облегчением уселись в ожидавший их экипаж. Андрей откинулся на

мягкую спинку представительского лимузина, и, предварительно спросив разрешения, с удовольствием закурил. Лимузин тронулся, поехал, подпрыгивая на ухабах, по проспекту и уперся в шлагбаум, за которым стояли вооруженные люди.

– Ну а это что? – спросил Андрей.

– Не обращайтесь внимания, это просто платный въезд на территорию министерства дорог этого района. Такие пункты стоят на всех границах районов. Видите ли, мы...

– Знаю, знаю, вы общество продвинутой демократии и развитой экономики. Что дальше?

Э...мы, – видимо сопровождающему было непросто построить фразу, не упомянув в ней о достижениях своей планеты, – у нас очень большое движение, и все время требуются деньги на ремонт дорог. Поэтому за проезд взимается плата. Это же естественно.

– Непохоже, чтобы эту дорогу когда-нибудь ремонтировали, – заметил Андрей.

– Что вы, – удивился сопровождающий, –

Это один из лучших проспектов города. Он поддерживается в идеальном порядке. вы не поверите, какие огромные средства тратит министерство проспекта Демократов на его содержание. Я покажу вам их ежегодный отчет.

Андрей рассчитался и они поехали дальше.

— Черт побери, у вас этих министерств, как собак нерезаных. вы можете объяснить, что тут творится?

— Ну, так как мы планета продвинутой демократии, то нам необходимо большое количество министерств.

— Интересно, почему же?

Сопровождающий посмотрел на Андрея как на ребенка, которому надо объяснять элементарные истины,

— Но ведь это общеизвестно. Уровень демократии на планете определяется количеством министерств!

Остаток дороги до гостиницы, Андрей не проронил ни слова, только молча курил. В гостинице его ждал номер,

предусмотрительно заказанный и оплаченный заранее. Сопровождающий донес чемодан до двери и собрался уходить.

– Подождите, – Андрей сунул в ладонь сопровождающего заранее приготовленную купюру, – Спасибо. Похоже, вы спасли мне жизнь, там, на проспекте.

На непроницаемом лице сопровождающего промелькнуло что-то вроде сочувствия. Он наклонился, будто поправляя неровно стоящий чемодан, а выпрямляясь, задержался возле уха Андрея, и прошептал, – вы ничего не понимаете, уезжайте отсюда как можно быстрее, – потом развернулся и быстро ушел, не прощаясь.

Номер оказался очень уютным. Андрей, уже привычно, воспользовался кредиткой чтобы зайти в ванную и принял платный душ. Выходя, он предусмотрительно подпер дверь стулом, чтобы опять не захлопнулась. Поужинал консервами из полетного Н.З. (оставалось только гадать, во сколько обойдется ужин в местном ресторане) и сел к

экрану информатора. Истратив остаток денег на кредитной карточке, он получил доступ к центральной библиотеке.

Через несколько часов Андрей собрал всю информацию. Картина получилась следующая. В свое время, на планете существовало стабильное демократическое общество. Экономика развивалась не особенно бурно, однако обеспечивала работой большинство населения. А развитая система социальной помощи давала возможность остальным безбедно и беззаботно существовать на пособия.

Десятки политических партий соревновались друг с другом на парламентских выборах, обещая все новые и новые льготы своим избирателям. Придя к власти, партийные функционеры, как правило, забывали об этих обещаниях, и занимались, в основном, личным обогащением. Перед выборами их противники вскрывали злоупотребления, садились в министерские кресла сами, и ситуация повторялась.

Со временем, экономика перестала выдерживать груз чрезмерного количества политиков и бесконечных выборов. Жизненный уровень снижался, каждое новое правительство обвиняло во всем старое, но само ничего не меняло.

Кризис казался неминуемым, когда очередной премьер-министр придумал гениальную комбинацию. Все оставшиеся партийные средства были вовлечены в небывалую пропагандистскую компанию, результатом которой стал всенародный референдум. Была создана уникальная, в масштабах всего Галактического содружества, новая политическая концепция, а именно — институт пожизненного звания министра, с правом передачи должности по наследству.

Идея заключалась в следующем. Политик, занимающий должность временно, до следующих выборов, занят в первую очередь тем, что бы подготовить свое переизбрание. Он может сделать кое какие косметические изменения, но не больше. Серьезные

длительные проекты исключаются. Они вредны. Их результаты появятся после выборов и их припишет себе сменщик.

С другой стороны, человек, знающий, что его должность не зависит от расположения или нерасположения избирателей, сможет заниматься непосредственно своей работой. Его сын, будет с рождения готовиться к своей работе. Имея солидную материальную базу в виде отцовской зарплаты, он сможет получить соответствующее образование и стать достойным руководителем министерства.

Измученные бесконечными выборами, граждане единогласно проголосовали "за". Первые же годы правления пожизненных министров показали дальновидность решения. Были проведены необходимые реформы, запущены серьезные экономические проекты. Демокрития приблизилась по уровню жизни к самым развитым планетам Содружества. Этому периоду были посвящены горы исторических трудов. Статистики не уставали приводить сравнительные данные о состоянии

экономики до и после Исторического Решения, как оно официально называлось.

Однако, период расцвета быстро закончился. Члены оппозиционных партий, оставшиеся не у дел после назначения пожизненных министров, не смирились со своим положением и развернули активную подрывную деятельность. Органы безопасности все чаще сообщали о раскрытых заговорах. Было очевидно, что планете грозит гражданская война.

Тогда наследник покойного премьер-министра, принял новое историческое решение. Поскольку удержать власть в одних руках уже не представлялось возможным, он решил этой властью поделиться. Количество существующих министерств было увеличено вдвое, а на должности новых министров назначены руководители подпольных оппозиционных организаций. Таким образом оппозиция практически исчезла. Официально же объявили о разукрупнения министерств, в целях улучшения качества их работы.

Идея сработала, но ненадолго. Количество рвущихся к власти амбициозных политиков не уменьшалось. Каждое следующее поколение министров чтобы удержаться у власти и избежать переворота повторяло процедуру назначения руководителей подполья на новые министерские посты. Чтобы оправдать свои действия, правительство придумало лозунг о том, что уровень развития демократии измеряется количеством министерств. Демокрития назвала себя планетой Продвинутой Демократии, и окончательно погрязла в бюрократии и коррупции. Бесчисленные министерства, словно средневековые бароны, грызлись между собой. Единственной целью существования министерства стала добыча денег для обеспечения собственного существования. Экономика стремительно разваливалась. Редкие попытки наладить ее нормальное функционирование тут же захлебывались в бюрократических лабиринтах. Деньги выделяемые из бюджета не доходили по

назначению — их проедал и разворовывал управленческий аппарат.

– Ну вот, теперь все ясно, – сказал себе Андрей, – Действительно, пора отсюда смываться.

Наутро несостоявшийся главный инженер рудника вновь вошел в здание космовокзала. В отделе разрешений на выезд его уже ждали. Тяжелая бронированная дверь лязгнула, захлопнувшись у него за спиной.

Обернувшись, он увидел ухмыляющиеся рожи вооруженных охранников. Сидевший за столом чиновник изобразил предельно возможную степень гражданской скорби.

– вы не имеете права бросить работу и уехать. Ради вас мы отказали большому количеству кандидатов и теперь производство потерпит большие убытки, – примерно так, только более многословно и витиевато, заявило ему официальное лицо.

Андрей был готов к такому развитию событий и предложил заплатить неустойку за разрыв договора.

Чиновник оживился. Из недр письменного стола появилась стопка счетов. На всех документах, как водится, были печати, подписи и гербы: государственный и министерские. Начался торг. Андрей категорически отказался платить, заявив что калькуляция завышена. Ему опять показали все выкладки, и предложили 10-ти процентную скидку, при уплате наличными в галактических долларах. Андрей заявил, что таких денег у него нет и быть не может.

Ситуация накалялась. Неожиданно чиновник смягчился и спросил, – А какую максимальную сумму вы могли бы, все же, уплатить, за право выезда с нашей планеты?

Андрей назвал сумму, примерно в одну десятую часть требуемой. Для убедительности он добавил, что это все, чем он располагает, но согласен расстаться с этими деньгами, лишь бы убраться отсюда.

Чиновник тут же согласился. Он попросил Андрея подписать стопку заранее подготовленных бланков, получил и

пересчитал толстую пачку банкнот.

– Ну вот и замечательно, а вы переживали. Я же знал, что все будет в порядке. Будьте добры, вот пожалуйста, получите расписочку, у нас отчетность в полном порядке. Вот, пожалуйста, ваша выездная виза, разрешение на взлет, отметка об уплате таможенной пошлины и прочие документы.

Андрей в замешательстве взял в руки толстую пачку документов, дающую ему право на немедленный взлет.

– Ну, что же, в таком случае я пошел. За обслуживание моего корабля с меня взяли сразу после посадки, так что я надеюсь он готов к взлету?

Чиновник погрузтнел.

– Простите, вы кажется сказали *ваш* корабль?

– Что вы имеете в виду? – насторожился Андрей.

– Боюсь, произошло небольшое недоразумение, – медленно начал чиновник. По его сигналу, двое вооруженных людей

подошли к столу и встали между ним и Андреем. Остальные тоже пододвинулись поближе и ненавязчиво дышали ему в затылок.

— Я вынужден кое-что уточнить. Мне очень прискорбно говорить это, но я думал, вы поняли. Вы заплатили наличными лишь десятую часть вашего долга, а в уплату остальной части государство конфискует ваш корабль.

— Да успокойтесь же вы, — закричал он Андрею, на котором повисло полдюжины охранников. — Во-первых здесь стоит ваша подпись. Да, да, не маленький, надо смотреть что подписываете. А во-вторых, вам нечего бояться. В качестве компенсации вам, заметьте совершенно бесплатно, присвоен статус гражданина нашей планеты. Вы сможете жить здесь, как считаете нужным.

Андрей перестал отбиваться от державших его охранников. Его посадили на стул, дали воды. Успокоившись, он поднял глаза на чиновника.

— Но, что же мне теперь делать? —

испуганно спросил он.

– Ну вот, это другое дело, – сказал чиновник, тоже усаживаясь в кресло напротив. – Теперь давайте поговорим. вы можете снова подписать контракт с рудником и начать работать. Со временем накопите денег, выкупите свой корабль, и летите куда вздумается. А может быть вам у нас так понравится, что и улетать не захотите. Так что все в порядке, старина, не надо грустить.

– Хорошо, ваша взяла, – хмуро пробормотал Андрей. – Но, по крайней мере, помогите мне добраться до рудника.

– Конечно, конечно. Сейчас составим калькуляцию. Значит так: повторное оформление контракта; проезд до рудника; компенсация за потраченное служебное время сотрудника космовокзала – ну да ладно, здесь мы сделаем скидочку; оплата военизированной охраны...

– Подождите, какая охрана, меня не надо охранять – поспешил остановить чиновника Андрей.

– А это не вас, это меня охраняли. Вот эти милые люди. – показал на охрану чиновник. – Итого с вас 25 тысяч.

– Постойте, но я ведь только что отдал вам свои последние деньги!

– У вас что, совсем ничего не осталось? – спросил чиновник, – ну может быть хоть тысяч пятнадцать?

Андрей отрицательно махнул головой – Я действительно отдал вам все.

– Ай-яй-яй, как это опрометчиво. К сожалению, в этом случае, я ничем вам помочь не смогу. Но вы не расстраивайтесь. Вы ведь теперь гражданин Демокритии, и у вас есть все права...

– В том числе и право сдохнуть с голода? Отвезите хотя бы меня на рудник! – закричал Андрей

– Ну вот, вы опять сердитесь. Мы не можем везти вас в кредит. Министерство сообщения космопорта с рудником категорически запрещает подобные перевозки. Не переживайте. Найдите какую-нибудь

работу здесь, накопите денег и приходите снова. Мы будем рады вас обслужить! – С этими словами чиновник встал и собрался выйти из комнаты.

Андрей понял, что это последняя возможность покинуть планету. Эх, подумал он, хорошо живется героям в приключенческих романах. У них всегда есть какие-нибудь секретные приемы таинственных единоборств, чтобы свалить десяток-другой вооруженных охранников. А потом появляется длинноногая блондинка и увозит на своем корабле. А тут выкручивайся, как сумеешь.

Он рывком поднялся со стула. Охранники снова напряглись, но он остановил их таким начальственным жестом, что те, интуитивно почувствовав начальство, остановились.

Чиновник оторопело уставился на Андрея.

– А вы пройдите на свое место, – сказал Андрей с металлом в голосе. Он даже как будто стал чуть-чуть выше. Он дождался, пока удивленный чиновник вернется за стол, достал

из портфеля пачку вчерашних счетов, на которых угрожающе синели печати и подписи, и грохнул их на стол.

– КОНТРОЛЬНАЯ ЗАКУПКА!!! – заорал Андрей что есть силы, – Я потомственный министр-ревизор министерства по надзору за государственными служащими. Вы неправильно оформили передачу корабля в собственность государства, и тем самым, поставили под удар основы нашей продвинутой демократии. – Андрей болтал наобум, главное было продолжать нападение. – Вы очень хорошо знаете, как мы караем подобные преступления.

Чиновник и охрана остолбенели от изумления. Чиновник побледнел и схватился за сердце. Видимо, сделка действительно была не слишком законной.

– Вы не снабдили договор о передаче имущества нотариальным заверением о дееспособности сторон, не приложили справку о прохождении кораблем тех. осмотра..., – Андрей продолжал выдумывать

нарушения, допущенные при составлении грабительского контракта

Чиновник захрипел и стал заваливаться набок. Андрей понял, что пора останавливаться. Очередным начальственным жестом он отправил охрану за дверь.

– Итак, – не давая чиновнику перевести дыхания продолжал Андрей, – будем составлять протокол. Освободите место! – сказал, он спихивая с кресла чиновника, и усаживаясь на его место. Чиновник грохнулся на пол, и оттуда смотрел на Андрея, снизу вверх, по-собачьи. Эта позиция окончательно расставила акценты. Сломавшийся чиновник, с причитаниями выдал Андрею документы на корабль. Он дескать и сам собирался передать их в распоряжение уважаемого министра. Андрей принял их царственным жестом. Пообещав смягчить, насколько возможно, участь провинившегося, он вышел из комнаты. Охрана у входа заранее отдавала честь. Через десять минут Андрей был в космосе.

– Ну, что же, – сказал, помолчав, шеф, – пока это была лирика. Ты доложи мне, Андрюша, конкретно, по заданию. На Демокритию, по нашим данным, за последние несколько лет улетело более ста высококвалифицированных специалистов по разработке горных месторождений. Ни один из них так и не приступил к работе, и ни один не вернулся обратно. Что мне указать в отчете?

– Вот как это происходит. Министерства природных ресурсов отправляют заявки на квалифицированных специалистов, необходимых на рудниках. Министерства труда и занятости обрабатывают эти заявки, и приглашают инопланетных специалистов. Министерства транспорта занимаются их приемом, министерства жилья предоставляют им гостиницы, и так далее. Все это не бесплатно. Взаиморасчеты между министерствами давно не проходят, поэтому деньги с приезжих берут сразу же, на местах.

И получается так, что на полпути к месту будущей работы, приезжие остаются без гроша и превращаются в бомжей.

– Никакого заговора не существует, – закончил Андрей, – Никто заранее этого не планировал, и следовательно никто конкретно не несет ответственности. Им действительно позарез нужны специалисты, богатейшие рудники простаивают. Люди просто не успевают добраться до места работы.

– И даже посадить некого. Обидно, – подвел итог шеф, – Ну, хорошо. Этих бедолаг мы, конечно, разыщем и отправим по домам. В общем, будем считать, что с заданием ты справился. А сцена, когда ты выдал себя за ревизора, меня просто растрогала. Как импровизация, это неплохо. А вот насчет секретных приемов, которыми владеют герои космических опер, то вот тебе направление в тренажерный зал. Вместо отпуска, позанимаешься, дружок, рукопашным боем. Стыд и срам, что наш агент, вместо того, чтобы просто вырубить десять охранников,

разыгрывает перед ними театрализованные представления!

Каприз математика

– Вы говорите "война". На Гере не бывает войн. Никогда не было. Нет даже элементарной уголовщины. Во времена когда герряне только начали осознавать себя как разумная раса, видимо была создана целая система табу, направленная на то, чтобы довести наибольшее количество индивидуумов до стадии, когда они смогут воспроизвести потомство. В их сегодняшнем обществе мотивы иные. У геррян панический страх перед смертью, и даже перед любым физическим увечьем. Это не атавизм, а вполне разумная реакция. На Гере принято уходить из жизни в пожилом возрасте, в окружении своих детей, в сладком сне едва теплящегося разума. И им невозможно, немислимо, сознательно идти на смерть самим, или обрекать на муки другое разумное существо. Этим, кстати и объясняется то, как молниеносно была оккупирована их планета.

Они сидели на веранде небольшой скромной дачи: молодой модный корреспондент и хозяин – седой пожилой человек, но с прекрасно сохранившейся фигурой, как это бывает у людей, всю жизнь следящих за своей физической формой. Разговор шел, как положено в интервью с отставным секретным агентом, строго в рамках одной единственной истории – истории жителей планеты Гера, физиологические особенности развития которых, едва не послужили причиной их гибели. История эта не представляла секрета, особенно через столько лет, однако подробности были достаточно интересны, чтобы корреспондент потратил не один день добываясь согласия хозяина на это интервью.

– Итак, вы говорите, что по достижении половой зрелости уровень интеллекта геррян сильно снижается?

– Не снижается, а падает почти до нуля. Они забывают все, что знали. Они не в состоянии приготовить себе пищу. Они только

резвятся друг с другом.

– Но ведь это именно то, что утверждали Лигонцы. Они деградируют настолько, что превращаются в обычных животных.

Хозяин достал сигарету, покрутил в руке и поколебавшись, закурил. Сделал две затяжки и раздавил ее в пепельнице.

– Взрослые герряне, ни в коем случае, не животные, – продолжил он. – Скорее, такие жизнерадостные домашние питомцы. За ними нужно ухаживать: вовремя накормить, уложить спать. Они проводят время в своих псевдо-спортивных играх. Эти игры построены так, что результат не важен или его просто нет. Они просто получают удовольствие от физических действий, от самого процесса игры. Радость движения. Вот это слово – радость – все время приходит на ум, когда наблюдаешь за ними. Они просто радуются каждой минуте жизни.

– Как дети, которым в детстве многого не позволяли, а теперь, оставшись одни, они наверстывают упущенное? – попытался

уточнить корреспондент.

— Я бы так не сказал. Они все-таки взрослые. При всем их внешнем якобы идиотизме, они не объедаются сладким, и не отказываются рано ложиться спать. Такое вот сочетание взрослого понимания и детского, непосредственного поведения. Вот, вкратце, как устроена их жизнь. Половая зрелость наступает достаточно поздно, когда организм находится на пике физической формы. Примерно в это же время они теряют свою разумность. Цивилизация держится на детях, которые рождаются совершенно самостоятельными. Главный секрет выживания геррян — это генетическая память. Ребенок рождается с готовым образованием. Дети не ходят в школу, чтобы медленно, по крупицам, с нуля узнавать вещи, которые их родители узнавали так же мучительно долго. Ребенок-геррянин все просто помнит. Он сам видел эту огромную реку, текущую на другом континенте. Он сам открывал этот физический закон, потерпев не одну неудачу и

не в одной жизни, но все же придя к решению загадки. По нашим меркам, они все поголовно гении. Если бы им не приходилось тратить большую часть времени ухаживая за взрослыми, то я не берусь предсказать, каких высот они могли бы достичь.

– По вашим словам, это просто какое-то благословение господне, подарок целой расе. За что такая избранность? – спросил корреспондент.

– Да нет, это вовсе не подарок. Обычная уловка эволюции. Природа никогда не бывает щедрой. За всей веселостью и бездумьем поведения взрослых герррян стоит серьезная работа естества. Процесс продолжения рода у них необычайно сложен, и предъявляет серьезные требования к физической форме и мужчин, и женщин. Поэтому, на самом деле, это веселье есть не что иное, как постоянная тренировка, для обеспечения продолжение рода. Все существование взрослых направлено лишь на то, чтобы родить детей. Вот и все. А благословение это или кара, оставьте решать

людям более компетентным. Я простой сыщик, знаете ли.

– Не скромничайте. Ведь именно благодаря вашей эрудиции и была спасена Гера.

– Ну, у меня университетское образование: немного одного, немного другого, и никогда не знаешь, когда что пригодится.

– Да, это наверное будет интересно нашим читателям, но давайте все же вспомним все по порядку, – предложил корреспондент.

– Если по порядку, то все началось с того заседания.

Малый конференц-зал штаб-квартиры Организации Объединенных Планет был переполнен. Хотя представительство было весьма однородным. Основную часть составляли корреспонденты коммунистических газет и органов масс-медиа крайне левых партий. Первых легко можно было отличить по обязательному красному банту в петлицах дорогих, сшитых на заказ,

костюмов. Кроме корреспондентов, присутствовало значительное количество коммунистических партийных функционеров. Эти одевались почему-то в смокинги. Обязательный коммунистический бант у них незаметно трансформировался в элегантный галстук-бабочку, правда все того же, ярко-красного, цвета.

Не помню, почему я попал именно на эту пресс-конференцию. Так называемая штаб квартира Организации Объединенных Планет на самом деле разрослась до масштабов небольшого городка, с целыми кварталами, многие обитатели которых никогда не встречались, а порой и не знали о существовании друг друга. Ежедневно заседали сотни разнообразных комиссий и подкомиссий, комитетов и общественных форумов. Ежедневно принимались десятки резолюций, призванных улучшить, восстановить, произвести или наоборот: запретить и искоренить; резолюции осуждающие и резолюции одобряющие;

решения принять неотлагательные меры и постановления о прекращении вмешательства.

Уследить за всем невозможно, даже если это ваша работа. А это действительно и была моя работа. И не только моя. Существовала целая организация, негласно контролирующая то, что происходит в ООП. Мы были невидимками в этом бесконечном водовороте. Мы принимали необходимые меры для предотвращения катастроф, вызванных очередным популистским решением ООП, останавливали не успевшие начаться войны, или выигрывали уже начавшиеся. Всего не перечислить. Вкратце, мы делали то самое дело, ради которого и была создана Лига Планет.

Официально мы не существовали. Один только факт признания того, что планета, предоставившая территорию для всепланетного центра, и выступающая гарантом его независимости и неподсудности, неофициально не только контролирует, но и в значительной мере корректирует решения

этой самой престижной международной организации, мог ввергнуть Содружество Планет в хаос.

Итак, протолкнувшись в зал, я прежде всего обратил внимание на непропорционально большое скопление коммунистов и левых. Это всегда настораживает меня. Только не подумайте, что я симпатизирую правым – лгут и воруют точно так же. Но здесь было нечто привлекавшее мое внимание. Я уже знал, что была принята дорогостоящая программа, оплачиваемая из средств ООП, и отданная в единоличное распоряжение Лигона. А Лигон, в то время, был планетой с одним из самых жестких коммунистических режимов в Содруестве. Планета и так была практически закрыта для сторонних наблюдателей, а тут получила большой проект со статусом невмешательства со стороны представителей других планет.

Из речи представителя Лигона, кроме обещания скорой и неизбежной победы коммунизма во всей Галлактике, я узнал

следующее. Лигонский разведывательный корабль обнаружил планету с когда-то развитой, а теперь увядшей цивилизацией. Не бог весть какая новинка – со многими случалось. По разным причинам: войны, эпидемии, природные катаклизмы. Существовали даже специальные организации под эгидой ООП, которые занимались восстановлением таких планет.

В данном случае провозглашалось другое. Планета была в идеальном порядке, с прекрасной природной средой. Технологические центры исправно функционировали в автоматическом режиме, выдавая горы продукции. Но вот с населением произошла катастрофа.

– В полном соответствии с учением наших классиков, раса геррян, под гнетом капиталистических отношений, загнала себя в исторический тупик – вещал с трибуны председатель. – При прекрасно развитой сфере производства средств потребления, не имея передовой теории о развитии общества,

население планеты превратилось в пассивных потребителей. Они погрязли в потреблении и бесконечных развлечениях. В конечном итоге это привело к полной деградации населения, причем настолько сильной, что они потеряли разум и превратились в настоящих животных.

Последовали кадры кинохроники. Все показанное действительно внушало отвращение к этому, потерявшему от собственной жадности разум, миру. Здесь были обильно накрытые столы, с которых неопрятно одетые и измазанные герряне ложками глотали деликатесы, редко появляющиеся на стол даже на самых богатых планетах. На других – толпы равнодушно проходили в музеях мимо висящих на стенах шедевров живописи. Были улицы со стоящими автомобилями между которыми бродили герряне, утратившие способность к управлению ими. Казалось еще немного и они начнут обнюхивать и пробовать на вкус великолепные произведения технической мысли своих предков. Были магазины,

заваленные бытовой техникой, на которую никто не обращал внимания. Эти кадры, почему-то, вызвали особое возбуждение среди представителей коммунистического лагеря.

Далее представитель лигона рассказал о самой программе. Она заключалась в том, что лигонцы, вооруженные своим самым передовым учением, вновь восстановят цивилизованное общество на планете. Предполагалось, что дети геррян, воспитанные надлежащим образом, вырастут нормальными, разумными существами, посвятившими свою жизнь свободному созидательному труду на благо общества, ради светлой цели возрождения планеты. Для этого предлагалось ликвидировать автоматизированное производство, оставив лишь самый необходимый минимум. Воспитание детей вести в коммунистическом духе, в общественных учебных заведениях-интернатах, где им станут прививать отвращение к излишествам и приучать довольствоваться только самым необходимым.

По мере взросления детей планировали переселять в общественные трудовые заведения, где они будут творчески жить и работать в обстановке минимальных удобств. В сочетании коммунистического мировоззрения и сознательного отказа от роскоши, приведшей геррян к упадку, организаторы проекта видели путь к спасению расы. Для этого Лигонцы потребовали и, разумеется, получили крупное финансирование на длительный срок. Но главным условием был полный карантин Геры. Это требование объяснялось тем, что представители враждебных коммунизму идеологий могли занести на планету вирус потребительства, и свести на нет все усилия.

Кампания была оформлена как убедительная победа коммунистической идеологии. Победа в той странной войне, которую коммунисты вели уже много веков, не осознавая, что на другой линии их идеологического фронта никого нет. Ибо Сообщество давно свыклось с их

существованием, и просто не обращало внимания на подобные заявления.

Зря, как выяснилось. Даже из того, что было сказано открытым текстом, я видел, что Геру собираются превратить в один большой трудовой лагерь. Оставалась надежда, что весь проект, как и многие подобные, просто лопнет как мыльный пузырь, а деньги рассосутся в бесчисленных бланках отчетности.

Я очень надеялся на это, когда спускался в архив. К сожалению, оказалось, что мои худшие опасения сбылись. Проект не был простым прикрытием, он действительно существовал. Более того, уже были проведены первые опыты. Лигонцы так спешили облагодетельствовать Геру, что начали их, не дожидаясь финансирования со стороны ООП. Представленные материалы выглядели настолько убедительно, что проект был утвержден почти без обсуждения и обычных бюрократических проволочек.

Этими материалами я и заинтересовался. Это была съемка в созданных исправительно-

учебных заведениях, где специально отобранные дети воспитывались с самого рождения. Кадры были тщательно подобраны, в расчете на максимальный эффект. Аккуратно подстриженные мальчики и девочки в строгой школьной форме, чинно сидели за партами в классах. Вот симпатичная девчушка с красным галстуком читает стихи о светлом будущем. Вот мальчик с умным взглядом выводит на доске алгебраические формулы. Вот дружно, всем классом, после уроков сажают деревья возле школы. А вот они с серьезными лицами, с молотками в руках, уничтожают залежи дорогостоящей бытовой техники.

Все это сильно напоминало стандартную коммунистическую кинохронику. Видно было и то, что это не подделка, а реальные кадры, снятые на Гере. Уж это я вижу мгновенно. Но я увидел и еще что-то. Тренированное подсознание привычно отреагировало, включив сигнал тревоги.

Я снова, кадр за кадром, стал смотреть

записи. Я внимательно просмотрел материал о деградировавшем населении, кадры из которого показывали на пресс-конференции. Меня удивило то, что сняты были только взрослые. Ни в одном кадре я не видел детей. Ни одного ребенка, даже на заднем плане. Тогда я вернулся к пленкам с перевоспитанными в новом духе детьми. Девочка и стихотворение. Ничего, разве что проскальзывает отвращение, ну так такие стихи по доброй воле не считаешь. Мальчик пишет формулы на доске. Дети сажают деревья.

Я продолжал искать. Девочка. Стихи. Мальчик. Формулы. Формулы. Еще раз. Что-то промелькнуло там. Что-то очень знакомое и странно выделяющееся.

И я ее увидел. Среди стандартных формул начал элементарной алгебры, этот маленький человечек тем же аккуратным детским подчерком вывел формулу знаменитой теоремы Ферма. Затем он быстро стер ее, как будто ошибся, и продолжал выводить все те же

простейшие алгебраические формулы.

– Простите за невежество, у меня все-таки чисто гуманитарное, хотя тоже университетское, образование. Что это за формула? – корреспондент перебил хозяина.

Видите ли, с этой формулой в свое время произошла довольно занятная история. Эту запись обнаружили после смерти Ферма, на полях одной из его рукописей. Буквально одна строчка, на первый взгляд простейшая теорема:

$$X^n + Y^n = Z^n, \text{ где } n > 2$$

не имеет решения в целых числах.

Не было ни доказательства, ни даже каких-либо комментариев. По одной версии – Ферма просто записал пришедшую в голову идею, чтобы впоследствии вернуться к ней; по другой – ему это казалось настолько очевидным, что он просто записал формулу, чтобы полюбоваться ее изяществом, и вернулся к прерванной работе. Такой каприз художника, точнее великого математика.

Оказалось, что доказательство отнюдь не

тривиально. Лучшие математики того времени не смогли найти решения. Французская академия наук даже пообещала приз доказавшему эту теорему. И в Париж хлынул поток писем. Писали все: от студентов до учащихся младших классов и домохозяек. Пришлось академикам срочно принять новое решение и, как это было сделано с заявками на изобретение вечного двигателя, прекратить рассматривать письма с попытками доказательства теоремы Ферма.

Впоследствии, с развитием новых направлений в математике ее, конечно, доказали. Шума вокруг этого уже не было, но сама формула так и осталась красивым математическим этюдом.

Он все рассчитал, этот маленький храбрец. Ни учитель, ни оператор, ни остальные – те, кто наверняка находились по другую сторону от камеры – не заметили или не обратили внимания на эту появившуюся и стертую строчку. Внешне все выглядело, как и должно быть – перевоспитанный мальчик постигал

начала элементарной математики. А мальчик, ненароком, показал знакомство с высшей математикой, чего никак не могло быть, по официальной версии. И сделал это с точнейшим расчетом, выбрав формулу, выглядевшую на первый взгляд, формулой из элементарной алгебры, которой его якобы обучали. Но внимательный наблюдатель мог понять. Мальчик знал, что для того, кто увидит, это будет целое послание. Это был сигнал SOS, написанный большими буквами.

К счастью, я увидел. Это стало основанием начать расследование. Прошло немало времени, прежде чем мы разобрались в физиологии геррян и в их общественном устройстве. Постепенно всплыло и то, как Лигонцы обнаружили Геру, и захватили ее, практически без сопротивления. Разграбив все, что можно, они превратили население в рабов. Затем, чтобы окончательно обезопасить себя, они разработали операцию, целью которой было официально передать Геру под полный контроль Лигона.

– Ну что ж, я благодарю вас за рассказ. И позвольте напоследок еще один вопрос. После того, как Гера получила независимость и стала равноправным членом Содружества планет, разве не никто не пытался исправить эту ситуацию и дать геррянам возможность сохранять разум в течение всей жизни?

– Вы правы. Такие исследования проводились, и медики действительно обнаружили ген, отвечающий за возрастную потерю разумности. Оставалось решить чисто технические проблемы. Все были счастливы – мы могли не просто загладить свою вину перед геррянами, но и коренным образом улучшить их жизнь. Была разработана методика и отряд добровольцев готовился к вылету.

Корреспондент подался вперед, не скрывая вспыхнувшего профессионального интереса:

– Я читал отчеты по Гере, но нигде не встретил упоминания о подобной операции.

– Была одна вещь, которую оставалось

сделать перед отправкой спасательной экспедиции. Следовало получить согласие самих геррян.

– И они согласились? – машинально спросил корреспондент.

Хозяин, уже не колеблясь, достал еще одну сигарету, закурил, выпустил несколько безукоризненных колец дыма, дождался пока они растают, и прищурясь посмотрел на корреспондента.

– Ну а вы сами-то, как думаете?

Я должен это увидеть

Служебные обязанности вынудили меня провести несколько дней на заштатной планете в системе Бетельгейзе. Закончив все дела в филиале фирмы, я обнаружил, что нужный мне звездолет отправляется лишь в понедельник.

Предстояло провести выходные на планете, и я не знал чем их занять. Сотрудник филиала, с которым я контактировал все это время, предложил сходить на стадион. Там состоится женский чемпионат по легкой атлетике, пояснил он. И добавил со странной улыбкой, что я не пожалею о потраченном времени.

Меня удивило, что чемпионат женский. Насколько я знал, легкая атлетика – вид спорта, в котором участвуют оба пола. Когда я сообщил об этом, сотрудник как-то странно посмотрел и, покраснев, спросил о моей сексуальной ориентации.

По роду работы я колесил по всей Галактике, и странные обычаи разных планет давно меня не смущали. Я ответил, что ориентация у меня традиционная, и, в свою очередь, поинтересовался, в связи с чем он задал этот вопрос. Лицо сотрудника просветлело, и он объяснил, что среди мужчин чемпионат, конечно, тоже проводится. Но на эти соревнования ходят в основном женщины. Хотя, смущенно добавил он, часть мест на стадионе отведена и для мужчин.

Объяснения сотрудника немало не прояснили ситуацию, и лишь подстегнули мое любопытство. Я вспомнил рекламные плакаты чемпионата возле гостиницы. На рекламе были изображены очаровательные молодые спортсменки в коротких облегающих маечках и чисто условных трусиках. Подумав, я согласился.

Стадион был полон. Это меня удивило: на Земле даже футбольные матчи давно не собирают такого количества зрителей – болельщики предпочитают смотреть спорт

дома, по визору.

Объявили начало состязаний. Первым в программе был забег на три тысячи метров. На дорожку вышли два десятка девушек в спортивных костюмах. Их встретил гул оаций. Девушки очаровательно улыбались в ответ.

Подготовка в забегу показалась мне чересчур затянутой. Ведущий с микрофоном в руках представлял по очереди участниц, задавал им вопросы. Девушки отвечали, не переставая улыбаться и принимая эффектные позы. Операторы снимали интервью крупным планом и тут же транслировали все на большие экраны, установленные перед трибунами.

Наконец, представление участниц закончилось. Девушки отошли за стартовую линию и принялись снимать спортивные костюмы. Делали они это медленно и элегантно. При этом они старались попасть в поле зрения операторов. Сняв костюмы, девушки остались в спортивной форме,

состоящей из уже знакомых мне по рекламным изображениям коротеньких маечек и легких трусиков.

Однако, на этом подготовка к забегу не кончилась. Вместо того, чтобы выстроиться на линии старта, девушки продолжали раздеваться. Теперь они делали это еще медленнее, еще эротичнее. Стадион загудел.

Я бросил взгляд на своего знакомого. Он кивнул мне, улыбнулся и предложил не отвлекаться. Я снова перевел взгляд на дорожку. Спортсменки, не торопясь, полностью обнажились, и остались лишь в беговых кроссовках. Только после этого они выстроились на стартовой линии. Судья выстрелил и забег начался.

Первое время необычный вид спортсменок мешал мне сосредоточиться на спортивной составляющей мероприятия. Потом, оторвавшись от созерцания отдельных девичьих фигурок, я попытался рассмотреть всю картину в целом.

Даже если не учитывать необычного вида

бегуний, забег проходил довольно странно. Спортсменки разделились на две группы. Первая, состоявшая из пяти-шести самых некрасивых спортсменок, быстро ушла вперед, и, постепенно наращивая темп, все более и более обгоняла основную группу. Борьба за лидерство в этой группе развернулась нешуточная. Экраны показывали искаженные от напряжения, потные лица спортсменок. Девушки не жалели усилий, они отчаянно сражались за место у бровки, отпихивали соперниц, толкались локтями.

Остальные участницы забега вели себя иначе. В отличие от лидеров, они никуда не торопились. Девушки бежали легко и свободно, уделяя внимание не скорости, а красоте и элегантности бега. Они бежали аккуратной цепочкой, сохраняя между собой определенную дистанцию. В эти свободные промежутки залетали операторы в антигравитационных костюмах и снимали бегуний крупным планом.

Стадион безумствовал. Группы

болельщиков на трибунах размахивали портретами фавориток и скандировали их имена. Спортсменки очаровательно улыбались в ответ, махали ручкой, но не предпринимали никаких попыток прибавить в скорости, чтобы выиграть забег или хотя бы сократить расстояние до лидирующей группы.

Зато как прекрасно девушки выглядели на экранах визоров. Красивые молодые лица без капельки пота и умело наложенным макияжем; белозубые улыбки и безупречные обнаженные тела буквально сводили с ума болельщиков. Стадион уже не гудел. Он стонал.

Как я и предполагал, передовая группа закончила забег, обогнав остальных участниц на несколько кругов. Победительница в изнеможении упала прямо за финишной чертой. Остальные спортсменки лидирующей группы тоже были не в лучшем состоянии. Согнувшись и уперев руки в бока, они медленно ходили по дорожке. Их широко раскрытые рты лихорадочно ловили воздух. Я

с удивлением подумал, что никогда раньше не обращал внимания, как отвратительно некрасивыми выглядят бегуны после финиша.

Я перевел взгляд на основную группу. Девушки, по-прежнему не торопясь, одна за другой элегантно пересекали финишную черту. Даже на последних метрах дистанции ни одна не попыталась прибавить скорость и занять более высокое место.

Забег завершился. Так и не поднявшуюся победительницу унесли на носилках. Остальные лидеры ушли вслед за ней. На них никто не обращал внимания. Все взгляды были обращены на вторую группу.

Девушки быстро облачились в свои маечки и трусики, что получилось у них не менее эротично, чем разоблачение. Вокруг спортсменов, как гигантские комары, вились операторы. Появился ведущий с микрофоном. Опять пошли интервью, на экранах замелькали улыбающиеся лица и прочие части молодых здоровых тел. Стадион постепенно успокаивался.

Я повернулся к своему соседу. Тот понял, что необходимы пояснения.

– Видите ли, соревнования у нас проводятся по несколько видоизмененным правилам.

– Да уж, – кивком подтвердил я. – Вы первые в Галактике, кому пришло в голову полностью обнажить спортсменов.

– Как раз это – инициатива самих участниц, – возразил собеседник. – Понимаете, все началось с того, что у нас катастрофически пропал интерес к спортивным состязаниям. Болельщики перестали ходить на стадионы. Даже по телевизору спортивные каналы почти никто не смотрел. Тогда федерация спорта решила изменить правила. Теперь соревнования судит специальное жюри. Участникам выставляют две оценки: за скорость и художественное впечатление.

– То есть, вы хотите сказать, что по новым правилам спортсменка может и не прибежать первой, но тем не менее выиграть забег, за

счет впечатления, которое произведет на судей?

– Вы совершенно правы. Обычно так и происходит. Более того, система подсчета постепенно изменяется в сторону усиления баллов за художественное впечатление. Вы сами видели, сегодня лишь несколько спортсменок попытались набрать очки за счет скорости бега. Но оценки за художественное впечатление у них будут очень низкими.

Как бы в подтверждение его слов, диктор объявил результаты забега. Первое место завоевала блондинка, с фигурой плейбоевской дивы. Я припомнил, что она пришла к финишу где-то в середине второй группы.

Однако никого, кроме меня это не смущало. На поле вынесли пьедестал и блондинка поднялась на верхнюю ступеньку. Она приветливо помахала руками и стадион взорвался свистом и криками, приветствуя свою любимицу.

Второе и третье места заняли не менее очаровательные девушки. Ни одна из

финишировавших в первой группе спортсменок в число призеров не вошла.

Соревнования продолжались. Постепенно я втянулся. Два дня проведенные на стадионе пролетели приятно и незаметно.

В понедельник утром, я упаковал чемоданы, расплатился с портье, и на такси отправился в космопорт. По дороге я обратил внимание, что стенд, на котором еще вчера висела реклама чемпионата по легкой атлетике, стоит пустой. Я вздохнул и заставил себя смотреть в другую сторону. Через некоторое время, на той стороне дороги так же возник рекламный стенд. Его уже успели обновить. Со стенда проезжавшим машинам улыбались миловидные девушки в разноцветных крошечных платьицах и с теннисными ракетками в руках.

Я наклонился вперед и спросил у водителя, что означает этот плакат. Радостно улыбаясь, таксист сообщил мне, что сегодня в городе начинается чемпионат планеты по теннису, который продлится две недели.

Некоторое время мы ехали молча. Затем я схватил водителя за плечо и велел отвести меня обратно в отель. В отеле я снял номер на две недели, и послал гиперграмму на Землю: «СВЯЗИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ ОСТАЮСЬ БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ ДВЕ НЕДЕЛИ».

Пусть меня уволят, но я должен это увидеть.

После конца света

– Встать, суд идет! – раздалось из под сводов огромного зала.

Послышалось шуршание одежд, хлопки крыльев. Зал озарился сиянием нимбов: двенадцать апостолов-присяжных заняли свои места. За ними прошествовал представитель защиты в парадном белом одеянии, с большими пушистыми крыльями за спиной. Следующим в зал вошел обвинитель, его копыта громко цокали по выложенному цветной мозаикой полу. В руках, как символ своей власти, черт сжимал традиционный трезубец. Левый зубец был несколько короче остальных – то ли сломан, то ли стерся от частого употребления. Последним в зал вбежал секретарь в строгом деловом костюме, черных туфлях, белой рубашке и галстукe. Он чувствовал себя неуверенно и все время озирался по сторонам.

Когда в зале все успокоилось и воцарилась

тишина, в председательском кресле появился Судья. Он быстро оглядел присутствующих и кивнул секретарю:

– Огласите дело!

Секретарь опасливо прокашлялся.

– Слушается дело Кузнецова Алексея Петровича, родившегося в Смоленске в 1948 году. Суд рассматривает совокупность грехов и добрых поступков, с целью вынесения окончательного приговора по итогам его земной жизни. Дата: первый день после конца света.

Судья нахмурился, от чего по залу пронесся вихрь холодного воздуха. Стены покрылись инеем.

– Секретарь, уточните, почему для такого заурядного случая потребовалось заседание Высшего Суда с моим личным участием. Напоминаю, что перед концом света в канцелярию святого Петра были спущены подробные методические указания. Данная методичка содержит список всех возможных прегрешений с указанием штрафных баллов,

начисляемых за них. Во второй части содержится список поощряемых добрых дел, с таблицей призовых очков. Канцелярии оставалось лишь подвести баланс и вынести душе приговор в соответствии с результатом.

Секретарь затрясся то ли от холода, то ли от страха.

– Ваше Всемогущество, при расчете по методичке мы получили нулевой баланс. Очевидные грехи и очевидные добрые поступки подсудимого полностью уравнивают друг друга. Однако дело содержит целый ряд поступков, которые при искренне положительной мотивации подсудимого, приводили к отрицательным последствиям, и наоборот. Противоречие оказалось неразрешимым на уровне канцелярии, поэтому и было принято решение о созыве сессии Высшего Суда. На рассмотрение Суда выносятся лишь спорные деяния подсудимого.

Судья раздраженно пожал плечами и ударил в гонг.

– Обвинение, огласите первый пункт!

Прокурор поднялся:

– 30 октября 1978 года в аптеку, где подсудимый работал в должности заведующего, поступило дефицитное лекарство. Несколько упаковок этого лекарства подсудимый спрятал в свой сейф. 3 ноября 1978 года в 12.00 была продана последняя упаковка этого лекарства. В 14.00 того же дня в аптеку зашла гражданка Никитина Е.Н и не смогла купить лекарство для своего отца. Через несколько дней отец гражданки Никитиной Е.Н скончался. Обвинение считает, что смерть больного наступила по вине подсудимого.

Судья согласно кивнул:

– Здесь все ясно. Подсудимый впал в грех алчности и этот грех привел к смерти другого человека. Заслуживает наказания.

Адвокат вскочил со своего места:

– Прошу суд выслушать противоположную сторону!

Судья неохотно разрешил.

– 5 ноября того же года, через два дня после упомянутого происшествия – начал адвокат, – в кабинет подсудимого вошла в слезах гражданка Свиридова К.Т. и рассказала, что ее отец тяжело болен и ему необходимо лекарство, которое она нигде не может найти. Подсудимый достал из сейфа то самое лекарство и отдал его гражданке Свиридовой. Покупка была оформлена в кассе магазина, причем подсудимый категорически отказался от предложенной сверху суммы. Экспертиза, исследовав альтернативные варианты развития вселенной, показала, что этим поступком подсудимый спас жизнь отца гражданки Свиридовой.

Прокурор прервал адвоката:

– Протестую! За время работы в аптеке, подсудимый создал себе целый капитал всевозможными махинациями с лекарствами.

Судья неодобрительно взглянул на прокурора:

– Махинации подсудимого Суд не интересуют. Это стандартные грехи. В

настоящее время Суд рассматривает лишь мотивацию данного поступка. Адвокат, продолжайте!

– Подсудимый искренне гордится своим поступком. Он считает, что спас жизнь человеку.

Судья на мгновение задумался, затем произнес:

– Решение по данному эпизоду откладывается. Прокурор, огласите следующий эпизод!

Выдержки из судебного протокола:

...Прокурор: Подсудимый обвиняется в том, что запретил сыну жениться на любимой женщине.

Адвокат: Подсудимый знал, что делает сыну добро. У него было больше жизненного опыта и он видел, что этот брак не будет счастливым.

Прокурор: Не остановившись на этом, подсудимый женил сына на другой женщине.

Адвокат: С которой тот счастливо прожил

десять лет.

Прокурор: А потом разошелся!

Адвокат: Да, она оказалась стервой!

Прокурор: Значит вина подсудимого доказана – он разрушил жизнь своему сыну.

Адвокат: Экспертиза показала, что несостоявшийся брак сына подсудимого тоже был неудачным.

Прокурор: Потому, что подсудимый вырастил сына эгоистом.

Адвокат: Подсудимый делал для своего сына все что мог. А мог он больше, чем многие другие. И искренне гордился этим...

...*Прокурор:* Подсудимый обвиняется в том, что подписал на партийном собрании письмо в вышестоящую инстанцию. Вследствие этого человек, о котором говорилось в письме, получил тяжелый инфаркт и остался инвалидом на всю жизнь.

Адвокат: Подсудимый лишь выполнял свои служебные обязанности. Он твердо знал, что его отказ ничего не изменит, а лично ему

может принести неприятности. Грех равнодушия, между прочим, не входит в список смертных грехов...

Так продолжалось несколько часов. Наконец Судья поднялся:

– Прошу стороны прекратить прения. Решение по данному делу откладывается в связи с невозможностью вынесения однозначного приговора. Я должен подумать. Объявляется перерыв.

Зал опустел. Судья с секретарем остались одни.

– Пока никого нет, Расскажи вкратце, что там еще осталось.

– Следующий подсудимый Кочергин Василий Николаевич. Наемный убийца. За неделю до конца света он пожертвовал храму большую сумму, причастился и исповедался. Батюшка наложил на него епитимью в размере десяти «Отче наш», и от вашего вмени отпустил ему грехи.

– Вот как? Интересно, интересно.

Продолжай.

– Кочергин прочитал по требнику молитвы и ушел в отпуск. До наступления конца света он больше не грешил. Теперь он формально чист и ждет когда его отведут в рай.

– Да уж, неувязочка. Кто еще?

– Группа террористов-смертников. На счету у каждого более десятка жертв. Они крайне возбуждены, хвастаются своими подвигами и требуют девственниц.

– Каких девственниц, что ты несешь?!

Почему их сразу не отправили в ад?

– Я даже боюсь сказать, Ваше Всемогушество. Они, э-э, – секретарь замялся, потом решившись, выпалил: – они утверждают, что выполняли вашу волю.

– Мою волю?!

В огромном мрачном зале полыхнула молния. Раздались раскаты грома. Посыпалась штукатурка, на дальней галерее с грохотом упала колонна. Секретарь спрятался под стол.

– В мечетях их учили, – принялся объяснять секретарь, благоразумно оставаясь

под столом, — что, вы, в вашем мусульманском воплощении, подарите райское блаженство и сорок прекрасных девственниц каждому правоверному мусульманину, который, пожертвовав собственной жизнью, убьет несколько неверных. Они искренне гордятся этими убийствами и ждут не дождутся обещанной награды.

Наступила пауза, больше не сопровождаемая катаклизмами. Опасливо озираясь, секретарь выбрался из под стола и занял свое обычное место.

Судья произнес:

— Какой ужас! — Затем тяжело вздохнул и добавил: — Но это все, я надеюсь?

— Нет, Ваше Всемогущество. Вас ожидают члены еврейской ортодоксальной общины. Они всю жизнь занимались тем, что изучали одну единственную книгу, которую вы оставили в своем иудаистском воплощении.

— Пожалуй многовато для одной книги, даже если написал ее я сам. Я имел в виду, что она послужит им указанием как жить и

работать на благо других людей.

– В этом и заключается противоречие. Эти люди никогда не работали, не служили в армии, зато получали стипендию и всевозможные льготы от государства.

Фактически они жили на средства работающих налогоплательщиков. Но мы не можем предъявить им обвинение, так как формально они соблюдали абсолютно все, что написано в той книге. – Секретарь помолчал и смущенно добавил: – Они требуют, чтобы их приняли по разряду праведников.

– Этого только мне не хватало. Хорошо, остановись. Скажи, сколько всего дел стоит в очереди на рассмотрение?

– 6 миллиардов 17 миллионов 457 тысяч 123 дела, Ваше Всемогущество.

– Сколько?! Но это же все население Земли на день наступления конца света!

– Не совсем, Ваше Всемогущество. Мы смогли отправить в рай однодневных младенцев. Правда, только тех, чьи матери не пострадали при родах...

1985-й

Снег за окном. Опять снег. Нормальная московская зима. А вот год ненормальный, переломный, 2000-й. Подбирается XXI век, подбирается и мое 40-летие. И с чем мы к нему пришли? Что не удалось? Вроде все нормально. Давай по порядку – жена, работа. Ну, давай по порядку.

Итак, Света, жена. Не хуже, чем у других. Не лучше, так что? Сумасшедшей любви не наблюдается уже давно, но скандалы пока редки, а до мордобоя вообще ни разу не опускались. Теплоты прошлой не хватает. Ну, так все позамерзали мы здесь, выстудило страну. А так все спокойно, привычно. Даже можно иногда позволить какую-нибудь интрижку на стороне.

Работа. Работаю я в крупной американской фирме. Ну, скажем не в фирме непосредственно, это один из филиалов ее московского отделения, но какая разница,

вывеска та же, и зарплата хорошая. Езжу на работу не в метро, а на собственной машине. Пусть не мерседес, но зато и не автобус.

И все же последнее время все чаще возвращаюсь мыслями на 15 лет назад, в тот далекий и уже непонятный сегодня 1985-й. Ведь была возможность уехать. В Америку. С любимой женщиной. Как Ирка просила, плакала по-настоящему, мол, пропадешь ты здесь, все вы здесь пропадете, сдохнете. Не пропали, не сдохли.

Хотя к чему это все? Ну, не сдохли, так и не живем по человечески. Почему ее не послушал, почему не уехал с ней? Были причины. Конечно, была куча причин, и все казались тогда важными; и была куча проблем, казалось, неразрешимых по тому времени. Сейчас, с высоты моего сегодня, все выглядит по-другому. Спокойно мог взять и уехать. Бросить все и уехать с Иркой. И что бы было?

Почему-то эта мысль последнее время приходит ко мне все чаще и чаще. Не просто

уехать в Америку. А уехать тогда, в 85-ом, вместе с Ирккой. Интересно, как она там? Ни разу с тех пор не написала, не позвонила. Первое время я весь издергался, потом осталось просто любопытство, как она устроилась, чем живет, а потом все забылось, навсегда. Вот и сейчас думаю о ней только о той, которая осталась там, в 85-ом.

Взять и уехать. Вместе с Ирккой. Из 85-го года и в Америку. И все было бы по-другому. Была бы жизнь, не серая рутина эта беспросветная, а жизнь, настоящая жизнь.

Ну вот, размечтался. В Америку – это мы, может, и потянем, а вот как насчет 85-го? Машину времени не изобрели, да и кто ж ее тебе даст? Кто тебе даст вторую попытку прожить эти 15 лет?

Действительно, кто? А может, и найдется кто-нибудь, а? Дружище, ну подумай, ведь нет покоя от этой мысли – что, если бы согласился и уехал? Ну, соображай, кто может помочь? Черт, ну откуда я знаю! Кто тебе может... Стоп, ты сам его назвал. Черт, демон, джин

аравийский, бес российский, да мало ли их.

Ты что, родной, совсем съехал на почве бесконечного самокопания? Дьявола вызвать собрался, доктор Фауст ты наш?

А что? Ну не самого, конечно. Это правило я еще в армии изучил – если хочешь чего-то добиться, то к начальству не обращай. Найди того, от кого все зависит непосредственно, с ним и пообщайся. Найди к нему подход, поговори, он ведь тоже человек, поймет. Главное, не светиться на самом верху; все вопросы должны решаться непосредственно на месте. Так что без дьявола обойдемся. А попробуем вызвать кого-нибудь попроще, беса поменьше, но с понятием.

В принципе, сама процедура вызова и материализации духа довольно проста. Здесь, как и во всех магических процедурах, важно не столько знание и умение самого мага, сколько общая аура, возникающая из веры общества в целом. Вспомним средневековых ведьм. Ведь летали же они на метлах? Летали. И порчу наводили, и больных излечивали.

Потому, что верили люди в это. Так было принято, всем это казалось простым и естественным – вот и летали. А когда запретили сверху, да народ прижали, чтоб помалкивал, тут же вся подъемная сила из метел и исчезла.

Так и моем случае. Никаких вареных летучих мышей, никаких мантий, пассов руками и заклинаний на непонятном языке с завываниями и гримасничеством. Никого этим сегодня не убедишь. И никаких свечей и пентаграмм на полу. Сегодня никто уже и не знает, что это за штука – пентаграмма, и сколько в ней углов, а значит, это все не сработает.

А сработает то, во что обыватель верит сегодня. Что ж, не так плохо. Выходит, что на самом деле у меня полностью развязаны руки – режиссеры бесконечных фантастических сериалов сформировали у зрителя четкую уверенность в том, что чудак очкарик со своим компьютером может создать любое устройство, получить ответ на любой вопрос,

и даже победить инопланетный флот вторжения. Так что вызвать беса при помощи обычного домашнего ПК вполне возможно. Главное, чтобы компьютер выглядел убедительно. И в точности соблюдать все ритуалы из фильмов.

Хорошо, представим себе, что идет съемка очередного фантастического фильма. И по ходу дела будем импровизировать. Ну вот, сюда, например, присобачим панельку с красивыми лампочками, и пусть они загораются и гаснут по очереди. Это у нас будет генератор напряженности магического поля переноса. Включаем. Ого, как напряглось!

Замечательно. Теперь с бешеной скоростью набираем на клавиатуре команды. Все равно что, главное – печатать быстро, не глядя на клавиатуру, упершись орлиным взором в экран. Кстати, а что у нас там на экране? Да не важно это, не отвлекайся. Вспомни, в фильмах экран никогда не показывают. Тут главное периодически делать

паузу и сообщать вслух, что очередной этап успешно прошел.

И поехали. Печатаем первую серию абракадабры. Стоп, ты сам-то веришь, что получится? Не очень? Тогда делаем небольшую паузу, восстанавливаем дыхание, берем себя в руки, а за это время пусть генератор поднапряжет наше поле как следует. Только так, милый мой, только полная уверенность. Теперь команда, которую мы ввели – будем считать, что это запрос на вход в систему. Какую систему? Откуда я знаю. Все всегда начинают с того, что пытаются войти в систему. Так, отлично, меня, конечно, не пускают. Следующий шаг – взлом пароля. Все, не мешайте, я сейчас сама сосредоточенность. Среднестатистически, по фильмам, я должен безуспешно провести 2,75 попытки. Пусть для достоверности их будет 4. Все же система сложная, и охраняться должна особенно тщательно.

Итак я четыре раза ввожу неправильный пароль, и мое лицо мрачнеет с каждым разом.

Держись, держись. Ты что думаешь, волосы из бороды или бровей рвать было легче? Тебе же только рожу кривить надо с умным видом, чтобы последний дебил понял, что у тебя что-то там, пока не получается. Вот так, хорошо, Марчелло Матростройни ты мой. Оскара тебе конечно, не видать, но для сериала вполне.

Теперь произносим вслух первую фразу заклинания:

— Черт, если и пятая попытка провалится, то меня просто выкинет из системы. Чего же ему не хватает?

Хорошо, очень хорошо. Взъерошим голову, встанем и пройдем по комнате с задумчивым видом (не смеяться, балда, все испортишь!). Все, достаточно. Теперь следующая фраза заклинания:

— Ага, вот оно, ну конечно!

Побольше драматизма в голосе, ведь ты нашел пароль для входа в систему! И бегом к компьютеру, бросайся на стул так чтоб он всхлипнул (реализм, реализм!) и печатай короткую, как выстрел, фразу.

Есть! Господи, на экране действительно что-то засветилось. Символы какие-то, непонятные, но выглядит в точности как приглашение командной строки в UNIX. Все, приехали. Сейчас розовые слоны порхать начнут.

Не отвлекайся. Пошел процесс, пошел, ты же видишь, что-то действительно получается. Печатай запрос. Печатай! Все что хочешь, только не сиди с открытым ртом, ты же имидж погубишь, и все тут же рухнет. Давай, стальной блеск в глазах – ты уже близок к заветной цели. Что? На экране ответ на твою ахинею? Небось что-нибудь про неправильный синтаксис.

Да нет. Я сейчас чокнусь. На экране появилось меню. На том же неизвестном языке, странное какое-то, но меню. Была не была. Выбираем второй пункт (я не лох, чтоб хвататься за первое же предложение), и даем подтверждение.

А вот теперь действительно пора вручать Оскара. В центре комнаты возник светящийся

матовым цветом цилиндр. Ага, это из "Стар Трек". Ну, в общем-то, логично, я подсознательно так и представлял это себе. Итак, цилиндр густеет, перестает светиться. Кто у нас там? Правильно, как и просили. Никакого балагана с адским огнем и запахом серы. В центре комнаты стоит опрятно одетый по моде конца XVIII века наш родной российский бес, не из крупных. Удивленно озирается, бедняга, не ожидал такого сюрприза. Небось вытащила тебя из-за письменного стола твоего бухгалтерского сила неведомая, да и шмякнула сюда. Вон, аж до сих пор между ушами молнии постреливают. О, молодец, сообразил, заземлился за батарею, и все поуспокоилось.

Ну, здравствуй, дорогой, теперь-то я готов, теперь импровизация кончилась, и начинается наука общения. А уж это я умею.

Когда рассекретили, с последующей распродажей, отдел рукописей Древнего Востока Ленинки, я сумел приобрести несколько свитков. И узнал следующее.

Древние мудрецы действительно умели вызывать демонов. Как и средневековые алхимики.

Но было в свитках и другое. Сложность заключалась не в технической стороне дела, которая как раз была отработана. Главная трудность была в том, что вызванные бесы напрочь отказывались исполнять желания вызвавших их чародеев. Более того, за исключением единичных, вошедших в историю, удачных случаев, все эти попытки заканчивались весьма печально для гордых своим умением, недалеких простаков.

Между тем, причина провала лежит на поверхности. Почему считается, что материализовавшийся демон должен служить магу?

Представьте, например, что вы спускаетесь в лифте, и вдруг видите перед собой вместо привычного загаженного подъезда такую незнакомую комнату с пренеприятнейшим существом посередине. И это существо на плохом русском начинает вам командовать

что-нибудь типа "эй, раб, принеси-ка мне все земные сокровища и пару самых красивых девственниц в придачу". Ваша реакция? Правильно, назад в лифт и домой. А если воспитание позволяет, то и в морду перед этим.

С точки зрения демона ситуация выглядит именно так. Ни с того ни с сего выдернули из привычного мира, и на тебе – тащи сокровища земные за здорово живешь. Кроме естественного раздражения человека, простите демона, которого внезапно оторвали от дела, возможно, весьма серьезного, а хуже того – интимного, никаких добрых чувств демон не испытывает и испытать не может.

Ну что ж, давай порассуждаем. В принципе, заклинание вызова духа не только переносит его в наш мир но и материализует. Переместившись в наш мир, демон изменяется, это основной закон перемещения. То есть в данном случае вызванный мной бес из чисто духовного, бестелесного создания превратится в материальный объект. И цокает

этот объект копытцами по моему паркету. И пахнет его тело отнюдь не розовым маслом, воняет, можно сказать, это тело, хоть и возникло только что. И вот это, вполне осязаемое тело, имеет вполне осязаемые желания и потребности.

Желания тела. Дух, который скорее всего только понаслышке знает о так называемых телесных удовольствиях, не может этим не интересоваться. Значит, прежде всего надо объяснить, что ему выпал уникальный шанс воспользоваться материальными, а не привычными духовными, благами.

Ну и что можно предложить хозяину новообращенного тела? Приволочь ему пару девиц и оставить на ночь, чтоб показали ему небо в алмазах? Вряд ли. Скорее всего, понятия о сексуальной привлекательности у нас настолько разные, что и пытаться не стоит.

Между тем желудок у людей и у бесов устроен одинаково. Только пользоваться желудком бесам случается очень редко. Так

что новизна и острота ощущений завидная. В принципе, ему и стакана бормотухи с карамелькой на газетном листе будет достаточно, с непривычки-то. Но... Будем интеллигентны. Тем более, на что он способен-то будет после бормотухи? Смеситель в ванной поменять?

А мы вот накроем стол на белой скатерти. Да разольем в хрустальные стопочки замороженную водку. Причем не финскую, не аглицкую какую-нибудь, а нашу, московскую, настоящую, конечно, не паленую. И закусим мы первую стопку икорочкой – это обязательно, я настаиваю. А потом селедочкой, и чтоб на ней лук колечком. А потом сразу же, только дыхание перевести, и по второй. И за ней вдогонку грибочек маринованный, симпатяга в ковбойской шляпе с широкими полями, да на ножке такой вкусной, весь в нитях рассола. Ведь она, водочка, что во рту делает? Она, мамочка, сама вкуса как такового не имеет, зато все сосочки вкусовые у нас во рту ополаскивает и

очищает так, что после нее вкус еды ощущаем, как чувствовали только в раннем детстве, набегавшись на улице, а потом съев бабушкиного пирога. И вот этот грибок всем своим благоуханием проникает прямо в душу, так что искры из глаз, так, что весь мир полюбить готов.

Ну-с, а теперь остановочка. Не торопясь, (сживали за столом, сживали!) поковыряемся в салатиках, прислушаемся к ощущениям. А когда первые восторги поулягутся, тут уже наливаем третью. Внимание! Третья обязательно должна быть полной. И опрокидываем ее на одном дыхании, щелчком, и зажмуриваемся, и трясем головой от восторга. И тут уже перед нами возникает, скворча, тарелка с мясом. Нет, конечно можно туда положить и гарниры всякие, и соусами разными, по французскому обычаю, облить. Это все вторично. А первичное – это есть кусок жареного мяса. И кушаем мы это мясо не торопясь, вкушаем, наслаждаемся, вспоминаем предков своих

хищных. Но и медлить тут особо нельзя – как только начнет остывать, тут и половина радости пропадет. Поэтому лучше всего такое блюдо употреблять частями, малыми порциями, пока остальное потихоньку доходит на углях.

Перед предпоследней порцией мяса (именно предпоследней а не последней, потому, что нехорошее это слово – последняя), так вот, перед предпоследней порцией выпиваем четвертую. Эту пьем не торопясь, с чувством. Перед процедурой вздохнем ненавязчиво, да под столом незаметно распустим на пару дырочек ремешок на животике. Вот так. Четвертая она всегда хорошо проходит. Тут и закусывать особенно не нужно, так, прижать сверху кусочком мяса, чтобы улеглась поудобнее, и хватит, пожалуй.

Теперь следует перекурить. И вот что я вам скажу – выбросьте вы свои сигареты. Их вы будете курить на автобусной остановке, пряча в кулак от дождя с ветром. Нет, после такого обеда нужна только сигара. Достаньте вы ее из

футлярчика, да возьмите гильотинку специальную, чтобы обрезание ей, голубушке, сделать, да раскурите хорошенько над золотой зажигалочкой (важно это все, важно!) и пускайте себе дым в потолок. И не затягиваемся – легкие беречь надо. В воздухе и так отравы всякой хватает. А у нас ритуал. Мы же не курим, мы благовония возносим.

А вот теперь, когда в руках дымятся сигары, а на столе, на западный манер, стоят пузатые бокалы, а в них на доньшке коньячок плещется, вот теперь можно и о делах поговорить. Тут уж ни у кого язык не повернется отказать хозяину в пустяковой просьбе. И вот уже подводится мой гость непосредственно к цели своего вынужденного визита.

– И вот что я вам скажу, милейший Александр Аркадьевич. Просьба ваша, в принципе выполняема. Один нюансик только утрясем с вами, и вперед. Вы в свой 85-й, а я к себе в бухгалтерию, а то, поди, уж хватились меня. (А! Нет, ну как я его вычислил –

бухгалтер он там!)

— А что за нюансик, позвольте полюбопытствовать?

— Пустая формальность, друг мой, уверяю вас. Дело в том, что изменять историю можно с одним условием. История всегда одна, и никаких альтернатив не существует. Поэтому предоставить вам вторую попытку, начиная с 1985-го года, как вы просите, невозможно.

— Однако, это уже не нюанс, как вы изволили выразиться, это выражаясь вашим языком, полный нонсенс!

— Не торопитесь, любезнейший. Я же сказал, что перенесу вас в ваш 1985-й, и с дамой своей вы снова встретитесь, и сможете сказать ей "Да, гори оно все огнем, да". А вот после этого начнется другой вариант истории, и эта, нынешняя ваша жизнь, исчезнет. Вы не просто забудете ее, ее никогда и не будет. Согласны? Тогда прошу вас.

Москва, лето 1985. Руки Ирины вокруг моих плеч, губы шепчут — Ну, милый мой, милый, ну решайся наконец.

Я хорошо помню эту сцену. Сколько раз я видел ее во сне и пытался что-то сказать, но голоса не было. Вот и сейчас, испугавшись, что опять пропадет голос, я просто оторвал голову от Иркиных волос, взял ее лицо в ладони и молча кивнул.

* * * * *

Дождь за окном. Этой зимой почему-то все время идет этот дождь, какой-то особенно мокрый, видимо, доставшийся Нью-Йорку в наследство от его английского предка. За окном 2000-й год. У меня 40-летие. И все вроде в порядке. С Ирккой, конечно, уже нет той безумной любви, но уживаемся, ничего, попритерлись за 15 лет. Я так подозреваю, что у нее кто-то есть. Так, ничего серьезного, просто "для здоровья", как выражается ее лучшая подруга. Я тоже пару своих быстротечных романов на стороне не рекламирую. Ирина у меня личность целеустремленная, хваткая. Карьеру делает не

хуже моей, а то и лучше.

В принципе, я, конечно, тоже стою на ногах. Работаю в крупной фирме. Правда, в маленьком отдаленном филиале, но кому же я про это расскажу? А на визитке только название компании. Нет, правильно я сделал, что удрал из России тогда, в 1985-ом. Те, кто потом приехали, ох как им досталось. Нам, конечно, тоже не сахар, но значительно легче.

Тогда почему же я все время вспоминаю Светины глаза? Ничего мне не ответила, когда я сказал, что уезжаю. Только посмотрела. И ведь понял ты все тогда, сразу же все понял. Что не надо никуда бежать, не надо счастье свое искать где-то, когда вот оно, рядом. Руку только протяни, и будет у тебя и тепло и любовь, и будет у тебя настоящая жизнь, а не эта бесконечная гонка. Понял, все ведь понял, но не сделал ничего, не протянул руку, а пошел как под гипнозом за Иркой, открывать и покорять Америку.

Открыл. Покорил. А дальше что? Почему все время тянет назад? Причем ведь не просто

в Москву, нет. Это как раз пожалуйста, выпиши чек, и лети себе на здоровье, только таможенникам успевай отстегивать. Так нет. Тянет меня в Москву 1985-го года, когда смотрела на меня Света, молча смотрела. И ничего мне уже не надо в такие минуты, только отпустите меня назад, туда, в 1985-й, и дайте возможность постоять с ней вот так, молча, и понять наконец ее взгляд, и вот так же молча, одним только взглядом, ответить ей, чтоб и она поняла.

Господи, дьявол, ну кто-нибудь, помогите!

Дьявол? А что если действительно попробовать...

* * * * *

За окном висит пыльная мгла. В этих местах она называется хамсин, что означает "пыльная буря". Никак не могу этого понять. Буря – это сильный ветер. А здесь в воздухе висит мельчайшая пыль при полном штиле, и ни туда, ни сюда. Кондиционер охрип от

напряжения, гоняя остатки чистого воздуха из одной комнаты в другую, по наглухо, как подводная лодка, задраенной квартире. Удивляюсь, как точно и достоверно сумел описать Булгаков ту сцену в Иерусалиме. Да в такой хамсин, да с разыгравшейся мигренью, кого угодно на крест пошлешь. Сам повесишься, чтобы не видеть эту бордово-оранжевую мглу за окном. Земля это вообще или уже Марс? Разгулялась нынче погода.

И как это Аркадий сумел уговорить меня тогда, в 1985-м, приехать сюда? Ирка чуть ли не волоком тащила в Нью-Йорк, вон какая недавно приезжала. Вся из себя, и муж при ней собачонкой бегают. Света, та ничего не говорила, просто ждала, надеялась до последнего, что не брошу, не уеду. Тоже сейчас неплохо устроилась, ну, лаются с мужем по вечерам, а чем там еще заниматься по вечерам — у них, говорят, из дома, как стемнеет, страшно выйти.

И вроде все есть, карьера, семья. А вот тянет, тянет вернуться в 1985-й год, что-то,

видимо, я не так сделал тогда. Вот бы вернуться, разобраться. Помог бы кто, и я тогда брошу все и вернусь.